

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВЕРШИНА: ПОХОД К ТРЕТЬЕМУ ПОЛЮСУ

Из философских наблюдений

«Сотвори во мне чистое сердце, Боже»

Пс.50:12

Предисловие

С годами сырой тяжелый воздух морских побережий Греции начал вызывать у меня сильную одышку. К этому добавилось второе воспаление лёгких. Врачи рекомендовали хотя бы изредка выезжать в горы на высоты 2000 - 2500 м над уровнем моря, на которых я прожил большую часть жизни, так как легкие никак не желали адаптироваться к морскому сырому климату. Пришлось выбраться далеко в высокогорье, чтобы продышаться в чистых и мирных горах, которых из-за войн на планете остается все меньше и меньше.

Верные друзья по молитвенной жизни, скорые на помощь, решили сопровождать меня в нелегкой поездке. С собой я взял блокнот, предполагая ввести краткий дневник и надеясь на досуге записывать свои наблюдения. Эти трёхстишия родились там сами собой. Результатом этого горного похода, вместе с трёхстишиями, стала небольшая книга. Привожу здесь выдержки из дневниковых записей и некоторые беседы о духовной жизни и Спасении. Эти наблюдения и размышления записаны в палатке на привалах и ночлегах, часто при свете небольшого фонарика или свечи. Точные географические координаты не имеют значения. Это могла быть любая из многочисленных вершин планеты.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. В ГОРЫ

«Возвожу очи мои к горам, откуда придёт
помощь моя» Пс.120:1

Нужно сказать, что предстоящая дорога вначале предстала простой и несложной, но затем неожиданно ворвалась в душу удивительными событиями и происшествиями. Теперь обо всем по порядку. Нас - четверо монахов и один мирянин. Сентябрьский день отлёта тих и ясен. Безотчетное чувство счастья переполняет, кажется, всех нас. В аэропорту стоит несмолкаемый шумный говор и слышно шарканье многочисленных ног. Высокорослые альпинисты, со всем их громоздким снаряжением, готовятся к тому же рейсу, которым предстоит лететь и нам. Один из них, по-видимому, руководитель, оживлённо жестикулируя и самодовольно улыбаясь, делится впечатлениями о своих восхождениях. До слуха донёсся обрывок его какой-то незаконченной фразы:

- ...А он мне на самой вершине заявляет: «Наша с тобой спортивная жизнь безцельно убегала год за годом, пока не убежала совсем!»

И тут я ему говорю:

- Ну, знаешь, тогда нам с тобой не по пути!

У слушающих возник горячий спор. В зале ожидания между моими спутниками сама собой завязалась беседа:

- Как трудно в поездках хранить молитву! - задумчиво сказал кто-то из моих друзей.

- Будем молиться утром и вечером, соблюдая монашеское правило, - ответил ему уверенным тоном другой.

- Иисусова молитва всем монахам вменена в обязанность, - промолвил ещё один собеседник. - Если её держаться в пути, то, уверен, получится так, словно мы даже не покидали своего уединения...

Я слушал эту беседу с большим вниманием, присматриваясь к моим спутникам. Многим из них ещё предстояло открыть для себя, что такое горный поход, в котором трудно утаить от других малейшие слабости своего характера. С тем, что говорили друзья, сердце моё было совершенно согласно.

- Батюшка, а что скажете вы? - обратились ко мне друзья.

- Отцы и братья, вы все отправились со мной лишь потому, что у меня большие лёгкие, и вы хотите помочь мне поправить в горах здоровье и продышаться. Если повсюду пребудем с молитвой, то Матерь Божия нас не оставит! - вступил я в разговор, ощущая в душе огромную благодарность за их участие в моих бедах. «Они ни в чем не уронят себя, когда мы все вместе и со Христом!» - подумалось мне. «Чудесно жить на свете, когда рядом есть верное плечо!» А вслух добавил:

- Обязательно будем молиться в походе и причащаться по воскресеньям Запасными Дарами! Моя личная просьба к вам - старайтесь держаться поста и храните себя. Когда так будем делать, Господь поможет нам...

В стекле самолётного иллюминатора на мгновение гигантским зеркалом заискрилось море, озарённое веером закатных солнечных лучей, и осталась далеко позади. Итак, впереди - горы...

От горизонта до горизонта - зубцы, пики, провалы и впадины в клубящихся тучах. Утренняя заря огненным контуром обозначила пределы земли: где-то там пролегает наша тропа, слитая с дыханием высот. Вершины хребтов смутно серебрятся в широких разливах медленно встающего из-за бесконечный горной гряды воспалённого светила. Внизу, в предрассветной дымке долины - синие вены рек, красные артерии просыпающихся автострад, зелёные пятна селений на выгоревшей от жары почве. Стекла в домах радужно отблёскивают восходящим солнцем. Взор завораживает прозрачная глубина алеющего неба. Самолет глубоким виражом заходит на посадку - бетонную стрелу аэродрома, расцвеченную синими и желтыми огнями.

Душный горячий воздух пахнул в лицо бензиновой гарью. В здании аэропорта стоит прохлада. Любителей гор видно издалека по широкополым шляпам и огромным рюкзакам. Профессионалы-альпинисты держится особняком. Пассажиры местных авиалиний и служащие пестрят разноцветной одеждой невероятных оттенков: фиолетовые, красные, синие, голубые и жёлтые цвета поначалу шокирует взгляд. Большинство женщин - с детьми, и очень много молодёжи. Среди европейцев попадаются «припорошенные» - увлекающиеся восточными культами. Их заметно по какому-то особенному «стеклянному» взгляду.

На таможне - строгий пристальный взгляд поверх очков в толстой оправе.

Таможенник держит паспорт в руке:

- Патер?

- Да. Патер.

- Приехал проповедовать? - в упор спрашивает он.

- Приехал подышать в горах...

- Христианин? Ортодокс?

- Да. Христианин. Да. Ортодокс.

- Я тоже ортодокс! - он поднимает указательный палец кверху. - Крещён в Греческой Церкви!

Полнейшая неожиданность для меня:

- Поздравляю!

- Хорошо. Вот ваши документы. Добро пожаловать в нашу страну!

Ненавязчивое радушие и искренняя вежливость служащих трогательна в суете прилетов и отлетов бесчисленных пассажиров. Простые скромные лица запоминается и создают хорошее настроение.

Получаем свой багаж и, волнуясь от предстоящей встречи с незнакомой страной, выходим из аэропорта. Нас встречает гид: хваткий парень лет тридцати со смысленным и добрым лицом. Он неожиданно дарит нам гирлянды цветов- маленькие солнышки цветков календулы, нанизанных на нить.

- Зачем это нам? - у всех недоумение.

- Обычай... - смеется он.

В микроавтобусе едем по городу: бестолково шумному, жаркому и пыльному. С любопытством осматриваемся вокруг.

Такое радостное настроение первых встреч с незнакомыми людьми, населяющими эти необъятные горные просторы, длится весь день. Его не портит даже некоторые неприглядные картины окрестностей аэропорта: много шума, грязи и нищих. Солнце безжалостно припекает широкую долину, которая, казалось, изнемогает от жары. Одинокие стрижи завораживают глаза каскадами головокружительный полётов. Под ногами суетятся шумливые скворцы-майна, совсем не боящиеся людей.

Вдоль грязной замусоренной реки на камнях разложены для сушки цветастые покрывала и какие-то одеяния из длинных полос ярко-голубой ткани: женщины стирают белье. Некоторые мужчины там же моют мылом голову. Повыше на берегу - не то постройки, не то балаганы из чёрной плёнки. Обилие людей кружит голову - очень непривычно. Средний возраст - тридцать-сорок лет, пожилые встречаются очень редко. То и дело мелькают по сторонам культовые сооружения.

На тротуаре у дороги - горы кокосовых орехов. Бойкие продавцы одним ударом острого мачете срубают верхушку плода и предлагают прохладное угощение ценителям этого напитка. Водитель остановился у одной из таких кокосовых горок. Гид вышел из машины и делает рукой широкий жест:

- Угощаю!

После перелёта прохладный, слегка сладковатый сок бодрит и придает сил.

На людных улицах - сплошная стена людей. На перекрёстке нищие мальчишки-акробаты ловко крутят перед машиной акробатическое колесо. Обмениваемся взглядом с гидом:

- Дайте, им несколько рупий, чтобы не обижались!

В открытое окно протягивается множество грязных ручонок, в которых тут же исчезают протянутые мной деньги. Ребятишки торжественно, с улыбкой, отдают нам честь.

У прохожих не видно унылых лиц. Бедность жуткая: в переулки страшно глядеть. Среди этой нищеты неожиданно возвышаются роскошные резорты и отели с величественными швейцарами. Всюду мотоциклы и скутеры: сплошная лавина в синей бензиновой гари. У многих сзади - маленькая кабина, откуда выглядывает потные смуглая лица. Это местные такси.

Наконец, гвалт, гудение людских голосов и сумятица приезда остались позади.

Гостиница средняя, нам по карману. Всюду улыбки и дружелюбное отношение:

«Руси приехали!» Под окном моей комнаты на ветвях цветущего тамаринда стайка обезьян. Бросаю им апельсин и тут же у них начинается игра в прятки.

Наконец, победитель, сидя на высокой пальме, торопливо ест сладкий плод, то и дело подглядывая по сторонам. В тени магнолий пронзительно кричит

павлин.

Вечерняя прогулка по городу вызывает больше усталости, чем отдыха: толчея людских тел, повозок, мотоциклов и автомобилей. Купили на радостях две корзины спелых манго и ананасов. В моей комнате в гостинице устроили фруктовый пир. Измазанные сладким соком лица друзей счастливы и блаженны.

Глубоким вечером погружаюсь в золотистый сумрак долго потухающей зари, сидя на балконе с четками в руках. Откуда-то слышится тягучая мелодия, словно рассказывающая о многовековой жизни этого удивительного горного края. Неведомые далёкие горы пробуждает и волнуют душу некоей таинственной близостью и обещанием самых невероятных переживаний. Ночью становится зябко - чувствуется близость снежных вершин. Следует достать из вещей одежду потеплее. Кто-то из нашей группы долго ходит под окном с четками в руках, готовясь к походу. Сквозь осенний свет городских фонарей кое-где начинают мерцать незнакомые южные звезды. На мгновение открылся белёсый провал Млечного Пути среди облаков, быстро летящих на север. Ночное небо, дрожа и мигая зелёными огнями, как будто зовёт к себе. Голоса птиц, устраивающихся на ночлег в чёрных купах величественных экалиптов, доносятся издали, словно воспоминания из горных походов незабываемой юности. О предстоящих трудностях не хочется думать: такие мысли туманят сердце. Засыпаю с надеждой, что Бог устроит все, как надо.

Трёхстишия

1

1. Вера - это ясное переживание прямого присутствия Бога в душе, безверие - отсутствия такого переживания.

Надежда - это полное доверие Богу во всех обстоятельствах, безнадежие - полная потеря всякой опоры в жизни.

Любовь - это постоянная память о Боге, самолюбие - непрерывное память о самом себе.

2. Поднося деньги монастырю, ты не радуешь монахов, ты радуешь начальство. Поэтому лучше оставь в монастыре капли своего пота на послушаниях.

Сухие теории о практике Православия не радуют сердца подвижников, они радуют любителей пустословия. Лучше пребывай в молитвенном молчании, от которого станет лучше окружающим.

Улыбки монахов больше всего тешат молодых монахинь. Лучше утешай сердца людей своей благодатью

3. Обильная трапеза притягивает любителей поесть, а ночное молитвенное бдение притягивает любителей помолиться.

Притворная лесь доставляет радость политикам и богачам, а искренняя молитва приносит счастье страждущим и обремененным.

Бутылка за столом вызывает удовольствие у тех, кто променял на неё стяжание благодати, а пост и воздержание приносят духовное преуспеяние тем, кто ищет Спасение.

4. Мысленная болтовня и толчея помыслов сами липнут к болтливому.

Пустые хлопоты и заботы сами липнут к суетливому.

Дремота и вялость время молитвы сами липнут к нерадивому.

5. Гордость и тщеславие - обратная сторона мирских проповедников.

Тяготение к вкусным яствам и деньгам - обратная сторона монахов-молитвенников.

Самомнение и упрямство - обратная сторона отшельников-подвижников.

6. Возведение глаз к небу в присутствии других - смешно, а долготерпение в ссоре - уважительно.

Алкоголиком делаются не от вина, а от неудержимого стремления к нему.

Привязанность рождается не от мира, а от мирских помыслов.

Чрезмерная показная религиозность мешает жить и тебе, и другим, а скромность и смирение помогает и тебе, и твоим ближним.

7. Одевший новую одежду непременно запачкается, а только что исповедовавшийся сразу же согрешит. Поэтому храни неустанно свое сердце. Равны между собой: сын, ворующий деньги у родителей, и монах, тайком нарушающий наставления своего старца.

Способствовать росту богатств монастыря - то же самое, что поджигать его и раздувать пожар.

8. Женщина-сплетница и монах-распространитель слухов - это ягоды с одного куста лжи.

Тот, кто не может удержать истечения из носа и тот, кто не может удержать свой язык, похожи друг на друга.

Падающий в пропасть и спешащий в молитве - по сути одно и то же.

9. Как бы высоко птица ни летала, коршун всегда настоже. Как бы высоко монах не вознёсся, зависть никогда не дремлет.

Сколько бы рыб ни плавало в море, на всех них готовы сети. Сколько бы ты ни бродил по свету, тебе всегда стерегут ворота кладбища.

На всякое дерево есть топор, на всякого упрямаца есть болезни.

10. Евангелие - это то, что необходимо всем.

Молитва - это то, что необходимо каждому.

Спасение - это то что необходимо именно тебе.

2

1. Досадно, когда одежда хороша, а рукава длинные. Ещё более досадно, когда ум хорош, а дурных мыслей уйма.

Скорбно, когда лес хорош, а грибов не сыщешь. Ещё более скорбно, что Православие хорошо, а святых найти трудно.

Печально, когда скакун хорош, а наездник никуда не годен. Ещё более печально, если Евангелие знаешь наизусть, а грехи свои обуздать трудно.

2. Пошёл конь на службу, а получил седло и плеть. Мирянин погнался за деньгами, а заработал болезни и больницу.

Сова, хотя и птица, но живёт в развалинах. Таков и монах, который, хотя и отрёкся от мира, а умом живёт в миру.

Из мышей только летучая мышь не боится кошек. Среди людей только благодатные монахи не боятся дурных помыслов.

3. Слесарь без инструментов - не имеет смысла приглашать его для ремонта.

Ладан без аромата - не имеет смысла класть его в кадило.

Монах без смирения - не имеет смысла спрашивать его о Спасении.

4. Точнее ружья стреляет женщина в сердце мужчины. Губительнее пули - похотливый помысл. Монах, огради себя броней воздержания!

Мутная лужа - ловушка для идущего беспечно. Тёмная ночь - западня для молящегося рассеянно. Монах укрепи себя бдительностью!

Базар - место, где ротозей - находка для воришки. Помыслы в голове - место, где гибнут благие намерения.

5. Разве это горе - потеря кошелька? Истинное горе - потеря Спасения.

Жена и дети - разве отвратят от тебя старость? Целомудрие - вот что дает

вечную молодость.

Разве монастырь - это полное отречение? Отречение от себя самого - вот как входят в Царство Божие.

6. Отдал и забыл - вот что такое истинная щедрость.

Не быть жадным - вот что такое действительное богатство.

Помогать всем в Спасении - вот что такое настоящая Любовь.

7. Монах с необузданным языком похож на собаку, высунувшую в жару свой длинный язык.

Монах, исполняющий послушание с ропотом, похож на упрямого осла, которого все пинают.

Монах в дорогой рясе и в парчовой скуфье, не заботящийся об очищении сердца, похож на распутника, важно шествующего в ад.

8. Проповедовать людям о браках и свадьбах и умалчивать об аде, стерегущем свои жертвы - обман.

Говорить о том, чтобы благодетели зарабатывали побольше денег для пожертвований в монастырь - обман.

Говорить о здоровье и лекарствах, умалчивая о покаянии и стяжании благодати - обман.

9. Все золото - золотое, а благодать на него не купишь.

Все нищие - нищи без денег, но самый нищий тот, кто не имеет благодати.

Все больные - больны, но всех более болен тот, кто болен неведением Бога.

10. Ледяной зимний ветер вызывает простуду, а ледяной ветер дурных помыслов загоняет в ад в любое время года.

Летний град подбивает плоды и овощи, но град злобы и гнева убивает душу и сердце.

Безумство приводит человека в больницу, а безумство неверия приводит его в лапы демонов.

Глава вторая. В путь

Занялась неторопливая заря, погашая зыбкие от тумана огни города. Небеса, раскинувшись во все стороны, безмолвно сияют над головой. Свежий утренний воздух веет молодостью и бодростью. Сердце так и прыгает в груди - неужели в путь? Кто-то замешкался, упаковывая рюкзак. Все в сборе, а нашей машины ещё нет. Приходится ждать. Как долго тянется время!

Солнце начало припекать голову даже сквозь кепку, струйки пота бегут по спине. Короткие тени пальм не дают никакой прохлады. Наш гид горячо говорит с кем-то по телефону. Наконец-то, какая радость! - в ворота въезжает многоместный джип. Водитель и проводник о чем-то спорят, размахивая руками. Поодаль, у ворот - глупые ухмылки зевак...

В городе - суматошное утро. Безпрерывно сигналият автомобили, автобусы и такси. На улиц - люди с зубными щетками во рту толпятся возле уличных кранов с водой. Ребятишек моют тут же.

По обочинам дороги в школу с ранцами за плечами идут дети. Старшие ведут младших. У каждой школы своя форма. Выглядят все очень симпатично: у мальчиков - тёмные костюмчики с алым галстуком, у девочек - тёмно-синие юбочки с белыми кофточками. Лица добрые и весёлые. От них на душе очень отрадно. Грустно вспомнить, что в России и Европе дети уже редкость...

Объезжая лежащих на дороге коров, наконец, выезжаем из города.

Час за часом горные серпантины наматываются на колеса. Горячее солнце стоит над молчаливой долиной, покрытой редким леском. Вдали озорно

сверкнула на миг речка и спряталась, словно стыдясь своего сияния, за могучим угрюмым хребтом. Длинные тени тополей пересекают дорогу частыми полосами, от которых рябит в глазах.

Вскоре унылые плоскогорья сменились снежными вершинами, которые дремотно голубеют на краю неба. По сухой равнине серым волком рыщет клуб густой пыли. В пойме реки по обеим сторонам дороги струятся под ветерком тугие волны пшеницы. По склонам гор побежали, взбираясь к далеким скалам, высокие ели.

Водитель - смуглый человек, лет пятидесяти, усы стоят торчком, вид бравый. Искося изучает моё лицо.

- В Бога веруешь? - внезапно спрашивает он.

- Верую.

- Ты христианин?

- Православный христианин.

- Наша вера очень хорошая! - мгновение лицо водителя поворачивается ко мне. Вижу, он ждёт ответа.

- А наша вера истинная!

Водитель задумывается:

- Ты что, патером работаешь?

- Работаю патером...- улыбаюсь на его вопрос.

- Хочешь, покажу тебе наш храм?

- Мы не посещаем чужие храмы.

- Ладно. Тогда помолись обо мне.

И весело запел что-то свое, проглядывая то на дорогу, то на меня.

- Любишь молиться?

- Люблю...

- Я тоже очень люблю...

И он пронзительно сигналит зазевавшемуся пешеходу.

Переезжая дождевые лужи на дороге, машина поднимает летучие звёздочки водяных брызг. Остановились размять ноги и попить чаю в горной деревушке. Дикие яблоньки жмутся к глиняным дувалам. Чумахая ребятня на улице, в чайной столы в мухах, алюминиевые кружки не чище стола. Пить расхотелось. Нехотя выпили по кружке неприятно тёплого чая. Вдобавок у кого-то заболел живот.

Въехали в небольшой городок, над которым вдалеке задышали туманами и снегами величественные хребты. Под стать зубчатым вершинам - внизу зубцы пирамидальных тополей с мелкоузорчатой тенью листвы. Городок прилепился к берегу бурной мутно-коричневой реки, тесный и скученный. С испуганным кудахтаньем метнулась из-под колёс курица. То и дело приходится объезжать лениво лежащих на дороге коров.

Велосипеды, ишаки с повозками, машины, коровы, грузовики, велосипедисты, мотоциклы, дети, нищие - это улица.

Ткани, ковры, ремесленные изделия, рис в мешках, сладости, снова ткани, чай, овощи, фрукты, дешёвые картины, книги, орущая музыка - это магазины.

Лепёшки, плов, приправы, пряности, кофе, чай, вывески, повара, гарь пережаренного масла, рекламы, зазывалы, официанты - это закусовые.

Наш гид трогает водителя за плечо и что-то говорит ему. Тот резко останавливает джип у какого-то мрачного здания в восточном стиле.

- Не желаете ли ознакомиться с нашей верой?

Я оглядел лица друзей: ни у кого такого желания не возникло. Гид не спорит, показывая растопыренную пятерню:

- Позвольте нам зайти помолиться на пять минут?

Никто не против. Мы выходим из машины продышаться. Капище - точное слово для понимания, что такое «мерзость запустения». Не зная в реальности чуждой нам религиозный «культуры», никогда не ощутишь её действительной мерзости.

Первое, что бросается в глаза при виде этих многочисленных сакральных мест, это их какая-то внешняя неопрятность, неухоженность, дисгармоничность. Впечатление такое, что все это строили на скорую руку и никогда потом не реставрировали, а так, где-то подкрасили, что-то подправили, и всё. Вблизи эти сооружения смотрятся совсем не так, как в рекламных альбомах, а более тускло, пыльно, да и просто некрасиво.

Их знаменитые на весь мир так называемые «храмы», которые обычно демонстрируют на рекламных плакатах для привлечения туристов - и те при ближайшем рассмотрении выглядят довольно грязными, малоэстетичными, не говоря уже о той специфической, абсолютно чуждой и враждебной христианину атмосфере, которую волей-неволей приходится чувствовать поблизости от этих капищ. Даже сам воздух рядом с этими строениями имеет какую-то специфическую мрачную густоту. Нам всем, не сговариваясь, пришло в голову, что именно так должно пахнуть зло...

Только в непосредственном восприятии становится наглядно понятным кардинальное отличие наших милых и благодатных церквушек с их светлым и чистым убранством, небесным запахом ладана и строго-красивыми возвышенными ликами святых на иконах, и вообще, нашего христианского устройства, - от всей этой «восточной духовности», на которую так падки многие наши соотечественники, не понимающие в полной мере истинной сущности того, во что они пытаются вникнуть в своих тщетных поисках. Удивительно, что примерно такое же ощущение мёртвости, заброшенности и холодности оставляло в душе посещение католических храмов... Слава Тебе, Боже, за наше родное, милое и такое беззащитное Православие! Поистине: «Господи, к кому нам идти? Ты имеешь слова вечной жизни» (Ин.6:68).

Подъехали к опрятному, довольно чистому заведению, вроде советской столовой. В тени дерева дремлет, стоя, усталый ослик с потёртой спиной. В чайхане на стенах красочные росписи - устрашающие физиономии горцев с огромными усами и кривыми кинжалами в руках. Из меню выбрали горох со множеством острых приправ, лепёшки и чай. От приправ перехватывает дыхание, приходится быстро запивать еду обжигающе горячим чаем.

После молитвы благодарим гида за обед. Блаженно откинувшись на спинку стула, он добродушно шутит:

- Редкие капли счастья иногда перепадает и нам, так сказать...

Я приподнял кружку с чаем:

- Но, конечно, не в виде горячительных напитков?

- Ха-ха-ха! Нет, нет, разумеется...

Его смех оборвался, словно увял.

- Денег нет, а нужда заставляет ехать в Англию на заработки, ещё более унылое место, чем моя родина...- прибавил он. Затем подумал и решительно сказал:

- Англичане - хорошие администраторы, но подружиться с ними невозможно, не то, что с вами, русскими...

На его лице проступила мягкая улыбка, словно мысль без слов.

Повороты, развилки и снова повороты. Горные ущелья постепенно становится уже. Безбрежно лиловая даль долины уплывает в зеленые распадки,

убаюканная объятиями молчаливых гряд встающих на горизонте снежных вершин. Монотонный гул машины действует усыпляюще. Время от времени опускаю стекло, чтобы вдохнуть свежий чистый воздух с пряным запахом горных цветов. Длинные ветви карагачей торопливо убегают назад, врываясь в кабину шумом и свистом устраивающихся на ночлег птиц.

В конце дня нас встретила просторная зелёная поляна среди серых глыб огромных валунов. Высокая, вся в темных шрамах гора закрыла обзор. Вверху плавится закатным заревом бездонный купол вечно безстрастных небес, глубоко синих над головой и ярко-охристых с краю. Красное солнце уже не слепит глаза, лаская лицо и обливая скалы тончайшими переливами своего гаснущего света. У подножия горы задремало селение. За поляной - серебряный шум горной речушки. Зыбкая луна дрожит в воде. Вперемежку с пением птиц слышится упоенное кваканье лягушек. В глухих прибрежных кустах заблудилось уханье филина.

Быстро сгущается темнота. Костер выхватывает из темноты наши лица, напоенные внутренним теплом простого человеческого счастья. Ярко зазмеились языки огня, ближе придвинулась ночь. Дымок, завихряясь, уходит штопором в звёздное крошево ночного неба. Огромная туча съела остатки Млечного Пути и заснула на вершине, окутав её чёрной вуалью. Огорчённый месяц нехотя спрятался за островерхим хребтом.

Мои товарищи негромко переговариваются. Слышу обращенный ко мне вопрос: - Батюшка, как быть, когда в уединении ночью наваливается сильная вялость и такая дремота одолевает, что, бывает, глаз невозможно разомкнуть?

Объясните...

- Для того, чтобы ночью успешно бороться с дремотой, необходимо в течение дня вырабатывать привычку к постоянному внутреннему усилию хранить себя от рассеянности и бесполезных разговоров. Тогда к вечеру вы будете чувствовать себя достаточно крепкими и бодрыми, чтобы выдержать ночные молитвенные искушения...

- Понятно, отче. Иной раз ночью удается не дремать, тогда в уме словно разливается какая-то прохлада и не хочется оставлять молитву. Это так?

- Верно подмечено, - согласился я. - Для того, чтобы у нас создалась и окрепла привычка к еженощному всеобщему бдению, нужно побуждать себя к постоянному бодрствованию. Тогда молитвенная практика будет возрастать изо дня в день.

- А что такое, отче, постоянное бодрствование? - спросил кто-то из темноты.

- Это значит иметь чистый ум без помыслов, в котором живёт Иисусова молитва...

Костер, потрескивая, уносит алые искры в высокое тёмное небо. Лёгкий ветерок раздувает жаркое пламя. Мы расходимся на вечернюю молитву. Узкий луч фонарика упорно пытается разогнать ночную темноту, пока не упирается в ярко-жёлтую палатку. Первый ночлег в горах. Гармоничные звуки налетающего ветра поют в палаточных растяжках. Забравшись в спальник, долго слышу, как шумит пустынный ковыль в изголовье. Ветер капризно дёргает листы блокнота, словно норовясь без разрешения прочесть написанное. Полынный запах проникает внутрь палатки, кружит голову...

Трёхстишия

3

1. Свинья ленива, но ленивый монах гораздо ленивее её.

Петух похотлив, но похотливый мирянин похотлив ещё больше .

Змея зла, но злой богач ещё злее.

2. Словно кукушка, твердящая одно и то же, так и проповедник, не практикующий того, о чем говорит.
Словно ворона, которая каркает, предвещая только беду, так и любитель пророчество о конце света, не углубляющий своего духовного постижения.
Словно дикий жеребец, ломающий стойло, так и верующий в храме, не обуздывающий своего нрава.
3. Нет ничего хуже, чем довериться словам двуличного монаха.
Нет ничего глупее, чем поверить лживым обещаниям доктора.
Нет ничего опаснее, чем принять обычного старика за великого старца.
4. Не соединить вместе вершины гор, не связать вместе помыслы гордого человека.
Не будет монаху пользы от нарушения монашеских обетов, не будет никому пользы от слов лицемерного человека.
Ничего не сделаешь хорошо вместе с безруким, ничего не выйдет от сотрудничества со спорливым.
5. Жаль, когда есть опытные духовные отцы, а слушают надутых младостарцев.
Жаль, когда стяжают не мудрость, а учёность.
Жаль, когда только говорят, а не прислушиваются к другим.
6. Тот, кто беден, не заботится о благополучии банков.
Тот, кто отрёкся от мира, не заботится о приобретениях и потерях.
Тот, кто стяжал благодать, не заботится о том, что произойдёт с ним в будущем.
7. Злоба - это пламенеющий помысл гнева, похоть - это затвердевшей помысл блуда.
Глупость - это ожирение мозга, невежество - это окаменевшие представления.
Отречение от мира - этот похороны мирских желаний, обретение благодати - это крест на могиле самолюбия.
8. Капризы зимы - вьюги и метели, капризы сердца - зависть и неприязнь.
Если не лает собака, все равно она сидит в конуре. Если затихли дурные мысли, все равно они затаились в сердце.
Руки, встретившимся в рукопожатии, все равно расстанутся. Жизнь приснившаяся на рассвете, все равно вечером закончится.
9. Прекрасен сад, лишенный колючек. Прекрасен монах, прекративший оправдываться.
Неприятны уши, не слышащие просьб о помощи. Неприятны монахи, не оставившие спорливости.
Неприятны неблагодарные дети, ещё больше неприятны монахи, занимающиеся пересудами.
10. Один сочувствующий взгляд лучше сотен лживых обещаний.
Везде, где Христос, там и Царство Божие, а эта земля смешается с землёй.
Тому, кто возложил все попечения на Бога, не к чему стремиться, кроме Царства Небесного в своем сердце.

4

1. Крайности от лукавого, а середина от Бога.
Новоначальный всегда рассеян в молитве, а многоопытный всегда сосредоточен на Спасении.
Кто расчётлив, тот постоянно ошибается, а смиренный не ошибается вовсе.
2. Родившийся в горах не нуждается в картах, стяжавший благодать не нуждается в правилах.

Премирающийся с другими, унижая их, позорит самого себя.
Обретший вечную Жизнь не нуждается в том, чтобы оплакивать свою смерть.

3. Истинный монах в лесу - как в монастыре, и в городе - как в отшельничестве.
Пьяный кутила поет песню собутыльникам, благодатный монах поет гимны Богу.
Приставший к неверному проводнику обязательно заблудится, спутавшийся с богословами, непременно собьётся.

4. Живущий в распущенности возрастает в разврате, А живущий целомудренно возрастает в молитве.
Наплодивший детей, смотрит за семьёй, обуздавший свой ум смотрит за помыслами.
Зря отрекшийся от мира утащил за собой в монастырь весь свой дом с его хлопотами, истинно отрекшийся от самого себя счастливо молится в своей келье.

5. Подвизайся ради Христа, а не ради собственной славы.
Не будь паломником по церковным лавкам, будь паломником по монашеской благодати.
Жить на Афоне не значит загорать на морском берегу, это значит усмирять свою плоть.

6. Не тот духовник, который смотрит в карман паломника, а тот, который смотрит в сердце человека.
Епископ - не сборщик налогов, но собиратель душ человеческих.
Богач плачет оттого, что ему не хватает миллиона, монах плачет потому, что ему недостает благодати.

7. Кто навещается в монастырь, не забывает о подарках.
Кто посещает политиков, не забывайте о взятках.
Кто приходит к богачам, не забывает о лестии.

8. Святая Троица защищает людей, молитва защищает человека, Любовь защищает сердце человеческое.
Смотри с состраданием на недруга, как на самого себя, заболевшего душевным недугом.
Не считай этот мир чем-то стоящим, считай истинно стоящим Спасение души.

9. Сокращай свои мысли, но никогда не сокращай молитвы.
Не притворяйся перед людьми подвижником, лучше будь им пред Богом.
Не дождётся Спасения в будущем, если живёшь спустя рукава: пусть Истину не выразить словом, её обязательно поймёт твое сердце прямо сейчас, если оставит помыслы.

10. Сострадаю священникам, которые, совершая службу за службой, не имеют сил заняться Спасением своей души.
Сострадаю монахам, которые, исполняя послушание за послушанием, не имеют времени заняться стяжанием молитвы.
Сострадаю духовникам, которые, растрчивая свое время на многочисленных чад, не имеют возможности возрастая в благодати.

Глава третья. Встреча с горами

За окном быстро промелькнул ещё один бедный городок, оставив в душе чувство потерянности и недоумения: бедность невообразимая, а люди словно не замечают ее: однако, несмотря ни на что, веселы и доброжелательны. В уши стрельнула трескотня бензопилы, перебивая все звуки посёлка и растворяя в себе бляенье коз и мычанье телят. Столб пыли кинулся было к нам, потом

раздумал и отбежал в сторону, разметав в раздражении сухие листья тополей. Далеко в стороне остались серыми пятнами на склонах холмов восточные часовни и монастыри с многочисленными паломниками. Постепенно развеялось неприятное чувство от лицезрения тамошних «монахов», когда нас привезли обедать в какую-то экзотическую кухню при уединённо стоящем монастыре на берегу реки. По галечниковым отмелям, заросшим коноплей, бродили паломники, собирая листья этого растения. Старший из «монахов», в оранжевой тоге, пьяно ухмыляясь, пригласил всех к длинному столу, шокирующему взгляд посетителя неимоверным обилием мух. Но его налитые кровью накуренные глаза вызвали чувство тошноты, которое несколько не уменьшил вид и остальных монахов.

Несмотря на некоторое недовольство водителя, гид не стал сопротивляться моей просьбе поскорее уехать из этого места. Обедали всухомятку в машине: погрызли какие-то галеты и печенье. Для поднятия настроения наш неунывающий проводник сообщил, что в этой округе водятся дикие слоны. Но сколько мы ни вперяли настороженный взор в приречные джунгли, ничего похожего на слонов не заметили.

- Неудача! Но вы не унывайте, - подбодрил нас гид. - В следующий раз, если приедете, непременно увидите их...

- Да, вот это впечатленье... - буркнул кто-то из нашей компании, прямо какая-то цыганщина...

Оформляем в пограничном пункте дополнительное разрешение на поездку к вершине. Нас волнует встреча с горным заповедником. Поглядываем с нетерпением на юг, который перекрывают снежные гряды, одна выше другой. Край земли дыбится мощными угрюмыми вершинами, сверкая в глаза ледяным блеском. Во всей панораме открывалась величественная и властная красота беспредельно-прекрасного и потрясающего мира. Стражи к ней привычно равнодушны. Смотреть на горы из долины более впечатляюще, чем с вершины на эти же долины с их бедными селениями и грязными городами. Скоро будет возможность сравнить в походе и то, и другое.

Несколько тревожат высокие перистые облака, летящие с севера - признак перемены погоды. Наша трасса становится уже и хуже. Рядом с машиной нас долго преследовала, будто вперегонки, линия электропередач. Горы словно застыли на горизонте, несколько не приближаясь. Изумляют и несколько пугают совершенно дикие расстояния: невероятно безконечные долины и ущелья. Вокруг абсолютное безлюдье - потеряешься, некому будет искать. Измерения в этих горах поистине космические, как небо над головой, словно отверстие в густую черноту космоса....

Начались бедные горные деревушки. Навстречу выбежало и застыло удивленно дружное семейство ольховых деревьев, лепеча своими вершинами где-то высоко вверху. Далеко, словно на другом конце земли, остался любимый балкон, на котором длинные побеги бугенвиллии, усыпанные красными цветами, перевешиваются с перил прямо к ногам - и это на третьем этаже! По пути в одном селении глаза обрадовал роскошный куст этого прекрасного растения, как живое напоминание об оставленной келье. В широкой долине вижу необычно густые огородные гряды: бледно-зелёные листья капусты блестят на солнце. Ярко желтеет, выглядывая из вьющихся зелёных порослей, тыквенная медь. Залаяла, словно от скуки, собака из последнего двора. Крестьяне, с мотыгами у арыков с голубовато-серебристой водой, застыв, как молчаливые изваяния, провожают нас взглядами.

Наша машина, тяжело переваливаясь на ухабах, неторопливо ползёт дальше

среди необъятных сине-зелёных просторов с тощими посевами ячменя, перемежаемых перелесками. Позади, на заднем сидении, двое моих спутников сталкиваются головами. Всем смешно, даже немногословный водитель смеется. В пути многие из нас достали чётки, лица стали серьезными. Белые глинобитные хижинки, стоящие вразброс, несколько оживляют монотонно-унылые склоны холмов. В окне кружатся деланки потемневшего и полёгшего ячменя вместе с деревенским жителем, согнутым дугой над своим небогатым урожаем.

Бурая пыльная дорога, извиваясь змеей, утекает в далёкие складки ущелий. Золотящиеся шпили каменных нагромождений, с корявыми милыми березками у подножий и очень похожие на старинные храмы, напомнили вдруг о России, волнуя сердце шелестящей тенью ветвей. За луговой поймой усталый посёлок отдыхает на холмах, уходящих вдаль ярко-желтыми полосами ячменя с фиолетовыми отливами теней в ложбинах. Посреди деревенского луга пасутся вместе дикие серны и коровье стадо. Все вышли из машины полюбоваться удивительным зрелищем. Тонкое ржание жеребёнка донеслось из бедной постройки. Лошадь на лугу фыркнула и наострила уши. По дальним полям пестреют разноцветные одежды деревенских тружениц с вязанками ячменя за спиной.

- Надо же, дикие животные совсем не боятся людей, - переговариваются друзья, - на этих серн никто не охотится! У нас бы давно всех перестреляли...

- Доверяют людям, - сказал я, - значит, люди здесь добрые!

- Какие они добрые? Одержимые все, вот и всё...- высказала кто-то свое мнение.

Гид заинтересовался, о чем мы говорим. Ему перевели. Он недоумевающе посмотрел на меня:

- Мой народ хороший! - без всякой досады сказал он. - Убийство - это дело никакие соображения оправдать не могут! А что такое «одержимый»?

- Тот, кто находится в рабстве дурных мыслей...

- Тогда все люди «одержимые»! - заявил наш проводник с большой горячностью.

- Христиане не одержимые! - стойко встал на защиту Православия мой товарищ. - Разъясните ему, отче!

- Кто такой христианин? Тот, кто хранит от дурных помышлений своё сердце, в котором живет Христос. Кого Он на Страшном суде поставит справа от Себя? Тех, кто соблюдал сердце своё в чистоте и благодати, потому что оно - обитель Христова. Нет, такие христиане не могут быть одержимыми, ибо полны Божественной благодати...

А кому Господь скажет, чтобы они встали слева от Него? Тем, которые не уберегли сердце своё от зла и надругались над священной обителью Христовой, давая место в сердце дурным страстям и помышлениям, поскольку были одержимы ими добровольно...

Почему так будет? Потому что «Скорбь и теснота всякой душе человека, делающего злое! Напротив, слава и честь и мир всякому, делающему доброе! Ибо нет лицепрятия у Бога!» (Рим.2:9-11). Как говорится, имеющий уши слышать да слышит и разумеет...

Водитель поторапливает нас сигналом машины. Спешим на свои места и - снова в путь! Кусты терновника выныривают из темноты и тут же откатываются назад, утопая в темной глубине вечера. В наступающей темноте яркий свет фар выхватывает простоватые лица сельских жителей, не страдающих от гипертрофии информации, как городские обитатели. Мелькнуло

чьё-то лицо: широкоскулое и удивленное, щурящееся от яркого света. Наконец, остановка непонятно где, но гид уверенно выходит из машины, разминая затёкшие ноги. Приехали в гестхаус - туристическую гостиницу, расположенную на нашем маршруте. Начинаем носить вещи и устраиваться, спотыкаясь в темноте о походные сумки. Гестхаус - это обычно одноэтажное длинное помещение, разделённое на секции. В каждой комнатке стоит несколько коек. Вода, свет, туалет. Питаемся своей кухней.

По краю горы ползают огоньки и вспыхивают яркие копья света - трасса продолжает жить ночной беспокойной жизнью. Тревожное гудение машин, медленно ползущих на затяжной перевал, надрывает сердце. Там, на чёрной, как у пантеры, ночной шерсти, дрожат и переливаются искристой россыпью огоньки далёкого города.

Поздний ужин при свете фонаря напоминает о юности. После вечернего чая быстро проходит дневная усталость. За фонарем, напротив, покрасневшее в неярком освещении лицо моего спутника выдает его - появилась приятная возможность порасспросить о наболевшем:

- Батюшка, объясните, а почему сказано, что Бога никто никогда не видел? Почему его невозможно увидеть, тогда как архимандрит Софроний написал книгу «Видеть Бога как Он есть»?

- Чтобы увидеть Бога, нужно как бы посмотреть на Него со стороны, то есть выйти из Бога, а это практически невозможно, поскольку Он всюду и везде. Также, чтобы иметь такое видение Бога, сотворенный человек должен стать, условно говоря, вторым Богом. А это совершенно исключено. И, наконец, сотворённое существо не может видеть Творца, поскольку это превосходит его возможности.

Вспомним, также, что пишет апостол Иоанн: «Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил (Бога)» (Ин.1:18). Как же Он явил? Читаем: «И мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца» (Ин.1:14). Эту Божественную славу, которую Апостолы видели на горе Фавор, Бог дает видеть человеку.

- А это возможно для всякого человека, или только для избранных? Или же существуют какие-то тайны, которые людям знать не дано?

- Грешному человеку не дано видеть Бога во всей Его славе, иначе у него не хватит сил, поскольку нет благодати, чтобы выдержать сияние Божественной славы. Помните, как, например, апостол Павел даже ослеп на некоторое время при Богоявлении?

У догорающего костра наступило молчание. Каждый обдумывал услышанное. Решаюсь добавить ещё несколько слов:

- Кстати, о тайнах. В Священном Писании нет никаких тайн, но есть премудрость. Поскольку Бог прост, Он открыт всякому простому сердцу.

Простое сердце - это чистое сердце. Поэтому люди различаются между собой и степенью приближения к Богу этой чистотой сердца. Такое чистое сердце легко наследует вечную Жизнь и может вступить в открытое прямое общение через Господа Иисуса Христа лицом к лицу с Богом-Отцом и всеми Святыми...

- А как же мы, отче? Что делать нам, не стяжавшим таких добродетелей?

Глаза товарищей устремились в мою сторону.

- А нам, грешным, остаётся изо дня в день трудиться и трудиться в покаянии, посте и молитве, чтобы очистить свои сердца с помощью благодати...

Незаметно приблизилось время вечернего уединения. Но, похоже, сегодня быстро от вопросов не избавиться.

- Батюшка, если вы не устали, расскажите, каким образом, на ваш взгляд, преуспевает послушник?

- Верный и искренний послушник, в зависимости от его решимости и обретенного смирения, настолько тщательно исполнять все, заповеданное старцем, что дух его соединяется с духом старца, воспринимая во всей полноте духовный опыт своего наставника. Это происходит благодаря достигнутой чистоте души. Тогда верный послушник восходит, вслед за старцем, по духовным ступеням и воспринимает от него непрестанную молитву, которая сама начинает двигаться в его душе.

- Батюшка, разве в наше время возможно такое послушание?

- Оно всегда возможно, если у послушника есть отречение от своеволия и саможаления. Избавившись от осуждения, его душа исполняется Любви и сострадания ко всем людям. В совместных молитвах, особенно в священной Литургии, духовник, единый духом с Господом, вручает верного послушника Христу, Который принимает его в Свои благодатные объятия и преобразует сердце послушника, наполняя его Святым Духом!

- А каковы признаки того, что послушник близок к Спасению, отче?

- Подлинный послушник вверяет своё сердце старцу, а свое Спасение - Христу. Главным и несомненным признаком Спасения является появление в душе нетварного света. Послушник не ищет его сам, ибо может обмануться ложным светом. Ложный свет оставляет в сердце сомнение и неуверенность и в нём нет никакой благодати.

- Как же тогда не обмануться послушнику, старче?

- Безошибочным признаком Божественного света является его исключительная благодатность...

- Скажите, отче, неужели все послушники видят нетварный свет?

- Не всегда случается так, что послушник видит его, но всегда переживает особое благодатное посещение и переживает благое изменение своей души под обильным воздействием Святого Духа. Как сказано в Евангелии: «В тот день узнаете вы, что Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас» (Ин.14:20). Тогда Истина познается во всевозможной полноте, во зависимости от меры духовного проникновения послушника в светоносную благодать Духа Святого. Такое всеохватывающее присутствие Божественной благодати может переживаться от нескольких мгновений до многих часов и дней, изменяя и освящая всего человека, по молитве Христовой к Отцу Небесному: «Освяти их Истиной Твоею. Слово Твоё есть истина» (Ин.17:17). До совершается подобное и со всеми нами, отцы и братия, если восхочет Господь и смилуется над нами, недостойными и грешными его послушниками!

- Аминь! - ответили друзья в один голос

Все молчаливо разошлись на молитву. Кухонная палатка ещё долго оставалось зелёным маяком во тьме ночи: гид с помощником пересматривали походное снаряжение. Наконец, все стихло. Краснеющий серп месяца зарылся в рыхлую и тяжелую дождевую тучу. В сумраке ночи пошёл лёгкий дождь, который даже не вспугнул хороводы светлячков. Вздыхаю, глядя на них и на дождь из палатки. Очень красиво. К сердцу приливает волна любви и красоты. Глубокой ночью засыпаю в спальнике улыбкой на лице...

Трёхстишия

5

1. Сострадаю пустынножителям, которые, стараясь выжить в тяжелых условиях, теряют здоровье, необходимое для Спасения.

Сострадаю молитвенникам, которые, непрерывно молясь о других, теряют

возможность соединиться со Христом.

Сострадаю подвижникам, которые, предаваясь аскетическим подвигам, не способны ухватить Истину.

2. Сострадаю семейным людям, измученным заботами о том, чтобы накормить голодные рты, и забывающим о Небесной пище - благодати Божией.

Сострадаю верующим, увлекшимся построением земного царства, и забывшим об истинной своей родине - Царстве Небесном.

Сострадаю всем, оставшимся в миру ради стяжения денег, и оставшихся обманутыми им, утратившими Царство Божие внутри самих себя.

3. Хотя Евангелие весьма глубоко, каждый должен сам проникнуть в его глубины.

Хотя Небеса Царства Божия весьма высоки, каждый должен сам суметь подняться к ним.

Хотя наставления святых Отцов чрезвычайно обширны, каждый должен сам постичь их смысл делом, а не словом.

4. Если для тебя Бога нет, тогда некому молиться, а если Он все же есть, ты сам должен разобраться, где выиграешь, а где проиграешь!

Единственный верный ориентир для жизни - это Евангелие, а если ты сам себе ориентир, как ты отличишь хорошее от дурного?

Успокоиться от лживого мира сего можно только в собственном сердце, когда в нём сияет Христос. Искать же покоя в мире сем все равно, что искать его в сумасшедшем доме.

5. Только со старцем поймёшь, как отличить ангела от демона.

Только со старцем поймёшь, как жить по Евангелию.

Только со старцем поймёшь, как войти в свет Пресвятой Троицы.

6. Только в духовной практике постигнешь, как обуздывать ум.

Только в молитве увидишь, как в сердце приходит благодать.

Только в созерцании познаешь, что такое свет Христов, который просвещает всех.

7. Только в своем чистом сердце обретешь путь, который есть Христос.

Только в своей преображенной благодатью душе постигнешь Истину, которая есть Христос.

Только в своем благодатном сознании стяжешь Жизнь вечную, которая не имеет конца, ибо Иисус Христос «вчера и сегодня и во веки Тот же» (Евр13:8).

8. Не спи, монах, и придешь в нескончаемую Жизнь, текущую внутри тебя.

Не следует за умом, монах, следуй за благодатью, ведущую тебя к соединению со Христом.

Иди вперед, монах, к свету Святой Троицы, открывающей тебе вход в святые Небеса.

9. Горы - это просто камни, покрытые снегом. Что ищешь ты в камнях, отшельник? Ищи благодать в своем сердце.

Лес - это просто скопище деревьев. Что ты хочешь найти среди них, пустынный? Ищи, как стяжать Духа Святого в своей душе.

Монастырь - это просто одно здание возле другого. Что ты желаешь заполучить в них, подвижник? Ищи соединения со Христом в своем сознании.

10. Жалок порок раболепства, прикинувшийся смирением.

Жалок порок славолубия, прикинувшийся подвижничеством.

Жалок порок сластолюбия, прикинувшийся Божественной Любовью.

1. В каждом человеке живёт Христос. Почему же ты ведёшь себя так, словно ты не слышал о Нем?

В каждом человеке существует безграничный запас терпения. Почему же ты в искушениях так малодушен, словно забыл о Нем?

Для каждого человека возвещено Евангелие, почему же ты живёшь так, словно ты не существование человеческого рода?

2. Помни, старик, не зацветёт снова сухое дерево. Собери свою силу духа ради Спасения во Христе!

Помни, старая женщина, древние развалины не засияют прежним блеском.

Сбереги свою душевную жертвенность ради служения Христу!

Помни, юноша, пока ты молод, кажется, что смерть далека от тебя, а она уже дышит тебе в затылок. Сбереги свою молодость ради соединения со Христом!

3. Сколько благодати получишь от Христа, зависит от твоей веры.

Сколько наставлений получишь от старца, зависит от твоей преданности.

Сколько света узришь во Святой Троице, зависит от твоего самоотречения.

4. Юноша, отвергни погоню за наслаждениями, величайшее блаженство находится лишь в исполнении Евангельских заповедей.

Девушка, перестань думать о будущем супруге, стань помощницей Пресвятой Богородицы, для которой все люди, словно её дети.

Старик, отбрось прочь воспоминания, вся радость пребывает именно в этом мгновении, если оно наполнено Христом.

5. Богатым больше всего противны просители.

Грешникам больше всего противны верующие.

Одержимым больше всего противны молящиеся.

6. Священник без сострадания - не священник.

Монах без смирения - не монах.

Епископ без самодисциплины - не епископ.

7. Тот, кто не осуждает, становится праведником.

Тот, кто смиряется, становится святым.

Тот, кто отрекается от самого себя, становится обожженным.

8. Без Евангелия нет святости.

Без отречения от мира нет благодати.

Без самопожертвования нет Любви.

9. Пусть ты умён, как Ломоносов, а старец все равно необходим.

Пусть ты начитан, словно богослов, а благодать все равно нужна.

Пусть ты понял Истину, но требуется, чтобы Христос освятил тебя Ею.

10. Старец без учеников - не старец.

Послушник без послушания - не послушник.

Святой без благодати - не Святой.

Глава четвёртая. Адаптация

Утром проснулся и высунул голову наружу: слышалось хлопанье палаточных тентов и раздавались охрипшие голоса наших помощников, укрепляющих колышки кухонного навеса. Небо, лишённое солнца и сплошь укрытое серой мглой, глядело, словно исподлобья. Первые робкие капли упали на лицо: вверху стремительно летели разорванные облака, похожие на морскую пену. В один миг сделалось сумрачно и шумный дождь заполнил окрестности сплошной серой массой воды. Бусы дождя повисли из туч. Окрестности посерели. Островерхние заоблачные высоты снизу и доверху заволокло туманами. Потянуло знобкой сыростью и холодом.

Из кухни выглядывает гид. Заметив меня, кричит, улыбаясь:

- Доброе утро, патер! Хороший день для адаптации! Не расстраивайтесь...

- А я не расстраиваюсь...- тоже улыбаюсь я.

Из дверей высовываются взлохмаченные головы товарищей с вопросом - скоро ли утренний чай? Одеваясь, стряхиваю на себя капли испарины, повисшей на ткани над головой. Красный лист клёна прилип снаружи к кухонному тенту, словно огромная красивая бабочка. Заметив в облаках перерывы, решаю прогуляться к реке. В привольно разлившейся неглубокой речушке - дождевая рябь. Река, разделившись на мелкие рукава, привольно петляет по заливном лугу, заросшему низким красноватым тальником. В придорожную канаву уткнулась трогательно-беззащитная верба. Былинки камыша робко дрожат вдоль пологого плеса.

На берегу мокрый бродячий пёс пристально смотрит на противоположный берег, где две собаки вяло переругиваются из-за тёмного огрызка кости. В мокром лозняке неумолимо чирикают воробьи. Неожиданно через реку плавно перелетает красивая белая цапля, тяжело взмахивая изогнутыми крыльями. Неторопливо, словно призадумавшись, снова зашелестел дождь, перешептываясь с лохматыми высоченными тополями. Упрямая непогода словно пытается переломить наше стремление попасть, наконец, в настоящие горы.

Звон алюминиевой кружки служит сигналом к утреннему сбору на кухне. Оттуда пахнет горячим хлебом вместе с гарью керосиновой горелки. В кухне тепло и уютно. Помощник гида орудует у сковородки, выхватывая из неё горячие лепёшки.

С ним легко удалось договориться о нашем питании: никакого мяса, а по средам и пятницам - не молока, ни яиц. Сделать это оказалось не трудно, поскольку весь район заповедника имеет строгое запрещение на ввоз и продажу мяса и рыбы. Отсутствие рыбы - неожиданная новость, опечалившая кое-кого из нас.

- Батюшка, я взял рыбные консервы по запас...- утешает друзей мой товарищ. Слышу вздохи облегчения и улыбаюсь.

Сегодня среда, поэтому довольствуемся овсяной кашей с бусинами кишмиша и дольками сухих абрикосов, и еще компотом из тех же абрикосов. В остальные дни - рисовая и пшеничная каши и изредка омлет, они сопровождали нас весь поход. Благо, взяли с собой, закупив в городе, много сухофруктов: сушеный инжир, хурму, дыню, абрикосы, и тот же кишмиш. Вермишелевый суп быстрого приготовления приберегли для кратковременных горных привалов

Во время чаепития гид заинтересовал всех своим предложением:

- Хотите посмотреть на настоящих йогов? - хитро улыбаясь, он подсел к нам за стол.

- Ну вот, пожалуйста: научно популярный фильм «Йоги - кто они?» Что-то такое показывали в Советском Союзе в семидесятые годы! - усмехнулся я.

Ему перевели моё высказывание.

- Нет, нет, это наши очень серьезные отшельники-анахореты! Живут подаянием, жилищ у них нет, поэтому ютятся по долине в скалах и камнях...- поспешил заступиться за них проводник.

- А как погода? - спросил я, видя, что возражений ни у кого нет.

- На погоду не обращайтесь внимания...- засмеялся наш провожатый.

Мы надели штормовки и вышли из кухни: немного распогодилось. Слегка поддувал с реки ветерок, насыщенный снежным запахом. Высоко в горах шёл, по-видимому, снег.

Перешли kloкочущую от дождей реку по железному пешеходному мосту и углубились в красивый сосновый лес с большими зелёными полянами. На них там и сям лежали вразной крупной валуны, когда-то скатившиеся с крутых приречных склонов. Кое-где у каменных глыб были искусно выложены защитные стенки, скрывающие вход. Перед входом на шестах развивались жёлтые флаги - сигнал для паломников не тревожить отшельников, как пояснил гид.

Мы подошли к внушительному скальному блоку размером с двухэтажный дом. Внутри вёл тёмный лаз, откуда слегка тянуло дымком. Здесь флага не было видно.

- Можно входить...- шепнул тихонько проводник и нырнул в тёмное отверстие. Мы полезли вслед за ним.

Когда глаза несколько привыкли к темноте, удивительное зрелище привлекло наше внимание. У слабо горящего костерка в красноватых отблесках сидел, поджав ноги на циновке, очень худой старик со спутанными волосами и такой же свалывшейся бородой. Он помешивал горящие угли железным посохом. Несмотря на холод, одет он был в какую-то грязную набедренную повязку. Больше на отшельнике никакой одежды не было. Рядом с ним стоял котелок для подаяния. Вид у йога был жутковатый.

Проводник подполз к хмуро молчащему йогу, испрашивая благословение. Тот не обратил на него никакого внимания. Я достал из кармана несколько купюр, и, тронутый таким суровым аскетизмом, положил их перед отшельником. Тот, не говоря ни слова, длинным посохом откинул деньги куда-то в темный угол.

Когда анахорет поднял глаза, взгляд у него оказался диковатым, зрачки почти уходили под веки, а лицо выглядело маской, словно этот человек был слегка не в себе. Ощущение в сердце - не из приятных, точно душа стояла у невидимой стены - глухой и мертвящей. Я оглянулся на своих спутников и кивком головы указал на выход. Мы вылезли наружу и отдышались.

- Ну и видик.. - негромко промолвил кто-то.

- Здесь надо крепко молиться, чтобы душу сохранить...

В моём ответе наш спутник почувствовал что-то неладное:

- Пойдемте, я покажу вам ещё одного очень знаменитого отшельника, к нему все европейцы едут...

Заметим наши колебания, он добавил:

- Это как раз по пути...

Укрытый большой сосной, простой навес на жердях из полиэтилена представлял собой жилище знаменитого йога. В глубине горел костёр, за которым восседал лишь в одной набедренной повязке обнаженный, крепкого телосложения старик с длинной спутавшейся седой шевелюрой и завязанной узлом бородой. По обеим сторонам от него сидели паломники, возможно, его ученики, посматривая настороженно на подошедшую группу.

- Молимся, отцы, молимся...- негромко напомнил я.

Отшельник поднял голову и обвел нас взглядом, полным ненависти. Идущий рядом со мной Олег, сопровождавшие нас в поездке, споткнулся и чуть не упал. Я подхватил его за руку.

- Батюшка, он так посмотрел, что у меня голова закружилась...

- Вероятно, колдун местного пошиба.

На моё замечание откликнулись товарищи:

- Да это просто жуть какая-то!

- От всех этих зрелищ- одна головная боль, - ответил я. - Вот и развеялся ещё один миф о йогах, когда их увидишь воочию. Трудно выбраться тому, кто попал

в их лапы...

То, что волновало моих друзей, вылилось вечером в большой серьезный разговор:

- Отче, в этой религии подвизаются так круто, что подобного, может быть, нигде не найти! Почему же дух от их отшельников такой мерзкий?

- В Древнем Патрике, если помните, написано, что у дьявола тоже есть подвижники и они получают от него свои дары. Поскольку у них нет благодати, то вместо неё приобретаются, в подобного рода подвигах, демонические силы.

- На первый взгляд в их практиках есть что-то похожее на христианскую аскезу, или так нельзя говорить?

- Поскольку от сотворения мира ум человеческий действует у всех людей одинаково, то и средства обуздания ума могут быть частично схожи в разных религиях. Только вектор Православия и всех остальных религий - прямо противоположный. Духовная жизнь в христианстве основана на смирении и стяжании благодати, а в лжерелигиях - на гордыне и обретении демонических сил. Кратко сказать, христианство делает людей ангелами, а лжерелигии - демонами. Поэтому теоретикам, не имеющим благодати Духа Святого, невозможно ощутить это различие. А православная душа, если в ней нет лицемерия и есть хотя бы немного благодати, легко ощущает эту разницу...

- Батюшка, мы уехали с вами, чтобы в уединении и безлюдье помолиться, как вы говорите. Удастся ли там помолиться, ещё неизвестно, а в это время кто-то в миру, совершая добрые дела и помогая людям, приобретает милость Божию. Разве не так?

- Как показывает жизненный опыт, молитва в уединении больше всего помогала и помогает страдающим людям. Она не только устраняет проблемы одного человека, но укрепляет и его близких. Господь не проливает дождь в один колодец, но напояет водой весь край. Подобным образом действует и уединенная молитва, помогая всем людям.

- А как же быть тем, кто делает добро людям в миру?

- Тот, кто участвует в мирских делах, даже по виду добрых, непременно запутывается сам и тем самым запутывает других. Люди в миру, тем не менее, спасаются взаимопомощью, а в уединении спасаются помощью Божией...

- Отче, возможно, это и так, но ещё в миру есть духовники, которые помогают мирянам и монахам. И не все духовники живут в уединении. Их советы дают людям большую поддержку. Или это не так?

- Такие священники передают другим опыт Церкви и это очень важно. Однако из уединения можно дать вопрошающим более правильный ответ, потому что сердце такого молитвенника не отягощено привязанностями и пристрастиями. Поэтому, исходя из духовного достояния Церкви, уединённая молитва - это самое лучшее служение людям...

Беседуя на эти темы, засиделись за столом до позднего вечера. Вдруг где-то рядом с кухонной палаткой послышались голоса и донеслось позвякивание бубенчиков. Мы вышли из кухни: это прибыли погонщики яков, которые последует с нами в высокогорье.

- Завтра, возможно, будет хорошая погода! - поспешил порадовать нас проводник, указывая рукой вдаль. - Нам нужно дойти до следующего гестхауса...

Далеко, почти над горизонтом, распахнулась тонкая ослепительная полоска небесной лазури с золотистым отливом вечерней зари. В ней было столько надежды и столько волнующих ожидании чего-то непременно прекрасного, что слёзы выступили на глазах. От одинокого солнечного луча, чудом забредшего

под низкий и сумрачный полог туч, лица у ребят повеселели.
Тусклая медь вечера обняла ущелье и ушла вверх, к загоревшимся сухим
пламенем вершинам. Ласково проглянуло первая звездочка, словно делясь
каким-то непознаваемым секретом своего заоблачного счастья. Над горами,
неспешно и не суетливо, умерло последнее сияние дня. Чеканный профиль гор,
строгий и величественный, помедлил немного и канул в темноту, словно
провалился в «дымку времени». Все с энтузиазмом взялись за вечернюю
молитву...

Трёхстишия

7

1. Распущенный монах - это упавший монах.
Подвижник без православной традиции - это заблудший подвижник.
Отшельник, находящиеся в рабстве помыслов - это одержимый отшельник.
2. Даже если ты целомудрен, у себя дома не станешь святым.
Даже если ты праведен, без духовной практики не спасишься.
Даже если ты имеешь доброе сердце, оно не станет благодатным без Христа.
3. Одно и то же дерево может идти на изготовление святого креста и на
топорище, но главное в том, что из этого дерева получилось.
Один и тот же воск может стать свечой в храме и пластырем на больной спине,
но главное в том, как его применяют.
Одно и то же сердце может быть и добрым и злым, но главное в том, как
человек с ним обращается.
4. Чем дальше в чаще скрыто высокое стройное дерево, тем труднее его
отыскать лесорубу.
Чем лучше качество железа, тем дольше оно служит.
Чем больше ум предан духовной практике, тем меньше ему опасны дурные
помыслы и тем больше от него пользы для человека.
5. Когда звонит колокол, время спешить в храм.
Когда в душу приходит утешение, время оставить все дурное.
Когда человека посещает Божественная благодать, время отречься от мира.
6. Неверующие люди живут недоверием друг к другу, а верующие сердца -
доверием к Богу и людям.
Раскаяние хорошо в начале духовного пути, а покаяние хорошо до конца жизни.
Любовь согревается сочувствием, а укрепляется терпением.
7. На дне чашки - всегда самый крепкий чай, а глубоко в сердце - самая
сильная любовь.
Там, где жить легко, трудно вести духовную жизнь, а где жить трудно, легко
стяжается благодать.
Трудно обмануть собственный ум, проще всего смирить его Святым Духом.
8. Широта души хороша для праведника.
Широта ума хороша для подвижника.
Широта сердца хороша для Святого.
9. Козе хватает травы и на короткой привязи.
Птице хватает воды и в малой лужице.
Дурному помыслу хватает и небольших мозгов.
10. Жаль голубку в когтях у ястреба.
Жаль овцу в руках у мясника.
Жаль послушника в послушании у неумелого старца.

1. Жаль голову в тисках дурного поведения.
Жаль сердце в тисках свирепой страсти.
Жаль душу в лапах неумолимой смерти.
2. Все знают, что от богатства все беды, но люди одержимы богатством.
Все знают, что от славы портятся души, но люди одержимые славой.
Все знают, что самолюбие - гибельная привычка, но люди одержимо потакают сами себе.
3. Чистое око ума несравнимо ни с какой земной чистотой.
Чистая глубина сердца несравнима ни с какой иной глубиной.
Чистые небеса души несравнимы ни с какими земными небесами.
4. В юности я увидел путь.
В зрелости прошёл большую его часть.
А когда встретил святого старца, то понял, что я ещё даже не приступал к Спасению души.
5. Многоучёность и эрудиция - самообман, далёкий от Спасения.
Уединение без веры во Христа - наказание самого себя.
Молитва без внимания в сердце - бесплодное упражнение.
6. Борьба за существование - борьба теней.
Подлинная борьба - битва за чистоту сердца.
Истинное существование - совершенная Любовь, явленная Христом.
7. Изучив наизусть все книги мира, большего не узнаешь, чем любить Бога всем сердцем и ближнего, как самого себя.
Молись, пока осенние туманы помыслов не исчезнут в тебе, но и тогда продолжай молиться, ради совершенства Любви.
Совершенство Любви - полное единение со Христом.
8. Рассеянный ум - не молитва.
Беспорядочные мысли - не созерцание.
Необузданная радость - не благодать.
9. Похоть - препятствие для мирских людей в духовной жизни.
Чревоугодие - препятствия для монахов.
Воспоминания - препятствия для отшельников.
10. Когда знаешь, что есть Евангелие, глупо продолжать грешить.
Когда знаешь что есть благодать, глупо жить бессмысленно.
Когда знаешь, что есть Спасение, глупо искать иные цели.

Глава пятая. Воскресное утро

Чудесное яркое утро обрадовало яркими лучами горячего солнца, согревшего душу, словно добрая улыбка близкого и родного человека. Солнечные лучи, торопясь и мешаясь друг с другом, лезут в палатку. Лёгкое облачко зарделось на бледном востоке и быстро превратилась в тонкую летящую ленту, вытянувшись над просыпающейся долиной. Нарождающийся свет мягким узором выткался на просыхающей зелени речной поймы. Мерцающая глубь уходящего вверх ущелья вспыхивает и потухает далёкими ледниками. Слово крохотные комки белёсой шерсти, рассыпались по склонам овечьи отары. Все горы в этот миг прекрасны - от подножия до вершины. Небо в них как-то особенно радуется душе. Каждый, выходя из палатки с просветлёнными глазами, приветствует другого, улыбаясь во все лицо. Мы шуримся от спящего

бодрого солнца. Это первое воскресное утро встречаем совместной молитвой и причащением Святыми Дарами. Перед завтраком утешительно, когда читают молитву звучно и отчётливо. В кухне солнечные блики делают золотыми алюминиевые кружки и миски.

После утреннего чая выходим в пеший маршрут. Позади, побрякивая бубенцами, неспешно тронулись яки с горной поклажей. Когда проходили последнее селение, дарили конфеты детям. На окраине села их собралась большая стайка. Грязные, чумазые и неумытые, они выбежали из своих земляных домов и словно озарили все вокруг. У некоторых ребятишек текли из носа сопли, которые вытирали им их старшие сестренки рукавами своих платиц. Что поражало более всего - это чистота светящихся глаз этих малышей.

За мной увязался маленький неуклюжий карапуз. Он то и дело выпрашивал у меня леденцы и тут же рассовывал их по карманам своих испачканных штанишек. Ему приходилось поддерживать их чёрными от грязи ручонками. Когда я ускорял шаг, он раздражался громким плачем из-за того, что не мог догнать меня. Пришлось останавливаться и дожидаться его, снова угощая конфетами.

Дети долго бегут за нами по широкой тропе, выпрашивая сладости, пока проводник, прикрикнув, не отогнал их. От лиц детишек на сердце словно светлеет. Их всех хотелось обнять. Из-за густой вербы вылетел смешной удод, увидел толпу и стремительно юркнул обратно. Глициния, встретившаяся нам на прощание возле последней деревенской хижинки, - обворожительна, словно последний привет лета! Красива грусть одинокого миндального дерева у старого размытого дувала - хозяев давно нет, а оно все живет...

Душа радуется сиреневому зубчатому профилю гор, которые с каждым шагом теперь становятся заметно ближе. Вымытый ночным дождём сосновый лес поутру брызжет крупными каплями с ветвей. Горят, будто усмехаясь, осколки луж на уходящей вдаль тропе. Каждый глоток чистой воды из горных родников кажется потоком благодати, обновляющим душу и тело. В синих окна неба, среди тяжелых каменных громад, проглянувшие снежные вершины впечатляюще вздымаются за ближними хребтами. Пеннистая речка вздрагивает внизу, в крутых обрывах. Вспоминаются строки из забытого юношеского стихотворения:

Ничего мне на свете не надо,
Только б молча глядеть в небеса...

Тропа кружит, поднимаясь все выше и выше, завиваясь то вправо, то влево. Серая нитка тропы отчетливо проступает на каменистом склоне, забирая все выше и все круче. Наш караван далеко растянулся на затяжном подъеме. Забавные чибисы, с интересом наблюдая за нами, долго перелетают вдоль тропы, пока их не спугнула овечья отара. Жара усиливается и горы высыхают на глазах. Твёрдая, словно наковальня, земля звенит под ногами. Когда солнце не закрыто тучами, оно словно обугливает лицо и шею. Ничего в такие моменты не хочется, кроме прохлады и покоя, но нужно подниматься и идти дальше. Я сильно отстал: сказывается отсутствие в моей жизни длинных переходов. Не теряю надежды на то, что втянусь и смогу пройти весь маршрут целиком. Ребята ушли далеко вперёд. Стараюсь идти с молитвой. Шаг - молитва, шаг - молитва, и так без конца. Впереди вижу одинокого босоногого монаха в жёлтый хламиде с непокрытой головой. Мне тяжело идти по острой щебенке в ботинках и под палящим солнцем в широкополой шляпе. А он невозмутимо шагает босиком впереди. Останавливаюсь отдышаться я, останавливается и он. Очень

странно... Куда же он идёт?

В полдень пыль лезет в глаза и скрипит на зубах. Высокое небо словно съежилось от охристой, неподвижно висящей в воздухе горячей дымки. Изнемогая от жары, каждый из нас ищет хотя бы крошечной тени, но ее все нет и нет. Облачка, лёгкие, словно комки хлопка, не дают никакой прохлады. Дышится уже с трудом.

За очередным поворотом натыкаюсь на Олега, он восстанавливает дыхание. Затем с испугом смотрит на мое лицо:

- Батюшка, куда вы идёте? Вам же срочно нужна терапия!

- Ничего, Олег, все пройдёт...Отвык ходить по горам...- устало выдыхаю я и тоже останавливаюсь полюбоваться открывшимся видом: грандиозная панорама лишь подчеркивает нашу беспомощность и незащитность. Однако во всём облике этих бесконечных горных далей постепенно открывается какое-то первобытное очарование.

Наконец, добрели до широкого шатра из пихтовых ветвей, спускающихся почти до земли от мощного ствола расщепленного молнией старого дерева. Оттуда веет прохладой, словно милостью небес. Наш проводник, желая дожидаться отставших, объявил привал. Устало приваливаюсь спиной к одинокой пихте-отшельнице. Друзья усаживаются рядом. Жадно пьем воду из пластиковых бутылок. Монах безстрастно проследовал мимо нас дальше. Все проводили его уважительным негромким возгласом:

- Вот это выдержка! Нам бы так: взять одни только посохи и в поход! Жаль, ослабело нынче Православие...

Ловлю на себе вопросительные взгляды товарищей.

- Нет, не ослабело, друзья, а просто изменилось. В древности христианские отшельники в Нитрийской пустыне явили миру неподражаемые и поныне чудеса аскетики, но они все были основаны на предельном смирении преподобных Отцов. А то, что мы здесь видим - это «подвиги» гордыни. В наше время Кавказские монахи-пустынники вели очень суровую жизнь в безлюдных горах среди диких зверей, да еще терпели жестокие гонения от властей, нападения бандитов и мародеров...А те Отцы, которые освятились в концлагерях, отсидев там за веру по двадцать пять лет, вспомните о них! Именно они и есть величайшие подвижники...

Наступило продолжительное молчание. Ветерок слегка шумел в пихтовых лапах над нашими головами, словно тоже задумался о чем-то своём.

- Батюшка, вы постоянно находитесь в уединении и мы изголодались по беседам с вами! Скажите, как нужно молиться Христу? Как доброму, кроткому и человеколюбивому Богу? Или держать Его в уме как Всемогущего Творца и Спасителя?

- Наши домыслы и предположения не открывают нам Бога, поскольку не несут в себе благодати и могут стать причиной для заблуждений. Благодать приносит нам покаянная Иисусова молитва, поэтому держаться смысла покаянных слов и ничего не представлять в уме - лучшее молитвенное правило.

- Если человек обретает благодать, этого достаточно для Богопознания?

- Только с помощью благодати можно познать Бога. Обычно, первое обретение благодати имеет временный характер, а именно - для некоторого очищения сердца и ума и обретения частичного понимания самого процесса Спасения. Такая неполнота благодати нуждается в уединении, чтобы укрепить и утвердить молитвенную практику...

Скажите, батюшка, при обретении благодати греховная жизнь заканчивается?

- Греховные нападения остаются до конца жизни, но утверждение души в

благодати даёт ей крепость противостоять этим приражениям. Обычно, человек, получив некоторую начальную благодать, укрепляется в нравственной жизни и в борьбе с дурными страстями. Но удержать первую благодать зачастую не может и теряет на какой-то период, пока не приложит к духовной практике всех своих сил. Тогда он стяжает значительную благодать и прекращает совершать грубые и явные грехи, но скрытые дурные наклонности, оставшихся в душе, требуют более продолжительных усилий для их искоренения.

- Но есть же Святые, которые очень быстро обрели Спасение и соединились со Христом?

- Совершенные души, ревнующие о Спасении и имеющие хорошую наследственность, по милости Божией быстро стяжают Святого Духа, становясь для мира светильниками Божиими, подобно старцу Порфирию, который обрел полноту благодати в двенадцать лет...

- Какой совет дадите нам, отче?

- Не уподобляйтесь тем людям которые говорят: не будем ничего делать и все будет хорошо. Никогда не останавливайтесь в духовном росте. Зелёная ветка в любой момент может высохнуть и садовник отсечёт ее. Постоянно читайте молитву Иисусову, очищающую сердце от грехов и не позволяйте себе совершать даже малейших прегрешений. Так, капля по капле будет накапливаться благодать. Помните о том, что даже в глубоких горах не спрятаются от дурных мыслей...

Сверху пастухи гонят стадо коз и овец, перегоняя их вниз с высокогорных пастбищ. На шеях у коз звенят колокольчики, наполняя полдень своим перезвоном. Приходится долго ждать, когда закончится это медленное шествие, сопровождаемое равнодушными собаками со свирепыми мордами и массой колючек в свалявшейся шерсти. Пастухи вместе с овцами и козами с любопытством рассматривают нас и понурых яков с тяжелой поклажей. От проходящего стада налетели маленькие прозрачные мушки, от которых нет отбоя. Они с явным восторгом завились возле наших вспотевших лиц. Проводник подал сигнал выдвигаться в путь. Подъем продолжается: снова вверх и вверх по крутой тропе. Зашуршала опавшая листва под ногами. За плечами привычно поскрипывает рюкзак. Стрижи вдоль и поперёк режут синеву острыми крыльями. С самой юности я в горах, но теперь сомневаюсь: мог ли тогда я так их любить, как сейчас, когда седина осыпала голову, словно снежная пороша? Вверху кучерявятся причудливые облака, похоже на диковинные небесные стяги и знамёна, поднятые каменным исполинским войском. К вечеру ноги в тяжелых ботинках гудят от усталости.

Наконец, недалеко от скалы, где с неё падает, рассыпаясь в воздухе, ручей, показывается долгожданный гестхаус. Он - последний на нашем пути. Рядом небольшое озерцо. От него тянет свежестью и камышовой прелью. Чуток сон озерного камыша: налетит ветер, забормочет, залепечет и снова уронит голову в зыбкую дрему. На наши голоса из камней отзывается стрекотание сороки. Из уходящего вдаль ущелья потянул холодный ветер - губитель луговых трав. В студёном ручье полощутся стелющиеся лозы осыпавшихся ежевичных зарослей. Пришедший раньше нас монах моет в нем голову, руки и ноги. Пожухлые краски летних полей перемежаются полосами порыжевшего вянущего папоротника. Стая галок сбилась в кучу, шумливую и беспокойную, которую уносит в сторону резкий порыв ветра.

Голубизна небес уходит в глубину, где душа окончательно теряет все свои границы. Смешные трясогузки подбегают к самой двери, заглядывая в нее

зёрнышками глаз. Из уходящего вниз ущелья брызнул розовыми проплешинами закат: где-то далеко, так, что его совсем не видно, садится солнце. Звездный лучик в воде качнулся и погас: закрыло темное облако. Забежал в дверной проем ветер и задул свечу. Слабый лунный отблеск нарисовал на стене комнаты коршунообразный профиль скалы с шапкой кудрявой сосны, словно создал неповторимо-прекрасную гравюру.

Широкая бескрайняя ночь изогнулась вверху серебристым куполом. Щебенка ярких звезд обозначила широкую дорогу в небе - Млечный Путь. Повсюду, словно окаменев, стоит неподвижное и глухое молчание горных высот. Кажется будто только одна молитва осталась со мной в безлюдном пространстве ночи. Благодатное переживание святого Причащения долго не оставляет сердце. Когда закрывал распахнутую дверь, услышал рядом чей-то вздох в полумраке: - Как тихо и как хорошо, Господи...

Трехстишия

9

1. Поиски справедливости - блуждания во тьме.
Поиски верных друзей - ненадёжная опора.
Поиски здоровья без Христа - тщетные надежды.
2. Слово жизни - полностью отвергнуть мир.
Слово Истины - стяжать чистое сердце.
Слово Спасения - обрести Христову любовь, в которой нет никакой ненависти.
3. Тот, кто каждый день думает о работе, приближается к кладбищу.
Тот, кто каждый день полон мыслей о блуде, приближается к безумству.
Тот, кто каждый день думает о вкусных яствах, приближается к потере памяти, ибо забыл об истинной пище - благодати.
4. Стяжать молитву, чтобы победить ум, хорошо.
Ещё лучше обрести благодать, чтобы избавиться от грехов.
Стать подобным Христу - лучшая цель.
5. Самое цепкая привязанность - жить в городе.
Самое цепкое увлечение - жить в деревне.
Самое цепкое намерение - уйти в монастырь, но лучше всего отдать Христу свое сердце и Он спасёт тебя.
6. Полезней напрягать ум, чем нервы.
Полезней укреплять сердце, чем голову.
Полезней заботиться о Спасении своей души, чем своего тела.
7. Горько оплакивать кончину близких.
Ещё горше оплакивать расставание со своим телом.
Только слёзы покаяния претворяют смертную горечь в вечную сладость.
8. Твой ум - тесный путь к обузданию помыслов.
Твое сердце - тесный путь к обретению благодати.
Твое сознание - тесные врата к соединению со Христом.
9. Если в твоём уме нет «врагов», ты в безопасности.
Если в твоём сердце нет похоти, ты под защитой благодати.
Если в твоей душе нет и следа эгоизма, ты соединён со Христом.
10. Если ты внимателен, не будет страха пред дурной страстью.
Если ты бдителен, не будет страха пред дурным помыслом.
Если ты благодатен, не будет страха перед всем миром.

1. От духовных поучений грехи не исчезают.
От глубоких наставлений привязанности к миру не уходят.
Только практика молитвы и созерцания быстро выведет тебя из лабиринта ложного мышления.
2. Рождение ума, свободного от мыслей - превосходно!
Рождение сердца, преображенного благодатью - замечательно!
Рождение души, исполненной великого света - восхитительно!
3. Исполняющий заповеди Евангелия - пример всем людям. Молящийся непрестанно - защитник всех людей. Созерцающий нетварный свет - окно каждому человеку в духовные Небеса.
4. Не обесценивай Любовь болтливостью.
Не унижай целомудрия насмешками.
Не предавай православную веру погоней за корыстью.
5. Какой толк от разговоров на кухне? Толк только в исполнении Евангельских заповедей.
Какой толк от щеголяния набором духовных цитат? Только толк только в их практике.
Какой толк от бессмысленного сидения в уединении? Толк только в том, когда ты обуздываешь помыслы непрестанной молитвой.
6. Избрав до конца жизни покаяние, не упадёшь в грехи.
Избрав до конца жизни молитву, не упадёшь в дурные по мышления.
Избрав до конца жизни созерцание, не упадёшь в темноту нерассуждения.
7. Очистив свое сердце, узришь смиренный лик Христов.
Очистив свой ум, узришь небесный свет Спасения.
Очистив свою душу, узришь невыразимое сияние Пресвятой Троицы.
8. То, где не существует страстей, это сознание.
То, где не возникают греховные пожелания, это сознание.
То, где не действуют порочные помыслы, это сознание, преображенное благодатью.
9. Чем меньше скажешь, больше услышишь.
Чем меньше рассеешься, больше поймёшь.
Чем меньше привяжешься, больше постигнешь.
10. Подчинение ума - это рука Христа, протянутая тебе.
Практика молитвы - это Его другая рука, ведущая тебя к Спасению.
Уединённое созерцание - это свет Любви Христовой, просвещающей тебя.

Шестая глава. Аромат неба

Ночь закончилось без остатка. Безросный рассвет треплет лёгким ветерком крылья палаток. Утренние звезды словно уходят вдаль. Забелели совсем рядом зубчатые вершины гор. Рассвет чуть касается их острых краев. Длинные ленты волнистых облаков утонули в багряных волнах ширящегося света. Вдыхаю с восторгом всеми лёгкими чистый аромат горного неба. Поднимаю опавший лист ольхи: он словно ожил в ладони - вдруг запах остро и свежо. Переходим вброд быстрюю, прозрачную до мельчайших камешков речушку, которая, неся в себе то крутые берега, то упавшую в неё темную зелень прибрежных деревьев, беспрерывно меняет цвет, убегая в камышовую заболоченную пойму. Ветви ив, погружённые в стремительный поток, выплясывают какой-то удивительный танец. Идти пришлось по скользким

валунам. Все стараются не оступиться. Вдруг- хлоп! Летят брызги! Кто-то попал ботинком в воду. Ничего страшного, вода ведь не ледяная. Остальным весело, но оступившийся досадует: почему оступился, он а не другой?

К полудню на пригреве солнечных ковыльных склонов повеяло теплом. Испепеляющей жары уже нет. Позади заметалась, завьюжила пыль, догоняя нас. Догнала запорошила глаза и умчалась дальше, словно испугалась своих проказ. Орёл, распластав крылья, пошёл широкой дугой вдоль скальных стен и пропал: светло-коричневая тень на коричневом фоне кряжей. По склонам из последних сил ползут скудные поросли лозняка и в сухих валунах умирают. В кустарнике немолчно посвистывает вьюрок, тоже совсем незаметный на фоне тёмной прозелени листьев.

С утра прошли довольно далеко. Пот заливает глаза. Пора передохнуть. Развели небольшой костёр под навесом огромного валуна. Языки огня то и дело тянутся к людям, будто пытаясь их обогреть и обсушить, то лижут котелок, упрямо норовя заглянуть под крышку, откуда вырывается ароматный горячий пар. Бирюзовый дым, завиваясь кольцами, улетает вслед за ветром. Корявая сосна неподалёку растопырила удивленно облезшие ветви, словно изумляясь появившемуся пламени. Зашипела под порывом ветра ее светло-зелёная верхушка. Мрачные стены ущелья, похожие на огромные чёрные плиты, поставленные стоймя, словно придвинулись ближе.

Обращаю внимание на Олега: потерянный вид, осунувшееся лицо. Его состояние вызывает жалость и сострадание.

- Олег, что с тобой? Как себя чувствуешь?

- Неважно, как-то не по себе... Мне кажется, что я не смогу потянуть этот маршрут. Не знаю, что делать?

Зову на помощь гида: он определяет с первого взгляда:

- Парню нужно помочь спуститься вниз. Это сделает мой помощник! Пусть поживёт пока в гостинице у озера.

У меня возникла дилемма: как поступить лучше? Спуститься с Олегом и ждать товарищей внизу? Или идти с ними до конца?

Мои сомнения улавливают чуткие друзья:

- Батюшка, мы без вас не сможем идти дальше! Не оставляйте нас одних...

Проводник решительно вмешивается:

- О кей, патер! Не волнуйтесь, внизу вашему другу станет лучше, а вы сопровождайте в походе друзей!

Олег устало поднимает голову:

- Батюшка, буду ждать вас! Не беспокойтесь...

Пошатываясь, товарищ уходит вниз, сопровождаемый услужливым помощником. Отчасти, его уход произвела облегчение в нашей дружной спайке, но Олега по-человечески жалко - потерять такой поход...

У нас снова впереди затяжной подъем по уходящей в скальные гряды тропе. Славно найти среди луговой травы пламенные корзиночки последних летних цветов горницета или адониса. Дальше будет только камень и снег. Альпийские галки, словно преследуемые ветром, сбились в беспрестанно изменяющуюся тучу и стремглав несутся к неведомому ночлегу. Северный ветер вздыбил заливки туч и погнал их к югу, за млечно-туманные хребты. Горы смотрят на нас насупившись, исполосованные, точно шрамами, узкими ущельями. Вокруг неприветливая и сумрачная горная глушь.

Ставим палатки на моренной гряде - гигантских отвалах щебня, оставшихся после растаявшего ледникового языка. Ярким блеском ударяет в глаза мощный ледник, почти сползший на тропу из боковой щели. Последняя кромка леса

осталась далеко внизу, где сосны, словно зелёные кудрявые тучи, повисли на бортах коричнево-жёлтых скал. В безлюдных просторах мчатся табуны белых облачных громад.

Погонщики, два брата, похожие друг на друга, неожиданно бегом кинулись вниз. Развьюченные яки повернули домой. Долина наполнилась криками:

- Ого-го-го! Эге-ге-ге!

Эхо отзывается, насмешливо повторяя и усиливая человеческие голоса.

Каждое ущелье будто проснулось и заговорило на своем языке. Проводник с тревогой смотрит вниз, потом успокаивается: яков гонят обратно.

Запахи кухни собрали всех за столом: погонщиков первыми угощают супом и лепешками, они очень устали. Мы, пока готовятся лепёшки, обходимся горячим чаем, за которым меня пытаются вопросами:

- Батюшка, почему все же Олег ушел вниз?

- Говорит, плохо стало... Очень жаль...

А нам кажется, что не хватило решимости. Нам всем нелегко дается высота, но мы же не уходим?

- У каждого своя мера, друзья, у каждого своя мера....

Разговор переходит на духовные темы:

- Интересно, почему в одних современных книгах много цитат из Священного Писания и святых Отцов, а в других меньше? Каким текстом можно доверять, а каким нет?

- В богословских трудах обосновано применение большого количества цитат. Однако, если у автора нет глубокого понимания Спасения, то всякие попытки оправдать и доказать свои предубеждения и ограниченные умозрения, выдёргивая цитаты отовсюду, выглядят, по крайней мере, наивно. Обычно, так выявляются заблуждения.

- А на чем заблуждения основываются, отче?

- Это легко заметить, друзья. Если человек привязан к миру, то его суждения остаются мирскими. Если кто-либо полон мирских желаний, то его понимание будет склоняться к земным вещам. Когда чей-либо ум поработен помыслами, то никакие цитаты не избавят такого человека от этого рабства. Такие заблуждения необходимо отсекают сразу.

- Но это сложно сделать, батюшка...

- Почему же сложно? Какая польза от нашей молитвы, если мы не умеем ею отсечь свои заблуждения? Если мы нацелим себя на свободу от привязанностей, то сразу избавимся от всяких причин для развития подобных заблуждений...

- А монастыри, отче, помогают избавиться от того, что вы перечислили?

- Монастыри помогают нам отречься от мира, чтобы полностью отдать сердце Христу. Но избавляться от всех земных привязанностей каждый должен сам. А для этого более всего подходят скиты и уединенные кельи.

- А что вы скажете об отшельничестве, батюшка?

- Отшельник - это тот, кто полностью отошел от мира и отсек все привязанности, как говорит Господь: «Мужайтесь; Я победил мир» (Ин.16:33). Зашло солнце и холод наполнил палатку. Я закрыл записную книжку: тягуче-длинный вечер отзвенел звёздами, позвал к молитве. После неё долго не уснуть. Включил налобный фонарь: слышу, как внутри палатки возле уха жалобно пищит залетевший комар и даже храбро пытается сесть на лицо и руки. Жуткая неприятность похода - блохи. Одна заберется в спальник - и изведёт вконец. Тогда поневоле нужно вставать, выползая из спальника на холод и вытряхивать его. При этом в соседних палатках слышится недовольное

бормотание. Ладно, вытряхну хорошенько утром, чтобы не будить друзей!
Луна, словно желтый мак, расцвела в ледяном небе. Среди ночи шакалы поднимают заунывный вой, будто причитают, отвлекая от молитвы. Это очень неприятно, особенно, когда в горах ночуешь один. В юности каждый ночной звук заставлял прислушиваться: что там? Свист ветра или гроыхание камней? Кровь толчками пульсирует в висках. От резких движений слегка кружится голова. В сердце пытается заползти страх: а что если я умру в этих горах? Стараюсь успокоить себя: робость души перед своим смертным часом - лучшее напоминание о молитве. Вечное молчание иного мира делает душу безмолвной и сосредоточенной. Сердце гулко бьется в темноте. Безучастно выплыла и застыла над вершиной холодная звезда. Должно быть, на меня действует высота. Вздыхаю: каким будет завтрашний день?

Трехстишия

11

1. Только в сердце - похоть и гнев.
Только в сердце - ненависть и гордость.
Только в сердце - Спасение от них.
2. Ум - это дитя, заблудившееся на площадях помыслов.
Сердце - это Христос, ищущий тебя.
Сознание - это Отец, ждущий тебя домой.
3. Лучшие друзья - смирение и рассуждение.
Лучшие помощники - внимание и молитва.
Лучше проводники - отречение и самоускорение.
4. Милосердие - лучшая практика.
Сострадание - лучшая помощь.
Отсутствие эгоизма - лучшее обретение.
5. Лучшая пища - святая благодать.
Лучший напиток - чистота сердца.
Лучшая сладость - блаженное созерцание.
6. Пустые помыслы - морозящий дождь.
Дурные желанья - губительный град.
Порочные страсти - разрушительный смерч.
7. Сосредоточение в молитве суть молитвенной практики.
Благодатное рассуждение суть духовной жизни.
Самоотречение суть Спасения.
8. Безмолвная жизнь - отрада души.
Отсутствие помыслов - радость ума.
Любовь ко Христу- оплот сердца.
9. Боязнь уединения - трусость ума.
Боязнь самоукорения - трусость сердца.
Боязнь самоотречение - трусость души.
10. Прекращение болтливости - покой языка.
Прекращение мышления - покой ума.
Прекращение греховности- покой души.

12

1. Тот, кому негде преклонить голову, молится без всяких препятствий.

Тот, кому в безлюдье никто не может помочь, молится молится без всяких попечений. Тот, кому в отшельничестве не с кем говорить, созерцает, не отвлекаясь.

2. Птицы, поющие в лесу - мои братья в молитве.

Рыбы, играющие в горной реке - мои друзья в безмолвии.

Вершины, возносящиеся вокруг - мои спутники в небеса Спасения.

3. Молитва без перерыва - это счастье.

Постоянное памятование о Христе - это счастье.

Соединение с Господом в созерцании - это величайшее блаженство всех нищих духом.

4. Не привязанность к миру, отсутствие цепляния за вещи и рассуждение - три главных обретения.

Молитва, усердие и нерассеянность ума три - главных стяжания.

Смирение, отсутствие саможаления и благодать - три главных ступени к Спасению.

5. Светлая голова - это счастье мирянина.

Светлая душа - это счастье верующего.

Светлое сердце - это блаженство духовного человека.

6. Не болеть - желание мирянина.

Не грешить - желание верующего.

Не расставаться со Христом ни на миг - желание Святого.

7. Самовлюблённость - порок сердца.

Забвение смерти - атеросклероз мозга.

Нежелание Спасения - душевное заболевание.

8. Гордыня сжигает все добродетели.

Похоть отгоняет всякую благодать.

Себялюбие полностью скрывает от тебя Христа.

9. Не гонись за чудесами, гонись за смирением.

Не проявляй прозорливости, проявляй сострадание.

Не привлекай людей подвигами, привлекай их Любовью.

10. Не погружай ум в дела, погружай его в сердце.

Не направляй сердце к вещам, утверди его во Христе.

Не обращай душу к земле, возвышай ее к Небесам.

Глава седьмая. Надежды

Утренний холод безоговорочно поднимает всех раньше обычного времени. Те, кто из нас помоложе, смотрят на горы восторженно. В их сердцах много места для надежд. Такие, как я, идут не спеша, показывая свою опытность и рассудительность, хотя, втайне, не прочь скинуть несколько годков. У молодых такое чинное шествие по горным тропам вызывает снисходительную усмешку. В эту раннюю осеннюю пору очень милы горные долины какой-то своей утончённой успокоенностью, голубея утренней дымкой, насквозь просвеченной солнечными лучами. Высоко в небе беззвучно протянулась белая дорожка - пролетел самолёт, сверкнув на мгновение отражением солнечного лучика. Далеко внизу по холмам плывут разорванные пятна облаков, смешиваясь с пятнами последних овечьих отар, откуда слышится жалобное блеяние ягнят. На синем отроге, который ещё в тени, застыла пара оленей. Эта картина восхищает всех. Налюбовавшись, мы заодно делаем привал, тянем чётки.

Идя по тропе, то ныряющий к белопенной реке, которая разбивается о валуны в пыль, то взлетающей на очередной отрог, где на ветру шумят низкорослые ели, невольно любишь открывшимся видом. Низкая еловая ветка своей растопыренной лапой сбивает с моей головы походную широкополую шляпу. Пришлось остановиться, и снова передохнуть восстанавливая дыхание. На пригреве чуть слышно трещит последний кузнечик - прощается с летом. В самом центре уходящей в небо горной долины - грозный пик-великан, величественно смотрящий на нас из фиолетовой выси. Серебристые шлейфы щебневых осыпей упрямо карабкаются по бортам ущелья к угрюмому нахмуренному лбу заснеженных скал. Так и тянет оттуда бодрящим холодом, от которого дышится настолько глубоко, что не хватает запаса легких. Воздух, похожий на жидкий кислород, проникает до самого низа живота и вызывает в душе восторг. Отовсюду незримо веет каким-то неповторимой древним и отрешенным покоем. Приходится умерить возбуждение молитвой. Небо над горами после полудня обычно покрыто величественными облаками, скрывающими вершины. На крохотной площадке среди камней устраиваемся на ночлег. Пришли рано, до вечернего чая ещё часа два. Самому молодому из нас не сидится на месте. Он подходит к моей палатке, присаживается на корточки и спрашивает:

- Батюшка, вы помните того монаха, который поднимался по тропе? Так вот, гид говорит, что он шел в известную в этих краях пещеру в затерянной долине. К ней уходит тропа, которая совсем рядом с нашим лагерем. Гид сказал, что туда и обратно всего два часа ходу. Хотите пойти?

Некоторое время я раздумываю - любопытство зовёт отправиться тут же, но рассуждение всё ставит на свои места:

- Мне это не очень интересно, к тому же хочется сберечь силы на завтрашний подъем...

- А мне очень интересно посмотреть! Благословите, отче, я быстренько сбегаю к пещере, гляну одним глазком и обратно. Надеюсь, что она действительно необыкновенная, с ней даже связана какая-то легенда. Я вам потом обо всём расскажу! Пещер-то я никогда ещё не видел...

Смотрю на парня: он полон надежды на свои открытия. У него все в жизни впервые.

- Хорошо, с Богом! Фонарик возьми на всякий случай. Я тебя провожу!

Друзья с удивлением смотрят то на него, то на меня. Выхожу с ним на край обрыва, откуда круто вниз сбегает неприметная дорожка. Худощавая ладная фигурка быстро скользит среди камней. Шаг у него лёгкий, быстрый. «Будет хороший ходок в скором времени», - думаю я. Достаю чётки и молюсь, любясь видом горных великанов в белых чалмах снежников.

Из забвения меня неожиданно выводят голоса. Открываю глаза: передо мной вырисовывается мужчина в меховой шапке и с ним две женщины в тёплых платках, местные паломники. Вежливо здороваясь, присаживаются рядом. Разглядывает меня в упор, наивные, как дети. Мужчина знает несколько английских слов. Указывает рукой на мои чётки:

- Молитва?

- Молитва!

На груди у него тоже чётки с голубым нефритом. Важно тычет пальцем себе в грудь:

- Моя молитва!

- Твоя молитва! - соглашаюсь я.

Он показывает рукой на мою обувь:

- Ботинки хорошие!

- Хорошие!

Снова молчим, смотря друг на друга. Он встаёт, женщины тоже.

- Ну, прощай! - смеётся он.

- Прощай! - улыбаюсь я, награждая их последней горстью леденцов. Уходя по тропе, оборачиваясь, машут мне руками.

В темноте, запыхавшись, поднялся к палаткам неутомимый исследователь пещер. Нас окружают заинтересовавшиеся разговором друзья.

- Ну что, нашел эту пещеру?

- Нашел, батюшка!

- И как впечатление?

Он машет рукой:

- Пещера большая, но в самой пещере - сплошная грязь и мусор! Кости животных... Камни кровью вымазаны... Очень неприятно! Никак не ожидал...

- Ну, понятно. В общем, «Потерянный горизонт»! - делаю я вывод.

Мой товарищ согласно кивает головой. Все дружно идут пить чай. Я ещё немного помедлил на обрыве: уж больно красивый вид...

Уже тянет морозцем. Стрелки дикого лука на берегу ручья покрыты инеем, словно пухом. Вода обжигает руки и лицо нестерпимым холодом. С тихим шорохом осыпающихся капель качаются редкие кусты прибрежного тальника и исчезают в клубах жидкого тумана. Острый морозный ветер лижет высохшие, увядшие под заморозками осенние травы. Они так слабы, что не могут удержать даже каплю росы.

Замерзающий вьюнок хочется согреть своим сердцем, но он уже уронил свою бледную головку в иней. Приношу его в тёплую кухню к маленькой иконе Богородицы с младенцем Христом. Друзья шумно пьют чай, греюсь возле огня керосиновой горелки. Меня уже ждут, прошу прощения за опоздание.

Оказывается, только что вернулся помощник, помогавший Олегу спуститься в гестхаус. Рассказывает, что с парнем все в порядке. Устроен в гостинице, болезнь прошла, и он гуляет по окрестностям, фотографирует пейзажи и местных жителей. Ждёт нашего возвращения. На сердце отлегла тревога о нем.

Рядом - близкие люди, и оттого, что под тентом тепло, обстановка кажется необыкновенно уютной. Эта близость душ располагает к откровенному разговору. После обсуждения общего самочувствия и легкой усталости, следует прямой вопрос, обращенный ко мне:

- Скажите, батюшка, в чем дело? Сколько не молюсь, не ощущаю ни малейшего изменения или духовного продвижения...

- Дело в том, что как только мы скажем тебе: «Я духовно изменился!», тут же покатымся назад. Такое самомнение может загубить годы молитвенной практики. Поэтому Господь бережет такую душу, не давая ей возгордиться...

- Разве все только в этом заключается?

Некоторое недоверие в голосе вопрошающего требует пояснений:

- В основном, только рост душевной гордыни побуждает Бога держать такую душу в неведении относительно её духовных успехов. Однако каждому человеку дана возможность опытно определить - стоит ли он на месте или обретает определённую благодатную крепость...

- Как это сделать правильно, отче? - раздаются голоса.

- Это можно установить, исходя из наблюдений за своим умом: продолжает ли он совершать грубые грехи, впадает ли часто или редко в дурные страсти, отделился ли от помыслов?

- Не все из нас могут определить это, отче! Простите...

- Если ещё сердце не приобрело опытного проникновения в наблюдение за умом, значит нужно увеличить молитвенное правило: чаще молиться течение суток и усилить внимание. А как его усилить? Поменьше вести пустых и ничемных разговоров. Иначе говоря, прекратить всякую болтовню, как говорится: если болтать без умолку, не будет никакого толку!

Мои друзья, улыбаясь, переглядываются между собой. На этом разговоры сами собой закругляются. Выхожу из кухни: узкий луч света из её двери упирается невдалеке в ледяную глыбу, которые отсвечивает зеленовато-загадочной матовостью, словно незрелое яблоко. Неторопливо иду в свою палатку: пленителен сумрак с первой звездой над горами. Скитающийся за вершинами месяц приподнимается над хребтом. Скромница-звезда прячется в тучу. Уже давно я не принадлежу себе, и от этого грустно. Всюду привольно и хорошо, но мне этого хочется сердцу: отрешенной от всего долгой и светло-покаянной молитвы, без всяких попечений.

В палатке раскрыл Евангелие с пахнущей лапкой терпкой полыни, которую положил в книгу закладкой. Свет крохотной свечи расширяется в радужное солнышко: на глаза невольно наворачиваются слёзы. И небо в дымке, и тающие в темной синеве горизонта крупные звезды зовут внутрь, в глубину души, туда, где, милее всего на свете, живёт Возлюбленный Господь! Молитва в лунном свете словно становится чище и яснее. Спать совсем не хочется, хотя ноги сильно гудят. Прекращаю писать: свеча давно прогорела, а свет фонарика совсем тусклый. Утром нужно будет заменить батарейки.

Ночью выглядываю наружу: лёгкие тучи набегают на изогнутую серьгу летящего месяца. Сквозь кружево облаков слабо просвечивают редкие звезды. Ночная птица негромко зовёт кого-то из дальнего ущелья, словно вздохи улетающего ветра, тихие и невнятные. Они почему-то волнуют сердце. На уснувшую ложбину медленно садится туман. Под спиной как какой-то острый камень, впившийся в спину, заставляет то и дело переменять место в палатке.

Нескончаемая радость бытия наполняет сердце бодростью и невысказанными надеждами. Волшебство горной ночи скоро гасит все звуки, кроме вечного молчания невыразимо прекрасного соединения молящийся души с беспредельным Богом.

Трехстишия

13

1. Не стремись стать учёным богословом, иначе мир заполнит твой ум. Не стремись стать проповедником, иначе соблазны тщеславия перевесят твою осмотрительность.

Не стремись стать духовником, иначе попадёшь на конвейер венчаний, свадеб и похорон. Просто стяжи благодать - этого достаточно для тебя и для окружающих.

2. Не торопись возвещать в своих успехах, чтобы не свернуть на широкую дорогу заблуждений.

Не торопись давать советы и нравоучения, чтобы не оказаться позади всех. Не торопись считать свои привязанности за Божественную Любовь, чтобы не принять медь помысла за золото благодати.

3. Не занимайся оценкой старца, ибо все эти домыслы - заблуждения твоего греховного ума.

Не выставляй себя перед другими, ибо твое самомнение может погубить тебя. Не возлагай опоры на доверие самому себе, ибо смирение может обойти тебя стороной.

4. Послушник только приобретает.

Подвижник только стяжает.

Святой только отдает.

5. У того, кто практикует Евангельские заповеди, неизменно возрастают добродетели.

У того, кто постоянно молится, неизменно возрастает чистота сердца.

У того, кто непрерывно созерцает, неизменно возрастает Богопостижение.

6. Чем больше действуешь, больше ошибаешься.

Чем больше бездействуешь, меньше обретаешь.

Знать, когда нужно действовать и когда бездействовать, - это и есть духовное рассуждение.

7. Молитва - это твоя благодарность духовному отцу.

Исполнение заповедей - это твоя благодарность Христу.

Созерцание - это твоя благодарность Святой Троице.

8. Постоянное следование Евангелию - путь праведника.

Постоянная молитва - путь преподобного.

Постоянное Богосозерцание - путь обожженного.

9. Как постичь что в твоём теле живёт Христос? Нужно сильно смириться.

Как постичь, что благодать - это твоё достояние? Нужно крепко молиться.

Как постичь, что человек - это обитель Пресвятой Троицы? Нужно полностью отвергнуть самого себя.

10. Жажду Спасения утоляет живая вода молитвы.

Жажду отречения утоляет живая вода заповедей.

Жажду Любви утоляет живая вода созерцания.

14

1. Уподобление собственного ума уму старца - это передаче Православной традиции.

Уподобление собственного сердца сердцу старца - это принятия благодати старца.

Уподобление собственной души душе старца - это соединение со Христом.

2. Природа ума - умный свет.

Природа сердца - духовный свет.

Природа сознания - свет Отца и Сына и Святого Духа.

3. Пусть духовный отец хорош, но если ты совершаешь грехи, ты потеряешь его.

Пусть духовный отец благодатен, но если ты не творишь молитву, ты отдались от него.

Пусть духовный отец обоготворен, но если ты не пришел к созерцанию, не сможешь следовать за ним.

4. Болезни - это друзья, ведущие к Спасению.

Скорби - это товарищи, помогающие очистить ум.

Страдания - это поводьри в Царство Небесное.

5. Тот, кто хозяин своего тела - не болеет.

Тот, кто хозяин своего ума - не имеет забот.

Тот, кто хозяин своего сердца - не имеет греховных мыслей.

6. Безмятежный ум - величайшее обретение.

Кроткое сердце - величайшее достояние.
Благодатная душа - величайшее благо.
7. Оскорбительные слова - очищение ушей.
Укореняя и поношения - очищение ума.
Клевета и порицания - очищение сердца.
8. Похвала - возжигание пламени гордыни.
Лесть - возжигание пламени самолюбования.
Славословия - возжигание пламени надменности и презрения к другим.
9. Ум трудно обуздать, даже если сковать себя железной цепью.
Сердце трудно укротить, даже если заключить себя в одиночной камере.
Душу трудно отворить от мира и привести к Богу, даже если стать монахом.
10. Если ты читаешь Евангелие и продолжаешь грешить, ты все ещё неверующий.
Если ты молишься день и ночь и продолжаешь ненавидеть врагов, ты все ещё остаешься грешником.
Если ты созерцаешь непрерывно и продолжаешь пребывать без Христовой Любви, ты все ещё не вошёл во врата Царства Божия.

Глава восьмая. Единение сердец

Утром бросаются в глаза близкие полосы снега на коричневых от ультрафиолета скальных склонах со следами лавин. Горы в них пёстрые, словно полосатые зебры с белыми гривами. Повсюду за ними прячутся другие горы и незнакомые вершины. Началась горная пустыня. Режущий ветер гонит из глаз непрошенные слёзы. У костра хлопочут друзья. Слышу чей-то голос:
- Чай готов?

На тенте палатки искрится лёгкий иней. У костра проводник вертит руки над жарким пламенем, то и дело потирая их. Когда он пытается что-то сказать, все время ревет як, пасущийся поодаль. Пугаясь дыма костра, крича, носятся альпийские галки. Далеко внизу темнеют редкие тёмные-зелёные куртины леса. Под кухонным тентом мои спутники оживлённо обсуждают дальнейший маршрут, склонившись над картой. Каштановые и седые волосы их голов вперемешку - горы объединили сердца людей. Некоторые в таких высоких горах первые и забавно видеть их помолодевшие лица.

Вдоль тропы нас провожают последние одинокие ели. Причудливо изогнутые, они словно застыли в полёте. Зеленокудрые, они чудо как хороши! По луговому рыже-зелёному бархату, рдея, словно кораллы, разбежались бордовые кустики брусники. Между ними юрко бегают пёстрые трясогузки на тоненьких ножках. Вниз, в долину, спешно возвращается одинокая цапля, взмахивая серыми крыльями на фоне гигантских белых вершин, среди которых - наш заоблачный пик. Опустелая тропа зовёт вниз. Туда же, вытянув лебединую шею, спешит, не отставая, тонкое облако. А мы уходим все дальше и выше, откуда пунктир тропы, змеясь, медленно ползёт навстречу. Яки, несущие поклажу позади нас, погромыхивают кухонным снаряжением.

Неожиданный привал. Проводник, ползая на четвереньках, ищет среди камней потерявшуюся папку с документами.

- Да где же она? Куда она подевалась?

Погонщики яков кидаются ему помогать. Наконец, находят. Это небольшая папка со всеми нашими пропусками и документами. Проводник со вздохом

облегчения сует её за пазуху. Медлительно и торжественно он обводит взглядом лица ребят:

- Это какое-то чудо, что нашлись наши документы!

- Тогда с вас праздничный ужин! - шутит кто-то. Проводник сдержанно засмеялся и поднял большой палец.

Затем начинается закрепление развязавших вьюков. Глаза отдыхают на белёсых тучах, завивающихся кольцами. Сквозь них бьют огненные стрелы яркого диска. Забываюсь в молитве и забываю, что я в горах. Луч осеннего солнца задержался на мгновение на моей щеке. Меня трогают за плечо.

Привал окончен. Снова в путь!

Мимо на низкорослой лошадке проехал местный житель, собиратель трав, в меховой шапке и с торбами по обеим сторонам седла. У лошади белый хвост и косматая рыжая грива. Он обратил в нашу сторону медно-красное лицо, поглядел маленькими глазками и неторопливо проследовал своим путём. Бесстрастное лицо всадника не выразило никакого удивления. Горное пространство словно проглотило его.

Погонщики яков - простые деревенские парни с взлохмаченными волосами. Говорят мало, посматривают узкими смеющимися глазами. Но в разговоре почтительны и дружелюбны. Их яки производит пугающее впечатление из-за огромных кроваво-красных глаз. Пересекаем последние луговые залысины, выбитые прошедшими отарами. Кое-где ютятся у валунов семейки низкорослых берёзок. Постепенно все больше начинает сказываться высота.

Безлюдье и одиночество сплачивают людей. Каждое живое сердце находит в такие часы в другом сердце великое утешение. Но самый цельное единение - это когда сердца объединяются во Христе кроткой силой благодати. Тогда прочь раздоры, прочь недоразумения, долой всякую неприязнь!

Любое событие приходит к непредсказуемо удивительному завершению, особенно у монахов, чьи сердца и души начинают служить людям и Богу. Очень жалко, когда человек не замечает того счастья, которое к нему приходило, а он искал его совсем в другом месте. Из-за всех видов счастья лучшее - это, конечно, Истина. Одни люди приходят к Истине и остаются в ней навсегда, отречьшись даже от своей жизни. Другие, встречая её, поворачивают назад, к тому, что им жалко оставить.

Присматриваясь в походе к своим друзьям и сомолитвенникам, я неустанно благодарил за них Бога. Они оставили уют и благополучие келий и отправились со мной в далекие горы, выбрав невзгоды и искушения. И чем труднее и тяжелее становились испытания, тем тверже и чище делались их сердца и яснее просвечивали через глаза их души, прикоснувшись к простой и непринуждённой живой Любви Христовой. И такие события не замедлили произойти. Но об этом позже.

Вечер. Ютимся среди камней, с трудом находя место для палаток.

Предзакатная бледность неба запестрела разорванными прядями алых облаков. Зябкий сумрак дышит в рукава, заглядывает в лицо. Красным муравьям как будто нисколько не страшна высота: снуют по камням в поисках пропитания. Но когда, не приметив муравьиной дорожки, пристроишься помолиться на тёплом камне, вдруг накинутся и не дадут покоя. До вечернего чая даю отдых ногам: отлеживаюсь в палатке. Мягкий свет просвечивает сквозь низко летящие облака, отчего палатка то светлеет, погружается в полумрак.

Меня разбудил отчаянный звон в кружку: не заметил, как задремал.

На кухне все в сборе. Гид не подвёл: испёк превосходные лепешки, выставив,

вдобавок, на стол баночку мёда. Пока допиваю чай, слушаю разговоры друзей. Порывы ветра заставляют трепетать походный тент. В углу у горелки тихо переговариваются наши помощники. По глазам товарищей вижу их готовность задавать вопросы:

- Как перестать осуждать, батюшка?

- Живите по совести и не будете никого осуждать!

- А что такое чистая совесть, отче?

- Чистое сердце - это и есть наша совесть! Чем она чище, тем слышнее ее голос. Мы зачастую не слышим его и начинаем судить других. Так развивается дурная привычка осуждения. Поэтому принимайте каждое явление и каждого человека, как некую данность, и не более того, прежде чем сможете увидеть в каждом человеке Христа...

- Как это? Не понимаем, отче, простите... Как же в таком случае избавиться от осуждения?

- В пятом классе у нас был пожилой учитель математики с большой лысиной. О нём дети сложили незатейливую задачку: «Дано: лысый влезает в окно. Допустим: мы его не пустим. Требуется доказать: как он будет вылезать?» Слушающие засмеялись.

- Не будем смеяться, а просто обратимся к выводу из этой смешной задачи, друзья мои. Оставим для себя только первую часть этой шуточной притчи: «Дано: лысый влезает в окно!» Это и есть неосуждение. Ломать же голову над дальнейшими похождениями и поведением учителя математики, гневлив ли он или зол, - это уже будет осуждением...

- Разве в слове «лысый» нет осуждения?

- Нет, конечно. Это просто факт. Так, на простых примерах, мы начинаем принимать любого человека как он есть, не оценивая его, каков он по отношению к нам и каков он внутри, предоставив все подобное Богу. Таким образом мы раз и навсегда покончим с осуждением, просто помолившись о человеке.

- А если, например, какой-либо человек опасен?

- Бог предупредит нас об этой опасности, друзья, без всякого осуждения...

- А к чему в духовной жизни следует переходить дальше, отче?

- Исходя из этого основного принципа неосуждения, мы прекращаем всякие попытки ума отвлечься вниманием от Христа на размышления о других людях или смущающих обстоятельствах. Всего одна дурная мысль - и все покрывается мраком. Нашим вниманием должен владеть один Господь, поэтому в духовной жизни нужно учиться жить, не уводя ум от Него ни на мгновение. Только тогда вначале мы сможем увидеть Христа в духовнике, а потом и в каждом человеке. Если хочешь жить Любовью, не осуди ни одного человека и ни одной вещи...

- Постараемся это запомнить, батюшка! А если мы болеем или ощущаем боль в теле, что делать таких случаях?

- Пока в уме сохраняются мысли о болезни и боли, сохраняются и мучения. Подобные помыслы превращают жизнь в ад. Если хочешь покончить с душевными мучениями и телесными страданиями, стремись раз и навсегда избавиться от этих мыслей. Все это является дурными привычками нашего ума цепляться за этот мир, а наше тело также представляет собой часть этого мира. Лишь избавившись от подобных привязанностей с помощью упорной и настойчивой молитвы, мы придём к первым проблескам постижения нашей истинной природы духа и его Свободы во Христе.

- Батюшка, нам не представляется, каким образом можно отделаться от

физической боли? - настороженно спросил кто-то.

- Боль никуда не уйдёт, но привязанность к боли, цепляние к ней нашего ума, совершенно исчезнет...

- Каким же образом, отче?

- Нам надлежит каждое явление нашей жизни преображать молитвой в благодатное покаяние и затем утвердить сердце в Святом созерцании Свободы Христовой. Отвержение одной дурной мысли - это один шаг к Свободе. Отречение от всех мыслей - это совершенная Свобода! Так совершается наше Спасение, так происходит священное соединение нашего духа со Христом Спасителем, если мы правильно и решительно взяли за достижение неосуждения...

- Каковы признаки того, что наши поступки правильны?

- Если в душе есть отречение от мира, смирение, Любовь к Богу и сострадание к людям - это есть действие благодати, которая ясно показывает, что мы на верном пути...

- Отче, что более всего препятствует молитвенной практике?

- Что препятствует практике? - задумываюсь я. - Есть восемь страстей и вы их хорошо знаете. Они-то и мешают нашим усилиям, препятствуя им и затягивая нас в мир. Здесь нужно стоять в молитве, как пишут святые Отцы, до крови. Самое главное - никогда не отвлекаться вниманием от неё и всегда помнить об этом. Таким образом любую страсть можно преобразить в устойчивую постоянную молитву.

- А что может ещё помочь, чтобы устоять в этой борьбе?

- Уединение, что же ещё? Старец говорил нам: как раненый боец ползёт в медсанбат, так и нам, немощным, нужно устремляться в уединение, чтобы там отстать от греховных страстей и залечить раны, нанесённые ими. Так же, как врачи заботятся о выздоровлении раненого бойца, так Церковь заботится о каждом грешнике, предлагая ему исповедь и святое Причащение.

- Батюшка, а что вы скажете о помыслах?

- Помыслы - это пули зла, которые нас убивают!

- Но как же защитить себя от них?

- Своими усилиями это сделать невозможно, поэтому единственная защита и помощь приходят к нам от Божественной благодати. Её и нужно нам стяжать всемирными усилиями, когда обретём в сердце непрестанную молитву. Это и есть узкий путь Спасения, дорогие мои...

- Об этом расскажите подробнее батюшка!

- Хорошо. Чтобы мы ни сделали в этом мире: приобрели или потеряли, результат всегда будет равен нулю. Почему? Потому что «весь мир лежит во зле» (1Ин.5:19) и не имеет ни капли благодати. Поэтому святой апостол Иоанн Богослов советует нам «не любить мира, ни того, что в мире» (1Ин.2:15) и не держаться за него. Он нам дан лишь для духовного обучения и Спасения души в благодати. Если мы имеем благодать, пусть даже небольшую, то дурные мысли как бы гаснут в ней, не затрагивая нас и не причиняют душе вреда. Нам остается лишь не порождать никаких помыслов и пребывать без привязанности к ним в благодати Святого Духа. Это есть начало безстрастия и является самым корнем духовной свободы вы Христе!

После некоторого молчания, наступившего за столом, кто-то спрашивает неуверенно:

- Отче, неужели это возможно в наше время?

- Это всегда было возможно, а потому наше время не является исключением для помощи Божией: «Человекам это невозможно, Богу же все

возможно» (Мф.19:25), как сказал Господь.

Вечером в палатку на свет фонарика залетела небольшая ночная бабочка - редкая гостья на высоте более 4000 м. словно маленькая радость впорхнула под мой кров. А вот москиты нагоняют тоску. Утешаю себя тем, что смиренно терплю их жгучие укусы. Все равно, молиться очень хорошо, когда голова ясна и грудь полна чистого воздуха. Слава Богу за всё! Засыпаю. Перед глазами стоит наша вершина, освещающая сияющими льдами, словно ледяной маяк, наш путь. На ткани палатки ещё долго играет вечерняя зарница. Вскоре ночь накрыла долину, точно мокрым войлоком, гася все дневные звуки. Усталое тело словно провалилась в эту чёрную безмолвную тишину...

Трехстишия

15

1. Тот, кто говорит о свете, а сам бродит в потёмках - слеп.

Тот, кто говорит о благодати, а сам путается в добре и зле - не имеет духовного рассуждения.

Тот, кто говорит об исихазме, а сам отдал ум беспорядочным мыслям - глубоко заблуждается и не может учить других.

2. Созерцание - это не праздность ума, а его высшая священная деятельность.

Молитва - это не блуждание помысла, а встреча в сердце со Христом.. Жизнь по заповедям - это не пустословие языка, а утеснение во всем эгоизма.

3. Смиранный значит нетщеславный.

Кроткий значит безгневный.

Сострадательный значит пришедший к Любви.

4. На мгновение можно увидеть Христа в этой жизни, но соединиться с Ним непросто.

На мгновение можно узреть нетварный свет, подобный мелькнувшей звезде, но остаться в нём трудно.

На мгновение можно догадаться, что такое просвещение сердца, но стяжать его на деле сложно.

5. Если отречёшься от своего тела, узнаешь свободу.

Если отречёшься от своего ума, обретешь благодать.

Если отречёшься от своей души, спасёшь её.

6. Когда стяжешь рассуждение, как можно заблудиться?

Когда стяжешь благодать, как можно не узреть свет Христов?

Когда стяжешь преображение сердца, как можешь не обрести Жизнь вечную?

7. Мирской дом - прибежище паутины, духовный дом - прибежище благодати.

Мирская работа - развлечение ума, молитвенный труд - его обуздание.

Мирская семья - препятствие для Спасения, духовная семья - Отец, Сын и Святой Дух - обитель Царства Божия.

8. Побудить ленивого монаха молиться, как вытаскивать из колодца затонувшее ведро.

Побудить нерешительного мирянина поститься, как накачивать пробитую шины велосипеда.

Побудить суетливого отшельника оставить хлопоты о своей жизни, как завести строптивного быка в стойло.

9. Богопросвещенный старец - это твой внешний учитель, приводящий тебя к духовной практике.

Благодать - это твой внутренний учитель, приводящий Тебя к чистоте сердца.

Христос - это твой сокровенный учитель, приводящий тебя к Отцу Небесному.

10. Уединение - это начальный этап Спасения.

Отречение от самого себя - это средний этап Спасения.

Полное и окончательное Богопостижение - это завершающий этап Спасения.

16

1. Искренность и ревность по вере необходимы, но смирение и кротость несравнимо превосходят их.

Отречение от мира и усердие необходимы, но решимость и стремление к Спасению несравнимо превосходят их.

Подвиги и аскетизм необходимы, но сострадание и Любовь к ближним несравнимо превосходят их.

2. Мир похож на сливу в зубах - вкусно, но можно подавиться.

Страсти, словно слюна во рту - никогда не насытишься.

Помыслы в голове, словно паутина, которую плетёт паук - никогда не остановятся.

3. Чем больше учишь, тем больше становишься похожим на слугу ста господ.

Чем больше проповедуешь, тем скуднее проникновение в суть Истины.

Чем больше утрачиваешь интерес к этому миру, тем сильнее жажда Богопостижения.

4. Земная родня - мирские пути, духовная родня - сподвижники в Спасении.

Зарабатывание денег - нескончаемое рабство, очищение сердца - вечная Жизнь.

Любопытство и многоучённость - повязка на глазах, стяжание благодати - истинное просвещение души.

5. Рождение детей - пожизненная тягота, рождение благодати в душе - вечное счастье.

Воспитание детей - неблагодарное занятие, воспитывать свой ум - бесконечная польза.

Выдавать дочерей замуж и женить сыновей - пустые хлопоты, соединить души с небесным Женихом- Христом есть Царство нескончаемой радости нескончаемой радости.

6. Когда вышел в путь, старайся держать ум в чистоте.

Когда вернулся домой, держи ум вдали от воспоминаний.

Когда обретешь молитву, пребывай во Христе, оставив навсегда мирские пути.

7. Нищему духом нечего терять, и потому он блажен.

Милосердному некого бояться, и потому он счастлив.

Чистого сердцем некому угождать, и потому он постоянно созерцает Христа.

8. Прекратив совершать грехи, найдёшь истинное счастье.

Прекратив дурные помыслы, обретешь настоящую радость.

Прекратив рассеяние ума, стяжешь подлинное упокоение и жизнь во Христе.

9. Тот, кто с благодатью, мирен душой и в жизни, и в момент расставания с ней.

Тот, кто со Христом, спокоен и в скорбях, и в несчастьях.

Тот, кто с Пресвятой Троицей, блажен вовеки, ибо не узрит смерти.

10. Тот, кто умиротворён, не грустит об утраченной юности.

Тот, кто спокоен умом, без печали встречает старость.

Тот, кто просвещен Святым Духом, без сожалений оставляет все земное, чтобы наследовать Жизнь нескончаемую.

Глава девятая. Ураган

Сегодня вышли пораньше - немного отстаем от погодного графика. В осенних горах промедление грозит долгой непогодой и срывом всего маршрута. Рассвет медлит и медлит. Наши ноги вязнут в песке и щебне- остатках древней морены. В руинах осыпающихся скал свисают пряди тумана. Сизое пятно облака над нами вдруг полыхнуло ослепительной молнией, словно обожгло глаза. Посыпал мелкий скучный дождь.

Внезапно налетел такой свирепой ураган, будто он задумал перевернуть весь мир. Мелкий дождь мгновенно перешел в крупный холодный ливень. Летящие по ветру капли больно секут лицо, ботинки скользят на крутой тропе. Погонщики орут во весь голос на испуганных яков, пытаюсь перекричать вой ветра. Скользя на щебенке, подбежал проводник и прокричал мне в самое ухо:

- Патер, пустим погонщиков вперед, чтобы они успели приготовить нам ночлег! - его голос нырнул в темноту дождя, словно утонул в нем.

Я кивнул головой. Мы отошли в сторону, пропуская вперед наших помощников, завернувшихся с головой в полиэтиленовую плёнку. Они за веревки тянули вверх яков, которые тяжело мотали головами. Со всех наших фигур бежали потоки воды, от которых не спасали даже непромокаемые куртки с капюшоном.

Пришлось настроиться на то, что такая жуткая непогода продлится весь день.

Мы прислонилась к громадному валуну, сползшему на тропу, найдя там временное затишье. Долго пытался застегнуть до конца «молнию»

непослушными мокрыми пальцами. Опираюсь рукой о холодный и скользкий гранитный камень и тут же отдергиваю руку - свело озябшие пальцы. Сую их снова в мокрую перчатку. Резко стемнело, мгла скрыла все очертания гор.

Проводник с помощником и погонщики яков ушли далеко вперед. Осталась только скользкая размытая тропа под ногами и режущий ледяной ветер в лицо со струями холодной воды, слепящих глаза. Скоро и она исчезла из виду, словно спряталась в клубах тумана. Сколько продолжался наш подъем под дождём не помню, пока не почувствовал, что вымок с головы до ног и меня бьет мелкая дрожь. На плечах, вместо рюкзака, словно повисла чугунная давящая глыба. Штормовка вся мокрая, мокро всё и под ней.

С запозданием я вытащил из рюкзака накидку, но её скручивали и вырывали из застывших рук свирепые порывы ледяного ветра. Посреди огромных каменных глыб меня ожидали мои товарищи. Их согбенные, насквозь промокшие фигуры и мокрые лица говорили сами за себя : все мы начинали застывать.

- Попробуем в укрытии развести костёр! - прокричал я сквозь ветер и вихрь.

Сколько ни шарил я руками в мелкой пожухлой траве, смог найти только несколько мокрых веточек. То же самое оказалась и в руках моих спутников.

Отрезав часть своего походного коврика, я попытался разжечь в укрытии хотя бы слабый костерок. Остальные сгрудились вокруг меня. Однако натиски вихря с дождём быстро разметали слабый огонёк, который, шипя, погас окончательно на наших глазах.

- Нужно идти к ночлегу сколько хватит сил! Не теряйте друг друга из виду...- хриплый мой голос улетел в воющую тьму. Но меня, кажется, поняли. Не ведая, сколько часов ещё нужно идти, мы двинулись дальше. Кажется, целую вечность впереди меня качались под ветром мокрые фигуры, согнувшиеся, но упрямо ползущие вверх. Помню, что падали, скользили, переходили вброд бушующие ручьи и снова ползли и ползли, теряя всякое представление о том, где мы находимся. Где-то в горах возник рокошующий гул: начали сходить лавины.

Туман и мгла внезапно разошлись и мы остановились от неожиданности: на

небольшой поляне, борясь с ветром и дождём, метались мокрые насквозь люди и ставили палатки. В стороне понуро стояли яки с нашей поклажей. Все взялись помогать нашим помощником укреплять палатки и развьючивать усталых животных. К моему совершенному изумлению я не встретил там утомленных и раздраженных лиц: и проводник, и его помощник, и двое погонщиков приветливо улыбались нам, смахивая с невозмутимых лиц капли дождя. Такое поведение этих людей мне чрезвычайно понравилось: «Обязательно возьму это себе в пример!» - решил я.

В конце концов, палатки и кухню удалось поставить и закрепить камнями. Промокшие до костей гид и его помощник без усталости возились в кухне, умудряясь шутить и весело смеяться. Я забрался в свое убежище, не помня себя от усталости. Когда снимал мокрую одежду, ноги схватила острая боль от резких судорог в мышцах. Мокрые брюки, куртку, свитер и накидку я выбросил наружу. В спальнике продолжала бить все тело мелкая дрожь, хотя я переоделся во все сухое, что смог найти в рюкзаке.

В отверстие просунулась смуглая рука проводника, держа кружку с горячим чаем:

- Пей, патер, и приходи греться в кухню!

Как я был ему благодарен! Немного забылся в спальнике, как меня разбудили:

- Батюшка, пойдёте на ужин?

Кряхтя, я вылез из палатки. В сумраке продолжал сыпаться несколько утихомирившийся дождь. Ветер постепенно стихал. Мокрые и озябшие, все сидели за столом, согреваясь горячим чаем. К моему удивлению унылых лиц опять не было видно! Друзья весело обменивались своими ощущениями от пережитого. Что-то новое открылось в каждом из них: некая целеустремлённость и полное доверие Богу.

Душа как будто училась быстрее схватывать и постигать удивительный Промысл Божий не в рутинной обыденности, в которой она обычно живёт, словно в полусонном состоянии, а в этом исполненном решимости предстоянии пред Богом лицом к лицу со всеми опасностями и трудностями. Волна за волной из сердца сами собой поднимались горячие молитвы благодарности Богу за помощь, за его доброе руководство, за каждый шаг, ведущий к Спасению. В моей душе возникло ощущение, что, начав свой поход к третьему полюсу планеты, мы самым невероятным образом осознали, что Господь преобразил его в движение к постижению Бога, к прямой возможности постичь его удивительную Любовь!

Стало совершенно ясно, что Господь очень сокровенно и исподволь ведёт каждую душу к Спасению с величайшей Любовью и беспредельным состраданием. Надеясь душу скорбями, Он дарует ей подспудно благодатное пробуждение и возрождение в Своей святой благодати. Подобно мудрому отцу, Он с сострадательной улыбкой принимает каждую душу в Свои любящие объятия, которые есть нескончаемая Жизнь в Его вечности. Это я видел ощущал в глазах и лицах своих друзей.

Для такого преображенного общения не было нужно никаких фраз и уверений в дружбе и любви. Каждый жест, каждый взгляд ожившей в благодати души говорил сам за себя, не требуя доказательств. Мы все просто сидели за столом, разомлев от тепла и улыбаясь друг другу. Каждый из сидевших рядом со мной словно понял нечто очень важное и сокровенное, что касалось только его, но во всех вместе это новое ощущение без слов объединяло и спланивало наши сердца и души.

Переживая вновь и вновь всё то, что испытал каждый из нас в минувший день,

трудно было назвать это счастьем, но, однако, оно тоже присутствовало в каждом моменте неуловимо пролетевших мгновений. Скорее всего, это новое ощущение можно было определить как радость, потому что все прошедшие скорби неожиданно стали этой радостью, только уже не мимолётной, но прочно утвердившейся в душе.

Тем не менее, физическая усталость брала своё. В жарко нагретой кухне начали слипаться глаза. После чая, извинившись и оставив в кухне у огня мокрую одежду, я поспешил в свое холодное жильё. По пути остановился, не веря глазам: два брата-погонщика возле мокрого камня устроили навес из полиэтилена и жались под ним у слабенького дымного костерка. Они даже не просушились на кухне и пытались это сделать у своего очага: зрелище было не для слабонервных!

Я быстро достал из поклажи тёплые брюки и куртку и подарил их погонщикам. С улыбками они радостно приняли мой подарок. Пришлось просить у гида, почему эти двое ребят не ночуют на кухне? И услышал ответ:

- Патер, парни отказывается, я приглашал их! Они местные, им так привычно, не переживайте!

Я только покачал головой: их жизнь была для меня запредельной.

В спальнике поначалу чувствовалось гораздо теплее, чем на улице, но испарина от дыхания собралась на ткани палатки и сыпалась сверху мокрой моросью, когда я ворочался. Безлунная ночь казалась ещё холоднее. Зябкие сумерки заползали в спальник, покрывая тело ознобом и мурашками. Горы закутались в сырую тяжелую пелену нескончаемого ливня. Мне понадобилось немало усилий, чтобы углубиться в молитву. Ночь напролёт пришлось слушать грохот дождя по крыше палатки. «Должно быть, теперь точно заболею!» - то ли во сне, то ли наяву стучал неотвязный помысл в сердце. Оно откликалось: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя!»

Трехстишия

17

1. Трудно найти хорошие условия для молитвы, поэтому молись в любом окружении.

Трудно подобрать хорошие обстоятельства для исполнения Евангельских заповедей, поэтому никогда не оставляй Евангелие.

Трудно отыскать уединение и ещё труднее стяжать в нём созерцание, поэтому твёрдо уединись в своем сердце и в нём обрети Боговидение.

2. Повседневная жизнь - терка, стирающая в порошок наши дни и годы.

Болезни и невзгоды - плуг, постоянно взрыхляющий душу.

Мечтания и надежды - галлюцинации, не дающие видеть Бога в своем сердце.

3. Каждый юноша поначалу - писанный красавец, а в старости - обрюзгший обжора и пьяница.

Каждая девушка вначале - ангел не от мира сего, а в конце жизни сморщенная баба-яга.

Зная это, как можно прильнуть к мирской жизни, в которой не встретить Христа и за тысячу лет?

4. Родился сынок - отцу загляденье, а вырастет - обходит его стороной.

Родилась дочь - принцесса из сказки, а вырастет - блудит, не удержишь её от позора.

«Враги человеку домашние его» (Мф.10:36), поэтому ищи Спасение больше

всего на свете.

5. Всякие богач недоволен тем, что мало скопил.

Всякий скряга недоволен тем, что много отдал.

Всякие любитель славы завидует остальным. Что из этого может привлечь тебя?

6. Ублажи, Господи, благоволением Твоим ум мой в покое, и да созиждутся стены моего душевного града, тогда возложат на алтарь Твоего милосердия тельца моего самомнения.

7. Тот, кто практикует духовную жизнь делом, спасается. Тот, кто практикует её языком, остается ни с чем.

Грязное сердце слепнет от ясности Истины, чистое сердце просвещается Ею. Переживания и духовные утешения - искры благодати, а Богосозерцание - это солнце Христовой Любви.

8. Моя душа благодарна родителям, они дали мне возможность устремиться к Богу.

Мой ум благодарен старцу, он дал мне возможность овладеть молитвенной практикой.

Мое сердце благодарно Христу, Он дал мне возможность познать Божественную Любовь.

9. Солнечный свет светит сам по себе, таков же и Святой Дух.

Блаженство блаженно само по себе, таков же и Христом.

Три света и раздельны, и едины, такова же и Святая Троица.

10. Когда ум в состоянии невидения, он зрит Сущее, существующее Само по Себе.

Когда созерцание не зависит ни от каких условий, нетварный свет сопутствует душе повсюду.

Когда сердце едино с Божественным Бытием, тогда бытие человеческое становится Богоподобным.

18

1. Выйди в обитель Христа, оставив всякое движение ума.

Всмотрись сердцем в нетварный свет, не имея никаких видений.

Заверши восхождение в благодати Духа Святого, облекшись во Христа.

2. Чем дальше от городов, тем ближе к молитве.

Чем дальше от мирской жизни, тем ближе к созерцанию.

Чем дальше от самого себя, тем ближе к Спасению.

3. Лицо старца - живая икона Христа.

Благословение старца - живая передача благодати.

Слово старца - живое учение истин Евангелия.

4. Пока не приведёшь в измождение тело, не покоришь страстей.

Пока не избавишься от дурных желаний, не покоришь ум.

Пока не очистишь себя от дурных помыслов, не покоришь сердце.

5. Овладение умом - это постижение его безграничности.

Овладение сердцем - это постижение его бездонности.

Овладение душой - это постижение её беспредельности.

6. Ум - это птица в клетке тела.

Молитва - это открытая дверца в телесной клетке.

Благодать - это вольный ветер духовных Небес.

7. Гордость - это диких кабан в камышовых зарослях страстей человеческих.

Зависть - это безжалостный удав, притаившийся в джунглях желаний

человеческих.

Ненависть - это взбесившаяся лисица, рыскающая по пустошам помыслов человеческих.

8. Одевание чистого ума - отсутствие грехов.

Одевание чистого сердца - отсутствие помыслов.

Одевание преображенного сознания - Небесный свет.

9. Внимательность в молитве - игла.

Сосредоточенность в молитве - шелковая нить.

Восхищение в молитве - прекрасный узор.

10. В каждом слове Евангелия - глубочайший смысл.

В каждом исполнении Его заповедей - высочайшее совершенство.

В каждом стяжании Евангельских блаженств - превосходнейшее постижение.

Глава десятая. «Верь в лучшее!»

Рассвело. Приподнимаю голову, прислушиваюсь и устало откидываю ее назад:

«Опять дождь!» Самочувствие непонятное. Болен? Нет. Здоров? Не знаю.

Неужели здоров? Это самое удивительное! Снова струя чистой радости, как в юности, рождается в душе: «Слава Богу за это!» Устраиваюсь в палатке и начинаю молиться, пока все спят. Вскоре слышу снаружи движение и позвякивание посуды. У входа бодрый голос:

- Патер, доброе утро! Как самочувствие?

В полусвете дождя вижу мокрое лицо: проводник, надвинув глубоко капюшон, весело подмигивает.

- Доброе утро! Хорошее самочувствие, как ваши дела?

- Все в порядке! Приходите в кухню, скоро выходим...

Это сообщение для меня - полнейшая неожиданность. Это просто невозможно!

Умываюсь из термоса. Вижу братьев-погонщиков, несущих воду в кухню.

Весело улыбаясь, машут мне руками. Их отношения к быстро меняющимся горным обстоятельствам беру себе в пример. Клубящиеся низкие тучи сеют холодный дождь. Но теперь я не обращаю на него внимания. На душе словно светлеет.

Из палаток выбираются мои товарищи. На удивление, все здоровы и готовы идти дальше. За чаем задумываюсь: «Раньше здоровье я не берег, а сегодня уже приходится молиться, чтобы Господь сохранил его ради молитвы!»

Проницательный гид все замечает. Он хлопает меня по плечу, прогоняя сомнения:

- Патер, у нас есть поговорка: «Верь в лучшее и оно придёт!» Все улыбаются. Я тоже не смог удержаться от улыбки. Вспоминаются строки из песни. Отвечаю проводнику:

- А у нас так поют: «Быть может, до счастья осталось немного, быть может, один поворот!»

Мой друг переводит эти слова веселому гиду. Тут одобрительно кивает головой и приносит мне дополнительную лепёшку и кружку с горячим чаем в знак признательности и одобрения. Прошу у всех разрешения выйти пораньше, чтобы разогреть уставшее тело, поскольку не уверен в своих силах. Заверяю всех, что тропа хорошо видна и сбиться с неё невозможно.

Иду один. Видимость немного улучшилась, но дождь даже не думает

прекращаться. Обхожу по дуге большое моренное озеро и останавливаюсь:

дальше тропы нет. В разрывах туч вижу далеко вверху слева поднимающийся на моренную гряду наш караван. Отчаяние охватывает меня: «Сбился с маршрута! Самоуверенный глупец!» Неприязненно созерцаю пустынный подъем, от которого я сильно уклонился в сторону. Возвращаться слишком далеко. Спешу за караваном напрямую по осыпям и скользким валунам. Оттуда доносится призывный крик проводника. Он машет мне рукой. Немота глухих тёмных ущелий словно оцепенела от его далёкого крика. Сверху торопится мой друг, который моложе остальных. Спасибо ему!

- Батюшка, как вы? Сбились?

- Сбился, дорогой мой!

Задыхаясь, догоняем караван. Гид ожидает меня:

- Патер, все в порядке?

В его голосе слышно тревога.

- Все в порядке! - говорю в ответ. Он, улыбаясь, поднимает кверху большой палец. У нас с ним, по-видимому, установился незримый контакт: быстро понимаем друг друга.

Неожиданно замечаю, что иду легко и быстро. Вот оно, второе дыхание! Догоняю товарищей, обмениваемся улыбками. Славно идти по тропе, когда в сердце молитва, рядом хорошие друзья, а вокруг необыкновенно величественные горы. Как будто в ответ на это настроение, тучи светлеют, распахиваются и из них пробивается первый солнечный луч. Встречай, душа моя горное солнце!

К вечеру от дождя не осталось и следа. Однако температура воздуха резко упала. Поэтому на кухне особенно оживленно.

- Батюшка, вчера не удалось нам поговорить. Если вы не устали, объясните, как это определить признаки прихода благодати?

- Сначала необходимо трудиться, как пчёлки трудятся: по крупице добывать нектар молитвы, который впоследствии превращается в мёд Божественной благодати. Затем происходит у каждого человека, в соответствии с его мерой, периодическое переживание ощущения этой живительной силы. Когда благодать ощутимо утверждается в сердце, то человек как бы немеет и у него непроизвольно текут слезы благодарности Богу. После долгого периода молитвенной практики присутствие благодати уже не теряется ни в послушаниях, ни в трудах. И, как завершение, приходит безстрастие к вещественному миру и к собственному эгоистическому существованию. И только тогда преображенная душа прикасается к Божественной Любви и понимает, что это такое...

- А почему мы считаем, что очень много подвижников, получив благодать, потом потеряли ее?

- Конечно, если наше духовное устройство не соответствует Евангельским заповедям и человек отходит от правильного поведения, то ничего не обретешь, а только потеряешь.

- В чем же выражается неправильное устройство, батюшка?

- Когда Спасение перестаёт быть для нас главной целью и мы уклоняемся от Него, увлекшись второстепенными задачами и соблаздившись эгоистическими привязанностями. Необходимо тщательно следить за тем, чтобы все наши усилия были собраны воедино и стали прямым путём к Спасению.

- Пожалуйста, разъяснить, отче, что вы имеете в виду, говоря об эгоистических привязанностях?

- Таких привязанности может быть множество, но главные из них, это, несомненно, гордость и самодовольство.

- Как же от них избавиться, батюшка?

- Святые отцы оставили нам память смертную! Если её не хранить в уме, то жизнь промелькнёт так быстро, что даже не заметишь, как она ушла. Иной раз, говорят: «Ничего не будем делать, и все будет хорошо!» А будет ли? С памятью смертной мы быстро приходим в себя, как больной после обморока, и устремляемся к Богу, отсекая всякую гордость и самодовольство. Можно добавить, что память смертная - это и есть многовожденное смирение...

- Батюшка, в горах можно погибнуть в любой момент! Хотелось бы спросить у вас, что такое смерть? Смерть - это самое сильное доказательство лживости этого мира. Смерть - это последнее окончательное смирение души пред Промыслом Божиим. Смерть - это трагическое открытие души своего бессмертия.

- А почему это открытие трагическое?

- Потому что душа приходит к нему слишком поздно, когда уже мало возможности что-либо сделать. От самой души зависит: страшиться смерти или радоваться её приходу. Страшится значит бояться утратить собственный эгоизм и его привязанности. Радоваться означает принять смерть как прямой путь обретения Спасения и стяжания Святого Духа в этот решающий момент.

- А вы сами знаете о таких случаях, отче?

- Мы знаем о прп. Серафиме (Романове), Глинском старце, который подвизался на Кавказе в шестидесятые годы. Он получил обильную благодать в момент исхода его души из тела. Старец успел рассказать обступившим его монахам о своей великой благодарности Господу! Отец Серафим искал эту благодать всю свою жизнь, а получил в конце, ибо Христос сделал так, чтобы душа перешла с этой благодатью в Жизнь вечную, и не утратила её. Такие отцы и умирали с великой радостью. Однако нужно сказать, что для подобного решительного соединения с Господом в момент собственной кончины, необходимо прикладывать большие молитвенные усилия в течение всей жизни...

- Отче, поделитесь с нами, что нужно сделать, чтобы достойно встретить свою смерть?

- Нам необходимо прийти к обретению совершенной нищеты духа или чистоты сердца, лишённого всяких помыслов и преображённого благодатью. Такой человек встречает смерть без всякого страха.

- А что нужно практически делать в такие мгновения, батюшка?

- Нам следует всецело сосредоточиться на покаянной молитве и Любви к Сладчайшему Иисусу. Ум - это тоже мир, не опирайся на него, ибо единственная опора в мире - Христос! Благодаря милости Божией, мы ясно постигаем свое соединение с Господом, совершающееся как величайшее таинство в нетварном свете, который мы созерцаем напрямую. Таким образом подвижник с радостью предаёт свой духу руки Господа и вступает в Жизнь вечную с улыбкой на лице, когда Христос вводит душу в Свои Небесные обители. Так оставил земную юдоль монах Симеон на Новой Фиваиде, вечная ему память!

- Отче, всегда ли происходит такое, как вы нам рассказали, или бывает и как-то иначе? Есть ещё редкий и исключительный духовный опыт, когда благодаря наставлениям и молитвам духовника, душа в последний момент постигает бессмертную природу трёх Лиц Пресвятой Троицы - Отца, Сына и Святого Духа. В момент смерти Человеколюбец Христос принимает преображённый благодатью дух подвижника в Свои любящие объятия, словно свет сотворённый вступает в Свет незаходимый и вечный, водворяясь в Нём отныне и навеки. Такое довелось нам видеть лишь однажды, когда сияющий дух

подвижника перешел в Свет неопиcуемый. Это произошло со схимонахом Григорием на Афоне. По его святым молитвам да сподобимся и мы, грешные, милости Божией и прощения грехов!

Однако все должно быть с верой и рассуждением, как нам часто говорил Отец Кирилл. Поэтому теперь послушайте притчу из жизни о четверых друзьях, которые верили в лучшее, если вы не утомились. Люди не зря говорят: «Съешь незрелое яблоко, во рту только кисло будет». Поэтому вера у людей должна быть зрелой. Вот об этом самом и рассказ. Отправились однажды осенью четверо друзей в горы в поохотиться и заблудились. Заодно непогода разгулялась: грянул быстрый ливень, очень скоро перешедший в обложной дождь.

- Как в нашем походе, батюшка?

- Да, да, только не перебивайте, а то собьюсь. В общем, свечерело. Тучи заволокли ущелье. Ни зги не видно, вокруг - туманная неопределённость и расплывчатость. Друзья, однако, не стали унывать, развели под камнем костер и стали трапезничать тем, что из дома захватили: сварили кашу и приготовились есть.

А тут из тумана старичок-монах выходит. Поздоровался, присел к огоньку, попробовал каши - охотничьего угощения. Рассказал о себе, мол, живёт в дальнем лесу отшельником, а нынче припозднился, грибы собирая, и теперь, если позволят хозяева, переночует с ними, а утром уйдёт.

Переночевал дед с друзьями. Наутро, прощаясь, подсказал, как на прямую дорогу выйти, и в виде благодарности предостерег, что неподалёку озерцо есть нехоршее, лучше его обойти стороной.

- Почему же так, дедушка? Спросили охотники.

- А вот почему: кто глянет в него, свою судьбу увидит, а это знать людям не полезно. Но, бывайте, ребятки...

И ушел. Троице парням захотелось заглянуть в озеро, один их стал отговаривать. Начали они пробираться через лес на прямую дорогу и ненароком вышли на озерцо. Там уже вился снег и по берегам лежал кучами. И вышел у друзей спор. Трое заявили уверенно:

- Надо верить в хорошее, потому что в жизни все к лучшему. Поэтому ничего нет плохого, чтобы свою судьбу увидеть!

Четвёртый же стоял на своем и отговаривал друзей:

- Лучше будем верить Богу, а не своему любопытству! К тому же добрый человек нас предостерегал от этого поступка...

Как водится, рассудительному совету мало кто следует. Так же поступили и трое друзей. Четвёртый решительно отказался от их намерения. Когда они вернулись домой, один спился, второй попал больницу и умер, третьего поймали на воровстве и посадили в тюрьму.

- Что же охотники увидели в озере, батюшка?

- Бог знает, что им там показалось. Рассудительному охотнику вскоре снова встретился старичок и промолвил:

- Понял, друг, почему жив остался?

- Не понял, дедушка.

- Кто верит Богу, а не судьбе, и отрекается от себя, у того всегда все будет к лучшему. Вот это и есть - верить в лучшее и не искушать Господа.

- А с этим парнем что потом стало, отче?

- Ушел в горы вместе с отшельником. Кто это поймёт, в миру не останется...

В облаках тумана нахожу свою палатку. Шапкой надвинулся на глаза тёмный непроглядный вечер. Бездонная немая темнота тугим кольцом встала вокруг.

Несмотря на холод, молюсь в спальнике, пока не засыпаю от усталости. Просыпаюсь ночью: разбудила молитва. После шумной, с трескучей пальбой грозы небо словно окаменело. Вокруг стоит какая-то хрустальная тишина...

Трехстишия

19

1. Довольство малым лучше, чем большая погоня за призрачной мечтой.
Преданность Христу лучше ежемесячной зарплаты.
Постижения Бога более значимо, чем огромный счёт в банке.
2. Самая великая битва для верующего - битва с дурными мыслями.
Самое великое сражение - схватка с греховными желаниями.
Самая великая победа - обретения Спасения.
3. Отсутствие лицемерия - почётные грамота верующего.
Уверенность в истинности слов Христовых - орден славы верующего.
Благодатная мудрость - высшая награда верующего.
4. Тело человека - прекрасный храм для Господа.
Ум человека - Царские врата для Господа.
Сердце человека - украшенный драгоценностями смирения престол для Господа.
5. Стыдно совершать грех, а каяться в грехах нисколько не стыдно.
Стыдно иметь похотливые желания, а отсекать их нисколько не стыдно.
Стыдно иметь дурные помыслы, а освободиться от них нисколько не стыдно.
6. Благодать - самое лучшее из всех яств.
Христос - самый лучший из всех путей.
Святая Троица - самое безопасное из всех прибежищ.
7. Бродить без всякой цели по миру - бессмысленно.
Позволить бродить по миру уму - бессмысленно ещё больше.
Разрешить сердцу жить по своей воле - не только бессмысленно, но и губительно.
8. Чем больше земной привязанности, тем больше и ненависти.
Чем больше мирского ума, тем больше и глупости.
Чем больше показного самоуничужения, тем больше и гордости.
9. Деньги - это клочки бумаги, скрывающие под собой когти демонов.
Наслаждения - привлекательные образы, под которым прячутся клыки демонов.
Собственное тело - петля, которую затягивают лапы демонов.
10. Чем предстать перед Богом после смерти со всеми грехами, лучше встретиться с Ним сейчас в покаянии.
Чем тешиться пустословием, лучше погрузиться в безмолвие ума сейчас, чем после кончины, обременённым привязанностями.
Чем становиться проповедником и духовником, лучше отдать все силы сейчас молитве и созерцанию, чем после разлучение с телом сокрушаться о том, что сил уже нет.

20

1. Быстрое Спасение - как плохо переваренная пища, вызывающая отравление.
Поэтому не ускоряй духовную практику.
Неустанное покаяние до конца своих дней подобно хорошему лекарству, укрепляющему иммунитет против всех видов греха.

Оставь другим науки и искусства, подобные румяням стареющей кокетки, сосредоточься на единении с Иисусом.

2. Избегай напыщенных умников или многознаек - это словно острые колючки на духовном пути.

Избегай корыстного использования молитвенного опыта ради приобретения денег или телесного здоровья - это слова заботы о призраке.

Не становись надменным служителем, ублажающем своё чрево, или церковным карьеристом, залезшим в карман Церкви - это словно змей на дороге.

3. Многоучёность увеличивает гордыню, посмотри на учёных богословов - ведь для Спасения достаточно одной заповеди Евангелия.

Часто паломничество приводит не к благодати, к рассеянию ума, ведь для укрепления в ней достаточно святого Причастия.

Множество друзей погружает ум в непрерывное беспокойство, ведь тебе следует умножать не друзей, а покой ума во Христе.

4. Молитва - это духовное семя.

Ум - это поле, очищенное от сорняков и подготовленные к сеянию.

Благодатное сердце - это удивительный плод, полный сладкого сока Божественной благодати.

5. В хозяйстве весной - посев, осенью - урожай, а в духовной жизни в юности - посев, в старости - урожай.

Мирская жатва дает пропитание на год, а духовная жатва - на Жизнь вечную.

Продуктовые запасы питают лишь тело, а духовные запасы добродетелей питают душу и здесь, и после оставления тела.

6. Для начала ради Христа неплохо отречься от мира.

Ещё лучше отсечь все сомнения в достижении Спасения.

Но самое превосходное - свобода преображенного сознания во Святом Духе.

7. Нерассудительные подобны картежникам, проигрывающим свою жизнь.

Непрактикующие молитву подобны медведям в глубокой спячке.

Тайно пристрастившиеся к греховным действиям подобны лицедеям, играющим роли честных людей.

8. Щедрый и многомилостивый только Господь и те люди, которые следует Ему.

Святой и человеколюбивый - только Господь и те люди, которые подражают Ему.

Воскресение, жизнь и покой - только Господь и те люди, которые соединились с Ним.

9. Тот, кто постоянно проверяет себя, не впал ли он в самообман, постоянно исправляет себя.

Тот, кто постоянно советуется со старцем, не заблудился ли он, всегда имеет возможность вернуться на верный путь.

Тот, кто постоянно следует велениям Святого Духа, испытывая себя - стяжал ли Спасение, непременно спасётся.

10. Когда ум не блуждает, молитва устойчива.

Когда сердце не испорчено воображением, благодать не теряется.

Когда душа не омрачена грехами, нетварный свет не истощается.

Одиннадцатая глава. Удачный переход

Светает. Серое и смятое, будто не выспавшееся, лицо рассвета заглянуло в палатку. Подъем. Молитва. Завтрак. У самых истоков реки, ударяющей в крутые

берега, где пасутся яки, светятся последние оранжевые островки облепихи, вперемешку с тусклой зеленью крохотных тамарисков. Грустно и как-то невесело думать, что дальше мы не увидим никакой зелени, только серый монотонный цвет скал, с темными нишами сырых боковых ущелий.

Сладко пахнут тощие кустики полыни-чернобыльника. Кое-где пробиваются редкие скудные пятна вянущей травы, среди неё - поблекшие куртины можжевельника - кустарника из моей Кавказской юности. Однообразно и монотонно посвистывает кулик. До чего же хорош сокол - присел рядом на камень, строго посмотрел вокруг и взлетел. Среди погонщиков волнение - повыше на склоне они обнаружили большое стадо серн. Некоторые из животных, застыв, будто изваяния из камня, смотрят вниз. Погонщики, не дыша и закинув назад головы, уставились вверх. Душу волнует близость такой совершенной красоты и грации! Того, кто на них охотится, очень жаль: должно быть у него нет сердца!

Бесконечная тропа тянется по верху больших моренных отвалов, оставленных ледником. Приходится карабкаться по крутым осыпям. Яки мотают головами и хрипят: для них этот переход очень тяжел. Скоро их отпустим вниз, на вольные горные пастбища.

Сердце готово словно выпрыгнуть из груди, когда взгляд замечает пару парящих орланов-белохвостов. Их безмолвный полёт над горами смел и прекрасен. Однако гораздо выше кружащихся орлов, словно величественный постамент, возвышающийся над всеми окрестными горами - наш пик. Он захватывающе красив.

На кратких привалах приятно глядеть вдаль, молиться и просто дышать и дышать горными просторами, солнцем, облаками... По земле безмолвно пролетела лохматая тень быстрого облака, на мгновение перевернувшись в бледно-зелёной глубине моренного озера, покрытого тонким прозрачным ледком со скатившимися сверху камнями. Хуже нет, когда позади начинают тревожно перешептываться:

- Кажется, дождь пойти собирается!

Но нет, дымчатые облака поднимаются вверх, сквозь них проглядывают синеватые, словно сталь, зазубренные пики.

Вечером благодарим проводника: удачно прошли в непогоду опасную тропу по огромным осыпям, оставленным растаявшим за лето ледником. Гид, скромный добродушный парень, польщен. В кухне разливается приятное тепло. Разговор зашёл о доброте и неизменной услужливости наших помощников. Многие соглашались с тем, что они - хорошие люди, но чьё-то утверждение: «Мы же православные, значит, лучше!» - вызвало спор. Обратились ко мне за разъяснением - кто лучше? Все притихли. Гид ушел к погонщиком яков, а его помощник неумоимо копошился у керосиновой горелки.

- Как бы, друзья, мы ни провозглашали себя православными, но если на деле не стремимся постоянно проявлять ко всем людям любовь и сострадание, как можно назвать нас православными? Как бы мы ни превозносили себя над другими людьми, но если не имеем духовного рассуждения, чем мы отличаемся от них? Как бы мы ни считали себя получившими милость Божию быть православными, но если не обрели Христовой благодати, чем мы лучше других людей? Разница между всеми людьми лишь в одном - имеет ли кто Святого Духа или нет...

Отче, вы как-то недавно упомянули «Потерянный горизонт». Красивое название, о чем оно?

- В середине двадцатого века был такой режиссёр-романтик Фрэнк Капра. В его

фильмах действуют и герои, и злодеи, всегда есть захватывающая история, юмор и непременно философские беседы. Он снял в тридцать седьмом году фильм с таким названием по одноимённому роману...

- А чем этот роман?

- Во время революции в Китае четверо англосаксов: дипломат-мечтатель, учёный-палеонтолог, американец-авантюрист и монахиня-миссионерка бегут из охваченной беспорядками страны на самолёте и терпят крушение в глухих горах, вроде этих. Они попадают в затерянную долину, где нет ни скорбей, ни огорчений.

- Что же там случилось, расскажите, батюшка! - в глазах присутствующих замелькали искорки любопытства.

- Простите, этот роман я читал давно, ещё в юности, поведаю лишь то, что осталось в памяти. Так вот, в той загадочной долине их встречают странные монахи и секретными тропами приводят потерпевших бедствие пассажиров в плодородную затерянную долину, где царствуют якобы мир и гармония. Фильм, поставленный по этой истории, по своей сути - антивоенный и развивает миф о чудесном уголке на земле, где нет никакого зла и устроен этаким своеобразный утопический социализм...

- Какой же в этом романе смысл?

- Смысл в том, что люди всегда ищут островок безмятежности в охваченном смутой мире и вот маленькая группа беженцев волей случая находит такое место. Драма состоит в том, способны ли обычные люди отречься от земных «радостей» и повседневных привязанностей ради такой отстраненной от всех житейских проблем интеллектуально-философской жизни. Нужно ли вообще всё это обычному человеку?

- Отче, такие попытки выглядят слишком абстрактными и надуманными... - Замечает кто-то из слушателей.

- Верно подмечено, но вся, так сказать, соль состоит в том, что автор описывает в непростой ситуации различные виды характеров и их земные увлечения и страсти: идеалистически-философскую схоластику, рационализм учёности, тщеславие эгоизма и чувственные жизнелюбие. У всех этих характеров происходит крах личных убеждений и стереотипов при соприкосновении с необычностью ситуации. И человеческое в них все же берет верх и эти люди бегут из случайно найденного ими чудесного края, в котором его жители живут 200-300 лет...

- Разве на земле такое возможно? Это же абсурд!

- Конечно, невозможно. Автор оставляет развязку романа на усмотрение читателя. Если на эту историю взглянуть с позиции христианства, то мы должны всегда помнить, что без Христа все подобные псевдодуховные поиски обязательно приводит в тупик, поэтому ни в романе, ни в фильме не удалось разрешить эти противоречия, оставив все недосказанным.

Но нам следует из всего делать правильные и полезные выводы: в жизни такие поиски и есть «Потерянный горизонт», если человек ищет не Спасения во Христе и стяжания Царства Божия, а отдается поиском земных идеалов, пусть даже в форме социализма...

- А почему не всегда удается православным обрести Спасение во Христе?

- В этом романе хорошо уловлена идея, что серьезные цели достигаются лишь теми, кто сама отверженно устремляется к ним, как писал Тертуллиан: «Верую, потому что невозможно». Обычно, в первую половину жизни человек ещё не созрел для решительных действий, а во второй её половине начинает понимать, что для многого и важного он уже не имеет сил. Все коллизия в том,

что нужно успеть достичь главного в очень узкий промежуток времени, когда ещё есть и силы, и зрелость. Очень важно знать и понимать, где искать это самое главное. Поэтому и сказано: «Ибо вот, Царствие Божие внутрь вас есть» (Лк.17:20). Именно это неветшающее Царство следует искать всеми силами сердца, души и ума не упуская своё время...

Не торопясь, возвращаюсь к своему ночлегу. Вокруг горная осязаемо упругая тишина с тихим шорохом ветра. Мир суеты остался далеко позади. Молитва крепнет и радует сердце. С большим нетерпением ждём увидеть нашу вершину вблизи во всём ее величии. На последнем повороте мы видели её безконечные ледяные стены высоко над окружающими хребтами. Теперь она скрыта от нас крутым поворотом долины, которая сужается все больше.

Высота 5000 метров. Палатка открыта всем ветрам. Зябко и стыло её надуло парусом, затем полотнище хлопнуло гулким выстрелом. Белой пылью лёгкой метели запылило внутри углы застывшего хрупкого жилья. День померк. В сумерках полетел, посыпал из налетевшего облака неожиданный снежок. Он преобразил каменистые склоны, ложась на них ровным пушистым слоем. Натягиваю тёплую куртку. Слышу, как в соседних палатах возятся друзья, доставая из рюкзаков тёплую одежду.

От снега, осветившего склоны долины, появилось как будто праздничное настроение. О, если бы никогда не уходить из гор: даже чего же чисто в душе! Слово этот первый снежок очистил её до последнего пятнышка! Но, увы, непрошенные мысли о тех, кто строит догадки по поводу нашего отсутствия, лезут настойчиво в голову. Господи, помоги всем нам! Трудно людям понять друг друга...

Когда молишься в палатке, почему-то очень хочется, чтобы вокруг лежал глубокий снег и никто не ходил, позвякивая посудой. И чтобы запах керосиновой горелки ветер относил в сторону. Ночное безмолвие засыпало, словно безшумной лавиной, темные спящие палатки моих друзей:

Снег летит - гляди и слушай!

Так вот, просто и хитро,

Жизнь порой врачует душу...

Ну и ладно! И добро.

Н. Рубцов

Трехстишия

21

1. В любой ситуации проверяй себя тем, что говорит святое Евангелие. В любом поступке проверяй себя тем, как поступил бы твой духовный отец. Самый верный путь в любых обстоятельствах проверять себя тем, как поступил бы Христос.
2. Потакать своим слабостям значит создавать самому себе помехи. Расчитывать на всевозможные духовные дарования в практике значит переоценивать себя. Мечтать о своих будущих великих свершениях значит заблудиться в помышлениях.
3. Чистота ума не требует многих рассуждений. Чистота сердца не требует многих переживаний. Чистота души не требует многих желаний.
4. Самодельной святости без православной традиции не бывает.

Спасения без понимания смысла Евангелия не бывает.

Божественной Любви, без принятия всех людей, как своих братьев, не бывает.

5. Ничего не выйдет, если одну Евангельскую заповедь исполнять, а другие нарушать.

Ничего не выйдет, если ищешь Христа вовне, а не внутри себя.

Ничего не выйдет, если в своих молитвах даешь гулять дурным помышлениям.

6. Если не возьмешься всем сердцем за стяжание непрестанной молитвы, зря потеряешь свою жизнь.

Если не отречешься всецело от стяжательства, попытаешься в монашестве жить за счёт богачей, зря потеряешь свою жизнь.

Если не отдашь себя всецело в послушание единственному старцу, бегая от одного к другому, зря потеряешь свою жизнь.

7. Выписывать духовные наставления и не исполнять их значит дурачить самого себя.

Исполнять выборочно одно получение старца, отбросив в сторону остальные, и при этом хвастаться своими подвигами, значит дурачить самого себя.

Цепляться за мир и стремиться к стяжению благодати, метаясь между землёй и небом, значит дурачить самого себя.

8. Когда твои помыслы тонут в грехах, сложно навозные мухи в нечистотах, не упрекай мысли, упрекай самого себя.

Когда твои глаза ненасытно впиваются в красоту этого мира и твоя голова поворачивается вслед каждой женщине, не вини свои желания, вини самого себя.

Когда ты повсюду проповедуешь Православную веру, но пугаешься при виде монастыря, не порицая монастыри, порицай самого себя.

9. Кто все время ловил жизнь, а под конец она ускользнула, тот так ничего и не понял.

Кто считает себя верующим, не обретя Любви к людям, кому нужно такое его Православие?

Кто ходит с чётками и постоянно бормочет молитву, не имея жажды Спасения, кому принесёт пользу его духовная практика?

10. Год за годом ты соблюдаешь посты и кладёшь упрямо поклоны, но день за днём грешишь вновь и вновь, как ты можешь обрести благодать?

Ты вычислил своей цели и расчётливо к ним устремился, но забыл о милости Божией, без которой всем делам твоим грош цена, как ты собираешься спастись своими силами?

Пустословя, всех вышучивая и живя беспечно, ты считаешь себя монахом, а считает ли тебя монахом Господь? Подумай хорошенько.

22

1. Ты подвизался несколько дней и устал, решил сделать перерыв, а смерть ждала за углом. Зря ты настроился на мирскую жизнь.

Ты решил, что без трудов спасешься одним причащением Святых Тайн, но кто за тебя будет обуздывать твой ум? В конце-концов, ты горько пожалеешь о своем упущении.

Господь свят и совершен, а ты самолюбив и живёшь в мирских помыслах.

Подумай о том, как ты можешь приблизиться к Нему без отречения от самого себя?

2. Безпрерывное мышление - ежедневный самообман.

Крикливость в спорах - отсутствие мудрости.

Привязанность к оставлению потомства - недостаток рассуждения.

3. У нищего духом только одно желание - соединиться с Духом Святым.

У милосердного только одно стремление - быть милосердным к своей душе, чтобы спасти её.

У творящего мир только одно намерение - обрести нетленный мир в своем сердце.

4. Поскольку деньги подобны наркотику, каждый богач - наркоман, которому не выжить без них.

Поскольку женщины подобны наркотику, тот, кто не может жить без них - наркоман.

Поскольку дети подобны наркотическому средству для усыпления души, тот, кто всегда словно спит, погруженный в грёзы - наркоман.

5. Тот, кто живёт с именем Иисус в уме - молитвенник.

Тот, кто постится с именем Иисуса в сердце - подвижник.

Тот, кто умирает с именем Иисуса в душе - праведник.

6. Тот, кто ест и пьет с молитвой - истинный верующий.

Тот, кто трудится с молитвой - истинной православный.

Тот, кто всю жизнь в молитве посвятил Христу - истинный практик, у которого нет перерыва в Спасении.

7. Практикующий молитву без рассеяния - обретёт благодать.

Практикующий молитву без цепляние к миру - непременно спасется.

Практикующий созерцание, неразделимое со Святой Троицей - обязательно обретет обожение.

8. Воспринявшие всем умом слова старца с уподобятся старцу.

Воспринявшие всем сердцем слова Спасителя - уподобятся Спасителю.

Воспринявшие всей душой нетварный свет Троицы - соединятся с Ней.

9. Истинно верующий свободен от противоречий и сомнений, ибо его истина - Христос.

Истинно молящийся свободен от мирских представлений, ибо его истина - Царство Небесное.

Истинно созерцающий свободен от страха впадения в грех, ибо его истина - нетварное сияние Отца и Сына и Святого Духа.

10. Болтовня не может быть духовным рассуждением.

Зависимость от чужих мнений не может быть Свободой от мира.

Неумение преобразить всевозможные скорби в молитву не может быть Спасением.

Отправлено с iPhone

Начало переадресованного сообщения:

От: Алексей Мхайлюк <alex19980505@gmail.com>

Дата: 5 июня 2018 г. в 23:11:00 GMT+3

Кому: "О.Тихон" <pateros53@gmail.com>

Тема: Двенадцатая глава. Снегопад

Двенадцатая глава. Снегопад

Весь этот день просидели в палатках. Снег перекрыл тропу. С мутного неба он продолжает сыпаться с мертвящим тихим шорохом. Все собрались на кухне. Проводник откинул капюшон, забелённый снегом, и долго молчал, пока его не забросали нетерпеливыми вопросами:

- Ну, что? Когда выходим? Почему не собираемся?

- День нужно переждать. Если солнце выйдет, оно сгонит снег. Если же нет... - он развёл руками. Ответ был понятен без слов: тогда дальнейшее поход не состоится.

Все уныло разошлись по засыпанным снегом палаткам. Снежная круговерть пугает неприютностью и полной беспомощностью. Чужое жуткое молчание властвует в долине. В стороне неподвижно белеют фигуры яков, понуро опустивших головы. Я один очень рад. Тусклое пятно фонаря пробивается сквозь стены облепленной снегом кухни. Не хочется никому говорить, что меня накрыла горная болезнь. Выпил несколько таблеток и стало чуть полегче. Выглядываю наружу: в снегопад кажется, что вместе с палаткой лечу над снежной землёй...

Никак не могу понять своего самочувствия: с одной стороны, есть, вроде бы, совсем не хочется, а с другой стороны, телу нужны силы. Хорошо ещё, что взяли в поход сухофрукты: жую попеременно то инжир, то изюм. Когда лежу, начинается лёгкое головокружение, как будто все вокруг кружится вместе со мной. Но если выйти из палатки и прогуляться, то болезнь отступает.

Особенно тяжело делается по ночам: словно обручем сдавливает голову, кровь шумит в ушах и периодически становится невыносимо тяжело. Постоянно как будто не хватает воздуха, хотя дышу так глубоко, что даже появляется боль в рёбрах. Тогда принимаю на ночь таблетки от горной болезни, какие нам рекомендовали инструкторы альпинизма. От этого самочувствие несколько восстанавливается, как будто натиск недомогания ослабевает.

Но когда действие таблеток заканчивается, начинается нечто невообразимое. И всегда в два или три часа ночи. Голова, как ни странно, остается ясной, все осознается предельно отчётливо. И вдруг - лёгкие словно останавливаются! Тогда приходится с усилием и стоном вдыхать воздух изо всей мочи, восстанавливая дыхание. И так происходит неоднократно. Мне кажется, что этим я пугаю товарищей в соседних палатках.

Паники у меня нет, но, иной раз, нет-нет, да и проскочит пугающий помысл: «А вдруг сейчас умру?» Или же искушают сомнения: «Может быть, лучше было бы остаться внизу с Олегом?» Слава Богу, что тут же оживает молитва и своим действием успокаивает разволнованный ум. Тогда лежишь с молитвой и просто наблюдаешь, как долго-долго тянется бесконечная ночь. «Боже, скорей бы рассвело!» - добавляю невольно эти слова к Иисусовой молитве в такие минуты.

Лишь только начинает слегка светать, то сразу становится лучше. Тогда тихонько выползаю из палатки, чтобы пройтись по тропе хотя бы с десятков метров. Всякое недомогание простая прогулка снимает как рукой. Удивляясь таким переменам самочувствия, возвращаюсь и снова принимаюсь за молитву. С зарёй словно начинается новая жизнь. И тогда недоумеваешь: «Что это было со мной ночью?»

За обедом замечаю, что кое у кого из друзей на лице тревога. Никто не знает, как он перенесёт большую высоту. До сих пор мне высота словно открывала второе дыхание, и я не волнуюсь. Однако, кто знает, что может случиться в горах?

Расспрашиваю каждого о его самочувствии. Интересуюсь, открылась ли у кого второе дыхание? Слышу ответ:

- Хорошо, когда открывается второе дыхание, а если откроется третье, то - конец!

В просторной палатке раздаётся дружный смех.

Туман окутал нас холодным сырым одеялом. Грохот потока затих. Лежу в спальнике. Из рта - пар, на стенках - лёгкая изморозь, сыплющаяся на лицо. Когда тело в движении, состояние отличное. А если лежишь в спальнике, то чувствуешь, как опять незаметно подкрадывается горная болезнь и все туже сдавливает голову. И все повторяется сначала. Самое трудное при этом - заставить себя выбраться наружу.

То ли в молитве, то ли в забытьё прошёл день. В соседних палатках слышится покашливание, каждый приспосабливается к высоте по-своему. Только из кухни слышится раскатистый смех. Беззвучная тишина словно лопаётся от внезапного хохота: проводники затеяли какую-то игру, похожую чем-то на нарды. Этим парням большая высота нипочём.

Вечерняя сумятица не утихает на кухне и позже. К теплу обираются все участники похода, даже братья погонщики. В каждой группе своя беседа. У нас идёт разговор больше на духовные темы. Очередной вопрос, который интересует всех, касается деятельности ума.

- Батюшка скажите что такое ум?

- Ум - это познавательная деятельность сознания.

- Значит, умный человек это тот, у которого наиболее хорошо развита эта деятельность?

- Существует определенное различие между умным человеком и умником. Умный всегда уважает других, а умник - только самого себя. Умного человека постоянно спокоен, а у умника - постоянно возбуждён завистью и самолюбием.

- Отче, а что такое покой ума?

- Вкратце сказать, покой ума - это возвращение его к памяти о Боге. Также покоем ума называется возвращение его в сердце. Умное памятование и нахождение ума в сердце делает такой ум спокойным, смирённым и мудрым, а Святой Дух наполняет его совершенным миром, то есть тем духовным миром, который земному миру неизвестен. Ум, исполненный Духа Святого, называется преображенным или обожженным умом.

- А что же такое нетварный свет?

- Когда ум в Духе Святом соединяется со Христом, он созерцает славу Христову, называемую нетварным светом, поскольку не создан ничем земным.

- Можно нам узнать признаки этого света, батюшка?

- Во-первых, он смирен, во вторых, кроток и в-третьих - любвеобилен. Вообще, Любовь и нетварный свет, посути, одно и то же. Помните описание Любви у апостола Павла? Тоже самое относится и к этому Свету.

- Объясните нам, пожалуйста, его действия в человеке, если можно...

Когда этот блаженный Свет освящает ум, то ум преисполняется духовной мудростью или рассуждением. Когда Он освящает сердце, оно наполняется Христовой Любовью, а когда освящает душу, она поглощается этой Любовью и тогда ни говорить о земном, ни помыслить о нём не может. Это и есть Спасение...

Прощаясь друг с другом, мы расходимся на ночлег. Из полотнянных дверей кухни проводник желает всем доброй ночи. Кто-то откликается ему уже из палатки. Скванное острым холодом снежное безмолвие гасит звуки глухим

молчанием. В нём людские голоса, взлетев, падают в снег, словно не имеют сил.

Ласково и уютно загорелась крохотная свечка, колыхаясь от пара моего дыхания. Стало чуть теплее. Писать трудно, тем более о неприятном. Часто люди одно и то же видят и понимают по-разному. Доброжелательный человек видит в таком горном уединении возможность помолиться, забыв обо всем мире, и прочнее утвердиться вниманием в сердце, набравшись духовных сил и здоровья. Зложелатель усматривает в таких действиях скрытый умысел, исходя из своих нелепых догадок. Подобные подозрения выглядит не только смешно, ну и глупо.

Хорошо немногословие, но прекраснее всего молчание! Стоит монаху предпринять что-либо из того, что ему необходимо, то, когда такие действия не укладываются в стереотипные представления, его тут же начинают порицать и злословить о нем. Молчаливо скорбит и печалится его душа о таких людях. А в минуты клеветы она словно горит сухим огнём, который выжигает в ней все обиды.

Тяжелее всего тому, кто никому не может объяснить свою духовную жизнь: его повсюду стерегут тяжелые испытания, из которых самое тяжкое - клевета. Чем больше такой монах известен, тем меньше у него возможностей обрести уединение. И все же никакие искушения не волнуют того, кто полностью отрёкся от мира! Свободно дышит он и свободно молится, отдав сердце не суетному миру и его заботам, но Возлюбленному Христу! Ночью замечаю, что снегопад перешел в лёгкий радостный снежок. Шорох сыплющегося снега замерзает на лету. Он словно сияет сквозь полотно крыши...

Трехстишия

23

1. Погруженный в мирские заботы слеп для духовного мира.

Запутавшийся в привязанностях глух для благодатных наставлений.

Не решившийся на отречение от земных наслаждений нем для бесед о Божественном Спасении.

2. От мира не отречешься понемногу, как от ядовитой пищи.

У кого на свете хотя бы раз наступило «потом»? Ты тоже не исключение.

Суетный ум создаёт суетные дела, на иное он не способен, а чистое сердце приводит к чистой молитве. В этом суть всех наставлений.

3. Благодать - вода живая, текущая из сердца. Блажен, кто попробовал её на вкус.

Сила Православной традиции - её преемственность. Блажен, кто связал с ней свое сердце.

Безгрешная жизнь неизмеримое счастье уверовавший души. Блажен, кто имеет себе решимость осуществить её.

4. « И познаете Истину, и истина сделает вас свободными» (Ин.8:32) - так спаслись все предыдущие поколения верующих.

Истина не познаётся в городах, она познаётся в уединении - так спаслись все предыдущие поколения подвижников.

Истина это - нетленный свет Христов, просвещающий всех верных - так спаслись все предыдущие поколения молитвенников.

5. Как пастух спокойно ведёт коров с пастбища, уведи и ты свои помыслы из мира.

Как привольно течёт Волга своих берегах, так пусть и благодать привольно и без помех течёт в твоём сердце.

Как яблоко, созрев, падает с ветки в твою ладонь, так и душа, созрев, ложится в любящие ладони Христа.

6. Все земное - обман, только в Божественной Истине нет обмана. Разумей, что говорю.

Все твои переживания - куда они делись? А Истина как была, так и стоит, нерушимая во век. Разумей, что говорю.

Душа окружает себя вещами, не понимая, что они убивают её, и только Истина даёт жизнь. Разумеется, что говорю.

7. Пустые помыслы - сколько людей увели они во тьму и гибель! Лишь одна благодать приводит душу к свету вечному.

Во множестве книг слишком много слов, и все их понимает по-своему. Лишь Святой Дух открывает нам их истинную суть.

Родился, умер, а в чем смысл такой жизни без Христа? Лишь один Господь прямо приводит к Отцу Небесному.

8. Чей ум сонлив и рассеян? У кого он далёк от благодати.

Чье сердце полно привязанностей? У кого оно не познало Святого Духа.

Чья душа одних людей любит, а других ненавидит? У кого она далека от понимания Православия.

9. Кто начал ходить в храм и продолжает тайком грешить, тот мошенничает. Кто не выпускают из рук чётки, но передается дурным помышлениям, тот симулянт молитвы.

Тот, кто полон сомнений и пытается овладеть Богосозерцанием, тот лицедей и питает пустые надежды.

10. Страдания, за которые цепляется ум, заканчиваются лишь в благодати. Невежество, в котором утонуло сердце, заканчивается только в нетварном свете.

Душевный мрак, в который впала душа, заканчивается только во Христе, Который просвещает её.

24

1. Кто молится и бодрствуя, и во сне - настоящий умелец молитвы.

Кто не теряет благодать ни в радости, ни в скорби - настоящий умелец внимания.

Кто неразрывно живёт в нетварном свете - настоящий умелец созерцания.

2. Малый зрачок вмещает в себя весь грандиозный мир.

Малое сердце человека вмещает в себя небо и землю.

Дух человеческий вмещает в себя самого беспредельного Бога.

3. Одно утверждение спорит и борется с другим утверждением.

Благодать, не борясь, побеждает всякий спор.

Сердце, полное благодати, побеждает весь мир, когда отвергает его.

4. Семья и дети подобны наждаку, стирающему жизнь в порошок.

Заботы и попечения подобны молоту, сокрушающему острие ума в один миг.

Греховные мысли, обманывающие душу мечтами о счастье, подобны базарному шулеру, ловко прячущему горошину под стаканом.

5. Кого ведут по жизни советы старца, тот набирается опыта.

Кого ведёт через искушения благодать, тот набирается терпения.

Кого ведёт через страдания и скорби Христос, тот набирается смирения и благодать становится его вечным достоянием.

6. Кто видит старца и себя как одно - обрёл овершенство послушания.
Кто видит благодать и себя нераздельно- обрёл совершенство молитвы.
Кто видит Христа и себя во Христе как свет во Свете - обрёл совершенство созерцания.
7. Кто в миру больше не видит счастья, тот обретает его в отречении от мира.
Кто перестаёт быть лживым пред самим собой, тот обретает вечную правду в Истине.
Кто прекращает искать Царство Небесное вовне, тот находит его во Христе, живущем в его сердце.
8. Для кого всевозможные искушения - лишь укрепление в отречении, тот не порицает других.
Для кого всевозможные скорби - лишь укрепление в молитве, тот не стыдится самого себя.
Для кого всевозможные страдания и плачь - лишь укрепление в блаженстве благодати, тот не отделяется от Христа ни на миг.
9. И в этой жизни, и в иной, сколько ни ищи, самое лучшее - это Христом.
И в этой жизни, и в иной, сколько ни умудрайся, самое лживое - это дурные помыслы.
И в этой жизни, и в иной, сколько ни страдай, наихудшее зло - это гордыня.
10. Хоть мирянин, хоть монах, если не очищает сердце молитвой, находится в опасности.
Хоть мирянин, хоть монах, если не запасаает добродетели, находится в опасности.
Хоть мирянин, хоть монах, если не стремится к достижению Спасения, находится в опасности.

Тринадцатая глава. Наш пик

Чистое морозное утро слепящими лучами яркого солнца подняло на ноги всех. Отряхнув снег с палатки, выбрался вместе с другими на утренний чай. От моей ночной болезни не осталось никаких признаков. Проводник взобрался на возвышение, долго всматривался в снежные дали. Наконец, бодрым голосом крикнула оттуда:
- Сегодня выходим!
Завтрак прошёл оживлённо. На тропе и всюду вязкий, тяжёлый, мокрый снег, прилипающий к ногам. Первые шаги по рыхлому снегу очень трудны, но потом тело как будто разогрелась и набралась сил. Но все равно идти нелегко. Снежный покров незаметно начал оседать: солнце светило не по-осеннему. Приятно подставить лицо его тёплым бодрящим лучам! И из глубины небес, откуда-то из-за пределов земли, катятся навстречу синие волны тепла. Зато речушка в толще зеленоватых трещин ледника встретила нас оглушительным шумом. Долго искали переправу. Но, слава Богу, всё обошлось! Яки, нюхая стремительный поток, сами выбрали место для переправы. Снежная холмистая равнина, с фиолетовыми провалами между гигантских валунов, выглядит мертво и пугающе безжизненно. В белом молоке горных верховий больно глазам. Они тщетно ищут ухватиться хотя бы за одну какую-нибудь чёрную точку. Последние клубы утреннего тумана, словно огромный океанский прибой, наплывают навстречу. Когда облака тумана рассеялись, грандиозное, на полнеба, снежное зарево

вспыхнуло впереди. Оттуда лился белый широкий свет. Пришлось даже в очках зажмурить глаза - перед нами горела и сверкала высоченная пирамида нашего пика, слепя глаза и останавливая дыхание. Она была потрясающе великолепна! Глаза заволакивает слезой от яркого блеска огромных ледяных масс. Вершина возникла сразу и целиком, словно огромный снежный сугроб. Показалась на миг, ослепила глаза неземной красотой и снова закрылась очередным поворотом. Высказать свои чувства и ощущения просто невозможно... Осталось единственное чувство: не закрывайте, горы, красоту вершины!

Встретили альпинистов, спускающихся с неё. Они величественно прошли мимо нас, насмешливо на всех поглядывая. Но досады нет в наших сердцах: 6000 метров тоже кое-что значат! И мы идём вперёд. Полуденное солнце все ещё греет покрасневшее лицо.

Посматриваю на наших помощников. Прекрасно, когда в человеке воедино хороши и лицо, и душа. И все же душа важнее! Так думается, глядя на наших проводников и погонщиков яков. В горах трудно скрыть подлинный нрав, и все же эти деревенские парни, помогающие нам в походе, несмотря на внешние отличия, так непосредственно дружелюбны и заботливы, что с ними невозможно не подружиться!

Эти молодые ребята готовят себе только овсянку, лепёшки и чай. Лучшие продукты: масло, молоко, яйца - они берегут для нас. У них постоянно как бы Великий пост, а они даже не подозревают об этом: всегда крепки и бодры! Чувствую по себе, что я бы так уже не смог, и в этом нахожу для себя повод для смирения.

На перевале из набежавшей тучи, вместе с ветром, посыпался снег, попадая в кружки с чаем. Это вызывает весёлое оживление. Однако весь день мы в непрестанной тревоге - не сбился или проводник на леднике? Он все время меняет тропу. К тому же снежная пороша присыпала следы прошедших альпинистов. Погонщики постоянно советуется с проводником, глядя пристально вверх по ущелью. Их взгляды озабоченны. Наш гид великолепен: сбегал вверх, сбегал вбок, забрался на морену, исследовал все варианты и не потерял тропы. У всех вырывается вздох облегчения!

Поблизости от переправы через ручей нас встречает сильный грохот воды: сможем ли перейти бушующий поток? После множества тщетных попыток, путь найдён. Несколько гигантских прыжков и мы на другом берегу!

Вечерняя беседа затянулась допоздна. Каждому было интересно высказать свое мнение по поводу прошедшего дня, а также поговорить о прочитанном в книгах о молитвах и созерцаниях - о самом сокровенном и не до конца выясненном. Когда разговор о минувших походных происшествиях исчерпался, посыпались вопросы о молитве и Спасении:

- Батюшка, расскажите пожалуйста, каким становится сердце, обретшее Спасение?

- Оно все начинает жить в Любви и само становится Любовью, свободной от всякого греховного рабства. Христос - это вечная Любовь и Он есть Истина, которая делает нас свободными, как говорит Евангелие.

- Вы имеете в виду обычное человеческая сердце?

- Нет, нам необходимо постичь на опыте истинное духовное сердце, которое наполняется благодатью Духа Святого и преображается ею.

- Какие же признаки духовного сердца, объясните, если можно!

- Духовное сердце, живущее Духом Святым, чисто, поскольку не имеет греха. Оно недвижимо, потому что ему некуда двигаться. Соединя сегодня со

Христом, оно неиссякаемо в благодати, так как соединилась с Жизнью вечной. Оно неизменно, ибо обрело себя в неизменном Боге. Оно беспредельно вследствие того, что расширилась в беспредельном Божественном Бытии. Оно свято, потому что Отец свят с Единородным Сыном и Святым Духом.

- Нам представлялось до сих пор, что Спасение - это просто безгрешная жизнь на Небесах всякого православного человека, которого помиловал Господь.

- Вот, именно, помилование - это и есть прощение грехов и поселение прощённой и помилованной души в Райских обителях. Спасение же, во всей полноте, есть обожение или обоготворение души, то есть преобразование ее и уподобление Самому Богу.

- А в чем же выражается такое уподобление?

- Когда мы постигнем Христа, соединимся с Ним всецело, наследуем жизнь Пресвятой Троицы и утвердимся в Ней, восприняв Ее Божественные свойства, за исключением миротворения, - это и будет называться достижением священного уподобления.

- И всё это приходит к человеку с непрестанной молитвой?

- Непрестанная молитва приводит нас ко Христу, а Он по Своей милости соединяет душу с Отцом Небесным во Святом Духе. Непрестанная молитва тогда становится непосредственным Богосозерцанием преображенной и уподобившейся Богу души...

Вечером подвожу итоги прошедших дней и вижу - есть на что обратить внимание. Несмотря на выматывающую, полную различных искушений дорогу, требующую предельной внимательности и молитвенной собранности, недостаток питания, часто переходящий в длительное пощение, запредельные физические нагрузки - с каждым днём не только я, но и мои товарищи, словно все более и более крепили и оздоравливались душой и делом. Как будто в нас начали включаться какие-то скрытые резервы организма и пришли в действие некие скрытые запасы душевных сил, дотоле пребывавшие спящими и не востребованными.

Сказалась ли во всём этом пробуждение духа и тела Иисусова молитва? Или так действовала высота? Или же самоотверженность каждого, кто отважился на этот поход? Возможно, все вместе. Во мне словно вновь начала жить и пульсировать та молодая, полная жизненности сила, которая сопровождала мою молодость на Кавказе. Вспоминаю, как отец Кирилл упоминал о том, что в окопах на фронте не было больных, примерно так чувствовал себя и я на этом высокогорном маршруте. То же самое переживали и мои спутники. Все они, преодолев собственные минуты слабости, как будто, собрав все свои силы, восходили к сокровенной вершине мужественности и цельности духа. Этого нельзя было не заметить.

Невозможно не отдать должное моим друзьям: если я буквально вынужден был сделать эту отчаянную попытку восстановить дыхание в лёгких, чтобы ликвидировать последствия легочных воспалений в таких экстремальных условиях, то эти ребята последовали за мной добровольно и то, что перенёс каждый из них и что каждый из них победил в себе, вызывало во мне глубочайшее к ним уважение. Спаси их всех Господь!

Конечно, такие походы не могут быть рекомендацией для использования их в оздоровлении души и тела. Если бы не помощь Божия к каждому из решившихся на это восхождение, трудно было бы завершить этот маршрут благополучно, поскольку возраст участников похода, за малым исключением, достаточно зрелый. И тем не менее...

В палатке в безлунную ночь немного тревожно, особенно, если звезды закрыты

тучами. В отдалении периодически слышен глухой рокот сходящих лавин. Иногда выглядываю наружу: темень вокруг сплошная. В ней огоньки палаток кажутся единственным родным домом на всей земле. Лишь под нами потрескивает, засыпанный щебнем, гигантский ледник. Он все время в движении, ползёт вниз, в долину. Невысказанная грусть безлюдья как будто рождается в его недрах. Кажется, только на миг забылся сном, а уже светает...

Трехстишия

25

1. Земная слава - это обманчивое ликование, когда попадаешь прямо в глотку сатаны.

Необузданный ум - это камень, падающий на голову того, кто не остерегается проделок мышления.

Взрастить в себе чистое сердце, невзирая на препятствия - высшее делание, приводящие душу к просвещению благодатью.

2. Кто поймёт, что в удовольствиях - гибель, а в скорбях - польза, победил мир. Кто поймёт, что самая лучшая добродетель - непрестанная молитва, победил мир.

Кто поймет природу собственного сердца, преображенного Святым Духом, победил мир, подобно Христу.

3. Из всех возможностей самая редкая возможность - жить и молиться в уединении, цени её.

Из всех состояний самое редкое состояние - полнота Христовой благодати, цени её.

Из всех достижений самое редкое достижение - всецелое уподобление Христу, цени его.

4. Лучшее правило в молитве - внимание, усвой его.

Лучшая заповедь в Православии - Любовь, усвой её.

Лучшее приобретение в созерцании Святой Троицы, усвой его.

5. Довольство Божественной благодатью - высочайшее богатство, не обесценивай Его.

Видеть в сердце Христа - высочайшее зрение, не обесценивай его.

Переживание лучезарного нетварного света - высочайшее достояние, вводящее в вечность, не обесценивай его.

6. Если у тебя нет уверенности в Евангелии, ты не сможешь хорошо молиться.

Если у тебя нет уверенности в духовном отце, ты не сможешь хорошо исполнить послушания.

Если у тебя нет уверенности в необходимости духовной практики, ты не сможешь хорошо созерцать.

7. Сначала умерла моя мать, потом отец. Преодолев горечь разлуки, устремлюсь к соединению со Христом, Который никогда не оставит меня!

Не желаю смотреть в зеркало, где видны лишь седина и морщины. Устремлюсь к созерцанию чистого сердца, в котором отражается лик вечно юного Христа!

Память смертная - величайший учитель! Когда подумаешь, что ты умрешь, точно вспомнишь о Христе, бессмертном Спасителе наших душ!

8. Тот, кто уверовал во Христа, радостен Небесной радостью. Её никогда не понять неверующему!

Тот, кто свободен от дурных помыслов, радостен в Свободе от греха. Его никогда не понять рабу помышлений.

Тот, кто стяжал Божественную благодать, радостен, восприняв Жизнь вечную. Его никогда не понять мёртвому душой!

9. Ты обманут своим умом, полагая, что ум - твое «я». Не позволяй ему действовать от твоего имени!

Ты обманут своими чувствами, полагая, что они твое «я». Не следуй за ними, ибо они приведут тебя к разврату.

Ты обманут своими помышлениями, полагая, что мысли - твое «я». Не доверяй им свою единственную Жизнь.

10. Говорить пустые слова, словно брызгать вокруг слюной - только в безмолвии рождаются слова Истины.

Ум, полный мрака и пытающийся светить другим, словно труп на дороге - только в просвещении ума обретается свет Истины.

Всматриваешься в мир, а он отступает и исчезает, словно призрак в лесу - всмотришься в свое сердце, только там увидишь Христа.

26

1. Тебя мучают демоны, а ты говоришь: «Все будет хорошо!» Так ли это? Хорошо будет только со Христом!

Искушения окружили тебя, а ты твердишь: «Мы победим!» Так ли это? Победа возможна только со Христом!

Ты подбираешь те крохи, что падают тебе со стола богачей, и утешаешь себя: «Когда-нибудь удача придёт и ко мне!» Какая удача? Своровать побольше денег ты считаешь удачей? Так ли это? Лучше питайся крохами с трапезы Господа, раздающего богатства бессмертия даром!

2. Злые мысли - острые ножи, вонзённые в твое сердце! Сделай его броней из несокрушимой благодати.

Потеря близких - невыносимая боль, словно глотать лезвия бритвы! Испей живую воду благодати, исцеляющую все душевные раны.

Твой эгоизм пляшет перед тобой пляску смерти, а ты хлопаешь в ладоши: «Браво! Браво! Ещё! Ещё!» Только покоров проделки эгоизма, ты будешь счастлив, соединишься со Христом.

3. Твое сознание бессмертно, ибо сотворёно вечносущим Богом. Постигнув это, избавишься от угрозы смерти.

Богатства благодати не знает истощения. Если постигнешь это, наследуешь все достояние Православия.

Во Христе любая скорбь, словно наставление из уст Самого Господа. Если на опыте узнаешь это, проникнешь во все Христовы заповеди.

4. Девушки, лишь благодать украшает лица, а не кремы и уколы от морщин.

Юноши, лишь целомудренная жизнь дарует вечную юность, а не гири и штанги. Лишь чистота сердца приносит всем истинную Любовь и мудрость, а не пересадка мозгов и органов.

5. Счастлив больной, исцелившийся от болезни. А исцелившийся от болезни греха счастлив во сто крат больше!

Счастлив закончивший мирской обучение тем, что приобрёл пустые знания.

Приобретший Божественную мудрость счастлив во сто крат больше!

Счастлив увязнувший в похотливые страсти преходящей мирской «любви» тем, что обладает другими. А стяжавший неиссякаемую Христову Любовь счастлив во сто крат больше!

6. Гордость и монашество несовместимы, как колючка и палец.

Пустословие и Спасение несоединимы, как вода и огонь.

Высокомерие и священство несопоставимы, как яд и вино.

7. Фанатичность монахов - опасность для мирян.

Распутство мирян - опасность для монахов.

Тщеславие - опасность для тех и других.

8. Монах, бродящий по городу, похож на бегающую курицу без головы.

Монах, переносающий сплетни, похож на собаку, таскающую на себе репы.

Монах, нарушающий обеты, похож на ядовитый мёд, вызывающий тошноту.

9. Старец, не достигший Богопостижения, похож на стертую подошву, валяющуюся на пути.

Старец, тратящий все силы на разговоры, а не на молитву, похож на пустую бочку для воды, брошенную в пустыне.

Старец, прорицающий только о войнах и бедствиях и не учащий Спасению, похож на рупор, в который могут кричать все, кому ни вздумается.

10. Мирянин, не имеющий умеренности в чтении, словно акула, глотающая даже пустые консервные банки.

Монах, увлекающийся своим интеллектом, словно говорящая голова в телевизоре.

Подвижник, пристрастившийся к стяжательству, словно яма-ловушка, выкопанная на лесной тропе.

Глава четырнадцатая. Зори над вершиной

Горящим рдеющим мазком полыхнула заря. Ее первые лучи разбудили всех. Утреннее солнце бьет прямо в узкую щель палатки, высвечивая в воздухе золотую колонку медленно кружащихся пылинок. Просыпаться и молиться радостно! В отдалении доносится нетерпеливое позвякивание бубенчиков: погонщики погнали яков вниз, дальше пути им нет. Наш базовый лагерь остался на морене ледника. Вверх отправимся налегке, только с рюкзаками. Вершина пока скрыта за облаками. Колючий морозец царапает горло.

Медленно движемся вдоль ледяных причудливых скульптур - останцев вытаявшего льда. Бесконечные гряды моренных отложений уходят в необозримую даль. Необыкновенно грандиозные просторы вдохновляют душу. Всеми лёгкими дышу и радуюсь чистому воздуху высот.

Слава тебе, Боже, что удивительным образом в этот день совпали и хорошее общее самочувствие, и телесные окрепшие силы и завершение нашего нелёгкого маршрута. Ощущение такое, словно мы покорили третий полюс планеты! Наверное, то же самое чувствуют альпинисты, поднявшись на свой заветный пик. И слава Богу за прекрасную, словно летнюю, погоду!

Делаем привал. Отдыхаем на самом гребне ледника. Выше начинается предвершинная седловина. Очень круто по вертикали, к которой мы не готовы. Делать нечего, придётся отступить. Моё заявление произвело некоторый спор. Те, кто помоложе, загорелись желанием подняться на седло, угрожающей стеной и нависающими снежными уступами вздымающееся перед нами.

- Отцы и братья, мы не альпинисты и не такое это уже важное дело, чтобы рисковать на этих стенах жизнью! Здесь нужно всем смириться и признать, что мы совершили все, что могли!

Мои слова подлили масла в огонь.

- Батюшка, давайте ещё чуть-чуть поднимемся, хотя бы до 7000 метров! Ведь мы все чувствуем себя превосходно! - упрашивали некоторые. Меня смутило это предложение. Не зная, что сказать, я замолчал. Проводник поддержал моё

заявление, придав ему иную окраску:

- Патер, ваши друзья так говорят потому, что хотят порадовать вас!

- Чем же? - удивился я.

- Вы же видите, что они готовы пойти с вами куда угодно! Но я прошу вас всех возвращаться в лагерь, чтобы успеть, пока темнота не захватила нас! - закончил наш провожатый. На лицах моих спутников появились улыбки и недоразумение было улажено.

- Посидим ещё часок, помолимся и двинемся обратно!

Моё предложение было принято единодушно.

Помолясь, я прильнул к биноклю. Теперь ничто не мешало взгляду. Снежные флаги реяли над незабываемым острием стратосферного пика. Если бы так всегда ум был сосредоточен на Боге! Безмолвие охватило всех нас. Вершина находилась не так далеко и высоко и словно глядела в нашу сторону тёмно-синими глазами небес.

Скальные блоки высоко вверху перемежались светло-коричневыми слоями песчаника. Вершинный пик, покрытый ледяными застругами, казался нежно-голубого цвета, что придавало ему космический вид. Солнечные зори словно не сходили с него никогда. Неожиданно он покрылся куполообразным облаком, взявшимся неизвестно откуда. Да, это гора неопишимо и чарующе величественна!

Хорошо видно, что подъем на пик проходит по левому гребню и отсюда не настолько недоступен, как выглядит, при наличии снаряжения. Соседние вершины тоже смотрятся впечатляюще, но сам пик затмевал всё остальное. Полный спокойной уверенности в своем неоспоримом превосходстве, он выглядел пришельцем из другого мира. Разве можно вообще сравнить эту вознесшуюся в фиолетовые небеса ледяную пирамиду с чем-либо на свете? Я чувствовал себя тем человеком, который словно сумел заглянуть в иной мир. Этот мир был так прекрасен и утонченно красив, что оттуда долго не хотелось уходить, словно предстояло покинуть небесные чертоги. Зрелище, достойное, чтобы его увидеть хотя бы раз в жизни.

- А какой высоты этот бугорок? - спросил кто-то за спиной.

- С вашим снаряжением туда не подняться... - ответил проводник. - Но дома можете сказать, что побывали на её склонах почти рядом с вершиной! - пошутил он. Мне захотелось внести уточнение:

- И все же до самой вершины отсюда, как до луны!

Словоохотливый собеседник поправил меня:

- Те, кто дошел до этого места, уже покорили самих себя...

Обернувшись, я сказал нашему гиду, улыбаясь, что все равно наша гора Афон в Греции значительно выше.

- И как это может быть? - не понял он.

- Потому что наша вершина - духовная!

- О, вы ничего не упускайте, патер! - засмеялся тот в ответ.

Гора укрылась пухом лёгких облачков, налетевших с запада, и тут же превратившихся в алый стратосферный купол. Почти затемно мы возвращались к палаткам. Проводник, широко шагая впереди, то и дело оборачивался, поторапливая нас.

- Скорее, скорее, а то потеряем тропу!

Небо безмятежно, а мысли у всех тревожны: успеем ли вернуться до темноты? По обеим сторонам снежной тропы чернеют глубокие расщелины ледника, куда винтом уходит клокочущая в них вода. Наши фигуры на миг залило зарево уходящего солнечного заката. Холодное небо всё ещё пыталось согреться

низким быстро уходящим солнцем. Все торопятся, оступаясь на скользком морозном насте. Вроде успеваем...

Вечер прошёл торжественно: гид с помощником поздравили нашу группу с завершением маршрута слоеным тортом, изготовленным ими из лепёшек со сгущенным молоком. В начале разговоры шли о нашей вершине, затем последовали вопросы, которые ещё хотели задать мои спутники:

- Отче, о созерцании очень мало написано в книгах, тем не менее, вы завершаете всегда беседы о молитве наставлениями о созерцании, почему?

- На этот вопрос можно привести многочисленные примеры из творений святых Отцов: священномученика Дионисия Ареопагита, преподобных Максима Исповедника, Исаака Сирина, Иоанна Лествичника, Симеона Нового Богослова и ряда текстов из Добротолюбия, где нам особенно близок преподобный Каллист Ангеликуд с целой плеядой отцов-Исихастов во главе со святителем Григорием Паламой. Однако, вы все это всегда сможете найти в нашей библиотеке.

- А что вы сами могли бы сказать о созерцании?

- Мне говорить о собственном весьма небольшом опыте не представляется правильным, но могу сказать, что слышал об этом от современных подвижников. Созерцание - это состояние прямого Богообщения чистого ума, пребывающего без всяких помышлений о земном или небесном. Созерцать значит позволить своему уму быть восхищенным в состоянии Боговидения Святым Духом. Созерцать значит не придавать своим переживаниям никакого значения и дать уму совершенно покоиться в свете Христовой Любви. Вот, что такое созерцание.

- Батюшка, простите, для нас это слишком абстрактные слова. Скажите нам о созерцании более конкретно, пожалуйста!

- Хорошо. Не иметь никаких страстей в сердце, живущем в мирной благодати Святого Духа - это созерцание. Не иметь в уме никаких мыслей, кроме благодатно движущейся молитвы, - это созерцание. Не иметь никаких привязанностей в душе, кроме чистой и совершенной Любви к Пресвятой Троице - это созерцание. Если говорить кратко, то созерцание - это духовная вершина молитвы!

- Такое созерцание приходит к подвижнику один раз или продолжается непрерывно?

- Восхищение ума в высочайшее Боговидение не происходит по воле человека и является всецело милостью Божией, поскольку тленный человек не в силах понести длительное Богооткровение. В остальное время ум подвижника пребывает в неотвлекаемом созерцании живого присутствия в душе Бога, не отвлекаясь ни на что иное никакой страстью, привязанностью или помыслом. В таком состоянии, где бы мы ни находились и куда бы ни поехали, Христос всюду один и Тот же! Это и есть Исихазм или умное безмолвие, слава Богу за всё!

Резко похолодало. Тихая поземка подкрадывалась к пологу палатки и, словно мышь, тонко шуршала в изголовье. Звезды, точно мерцающие шары, усыпали небосвод, как будто ангелы улыбались нам с высоты. Значит, утро должно быть солнечным, впрочем, как Бог даст.

Трехстишия

1. Ухватившие вершки Православия и оставившие корешки, подобны несмышленным детям, забравшимся в огород.
Отшельник, сидящий в пещере и с тоской выглядывающий из неё - нет ли паломников? - подобен удаву, прячущемуся в камнях. Мирянин, одержимый жаждой богатства, подобен ненасытному обжоре, одержимому гортанобесием.
2. Скандальная женщина в церкви, как забежавшая в храм собака.
Мужчина, одержимый властью, как одноглазый циклоп на горе.
Люди, превозносящие земную жизнь и верящие в самих себя, словно чучела, вкопанные в землю.
3. Монах, возмутитель спокойствия в монастыре, словно дикообраз, оцетинившийся ядовитыми иглами.
Мирянин, постоянно ожидающий «завтра», чтобы начать духовную жизнь, словно никому не нужный прошлогодний календарь.
Раздающий всем наставления и не практикующий их, словно бутафорский хлеб на витрине.
4. Когда благословляет старец - это утешение, а когда он обучает Спасению - радость!
Когда понимаешь слова Евангелия - это утешение, а когда их исполняешь - радость!
Размышлять над книгами святых Отцов - это утешение, а идти по их стопам - радость!
5. « Славны бубны за горами, а поближе - как лукошко!» Худо, когда слава старца превосходит его достижения.
От малого камешка на одном берегу - маленькие волны, а на другом берегу - наводнение. Ценность старца не в том, что он говорит, а что делает.
Молодой старец и пожилой послушник - словно огромный молот и старенькая наковальня.
6. Хитрый послушник - плутишка, а когда созреет, становится большим плутом.
Монах, держащийся церемонно и величаво, смешон, как кукла в театре для детей.
Если мирянин затевает спор, лучше встать и уйти, чему увидеть его таким, каков он на самом деле.
7. Тот, кто упрекает других, ещё не родился. Тот, кто упрекает самого себя, постиг Православие. Тот, кто не упрекает никого, уподобился Христу.
На земле мы живем один миг, а в Боге - вечность, ибо у Отца - Царство, у Сына - сила, у Духа Святого - слава.
Борящийся с людьми - Богоборец, приносящий людям мир - миротворец.
8. Нечего искать ни на западе, ни на востоке, когда постигнешь, что сердце человеческое - самое удивительное место для Спасения.
Нечего искать ни на севере, ни на юге, когда постигнешь, что безстрашное сердце, не имеющее забот и познавшее Христа - самое удивительное место для молитвы.
Нечего искать не на земле, ни на небе, когда постигнешь, что бесхитростное и чистое сердце человеческое, где обитает Владыка-Христос - самое удивительное место для соединения с Ним.
9. Свет Истины не рождается на земле, но исходит свыше, от Отца светов.
Благословенна душа, воспринявшая его!
Опыта Истины не рождается сам по себе, но всегда сопряжен с трудами и потами, привлекающими милость Божию. Благословенна душа, привлекающая ее!
Любовь-Истина служит другим, не ожидая ничего взамен, ибо в ней все цело сияет Христос. Поэтому благословенна душа, воссиявшая светом Христовым!

10. Свеча зажигает свечу - это суть Православной традиции.
Свет рождает свет - это суть непрестанной молитвы.
Любовь созидает любовь - это суть священного созерцания.

28

1. Не приступай к молитвенной жизни, не спросив прежде самого себя: «Хватит ли у меня веры?»

Не приступай к отречению от мира, не спросив прежде самого себя: «Хватит ли у меня решимости?»

Не приступай к созерцанию, не спросив прежде самого себя: «Хватит ли у меня понимания следовать словам старца?»

2. Если твоя вера крепка, крепко ли твое тело для уединения?

Если твоя решимость велика, стоек ли твой ум, чтобы пребывать в отречении от мира?

Если твое понимание глубоко, хватит ли у тебя терпения провести всю жизнь в покаянии?

3. Уединение хорошо, но безлюдное уединение - редкая привилегия.

Отречение от мира хорошо, но жизнь в нестяжании - редкая привилегия.

Аскетическая практика в пещере хороша, но практика борьбы с помыслами - редкая привилегия.

4. Не думай, что отвергнуть заботы так же просто, как отбрасывают сломанную лопату.

Не думай, что избавиться от грехов так же просто, как избавиться от занозы в пятке.

Не думай, что победить отвлекающие мысли так же просто, как выдернуть волосок на голове.

5. Злословящий других - завистлив, осуждающий других - тщеславен.

Не соединившийся со Христом, но похваляющийся своими духовными утешениями - игрушка демонов.

Не обретшие бессловесную благодать зря теряют слова в своих проповедях.

6. Делать все по благодати не значит делать, что хочется.

Слушать наставления старца не значит потом поступать по-своему.

Стремиться иметь видения и откровения не значит стремиться к Спасению.

7. Духовные наставления - не плетение выдумок, для которых есть повести и романы.

Передача Истины от старца к ученику - реальные вещи, а не чудесное представление, для которого есть цирк.

В Богопостижении нет никакой фальши, для которой есть рынок.

8. Для многочисленных страстей, увлекающих к миру, есть молитва, как для осьминога - приманка.

Для отгнания болезней, препятствующих духовной жизни, есть благодарение Богу, как для отгнания пчёл - дым.

Для избавления от искушений, мешающих росту благодати, есть смирение, как для демонов - Святая вода.

9. Сновидения - это ум, кружащийся, словно юла. Не держись за них.

Враги - это всего лишь помыслы, которых пугает слово «смирение».

Христос и ты, читающий эти наставления, неразделимы, но чтобы постичь это, необходимо искать руководство у Богопросвещенного старца.

10. Побег из тюрьмы - самое желанное для осужденного на длительный срок, а

побег из мира - самое желанное для стремящегося стать монахом.
Обрести здоровье - самое желанное для больного, а освободиться от всех привязанностей - самое желанное для монаха.
Начать видеть - самое желанное для слепого, а избавиться от слепоты неведения - самое желанное для подвижника.

Отправлено с iPhone

Начало переадресованного сообщения:

От: Алексей Мхайлюк <alex19980505@gmail.com>

Дата: 5 июня 2018 г. в 23:12:51 GMT+3

Кому: "О.Тихон" <pateros53@gmail.com>

Тема: Пятнадцатая глава. Спуск

Пятнадцатая глава. Спуск

Занялся хмурый рассвет. Чей-то кашель заставил всех пораньше выглянуть из палаток: к нам поднялись наши помощники вместе с яками. Мы готовимся к святому Причащению. Все молятся по палаткам. К полудню густые туманы должны рассеяться. Так и есть: после Причащения Запасными дарами вдруг, в разрывах тумана, проглянуло солнышко. Слава тебе, Боже! Душа радуется даже этому мгновенному проблеску.

Упаковав груз, быстро идём вниз. Небо ещё в облаках и роняет редкие снежинки. До чего хорошо в горах чувствовать себя молодым! Когда в горном походе кто-то раздражен и недоволен, от этого очень тоскливо. Зачем вообще с таким нравом пристраиваться к путешествию? У нас, слава Богу, таких не оказалось, иначе не обошлось бы без искушений. Досадно лишь, когда слышишь различные кривотолки. Широка земля, а деться от них некуда. Нам ничего таить от людей, что мне легко дышится только в горах, в которых довелось прожить с юности, и я не слишком огорчаюсь. Пусть говорят, кому угодно и что им вздумается. Любые сплетни всегда далеки от истины, пытаюсь выдать ложь за правду.

Снова движемся сквозь летящий навстречу снег, запорошивший плечи и голову. Но теперь он уже не страшен, просто безупречно красив! Ставим временный тент, чтобы согреться горячим чаем. Снег шуршит поверх укрытия, словно просится внутрь. С низовий ущелья дует сильный ветер перемешку с осыпающими нас крупными снежными хлопьями. Как будто мы попали в март, а не в конец сентября. Ветви поникших елей словно оцепенели от холода. Непрозрачная снежная мгла долго колыбалась за плечами.

Вместо снега в низовьях долины сыплет мелкий дождь. Небо тёмное и сумрачное, словно ему тяжело расставаться с нами. Тем не менее, на душе светло и благодатно, как будто небеса осыпают нас не дождем, а благодатью. В луговых желтеющих травах одинокий клёкот куропатки, словно прощание с горами. Или он почудился мне? Всюду золотые лики осени...

Влажная куртка липнет к стене. В широкой долине уже не так холодно, как наверху. Радостная щетина ещё не пожелтевшей зелёной травы встретила нас

на очередном повороте. Впереди первое горное селение с дымками из труб. Сердце сочувствует сельским людям, при виде их бедных жилищ. Горьковатый дым очагов трогает душу воспоминаниями юности.

Спустились на 4000 метров, самочувствие просто великолепное! С некоторым удивлением смотрим на приехавших туристов, которые задыхаются, попав на эту высоту. У нас же все наоборот: как будто высоты уже нет, а тело ещё полно сил, которые необходимы были на большой высоте. У моих товарищей лица так и пышут здоровьем! Радуюсь, глядя на них.

По себе чувствую, что дыхание выровнялось и исчезла всякая одышка, которая сильно изводила меня на морском побережье, забирая последние силы. Шаг снова стал пружинящим и упругим. Ничего не скажешь, насколько приятно возвращение молодости! Дух внутри словно раскрылся и окреп.

В Гестхаусе встречаем Олега, который уже заждался нас. Тепло обнимаемся. Он недоумевающе разглядывает меня:

- Батюшка, вы хорошо выглядите! Как прошел поход?

- Слава Богу, все живы и здоровы, хотя натерпелись всякого... - отвечаю с улыбкой я и спрашиваю в свою очередь:

- А как твоё здоровье? Чем ты занимался?

Мы присели в столовой гостиницы, заказав чаю. Олег начал рассказывать о себе:

- Придавило меня тогда сильно, батюшка! Честно говоря, даже испугался, такого со мной никогда не было... Думал, что не дойду до гостиницы. Но чем ниже мы спускались, тем быстрее проходили симптомы этой ужасной горной болезни! В гестхаусе сразу лёг спать, а утром проснулся уже совсем здоровым.

- А что потом делал, Олег?

- Составил себе распорядок на эти дни: утром молился, после завтрака с четками знакомился с окрестностями. Потом осмелел настолько, что даже поднялся на небольшую горку. Она вся заросла огромными деревьями рододендрона, очень красиво. Так и жил все эти дни, то молился, то читал преподобного Силуана, то совершал небольшие походы. Заодно очень неплохо отдохнул...

- Это хорошо, что ты не зря провёл все эти дни!

Мой друг задумался, опустив голову, потом решительно сказал, глядя мне в глаза:

- Простите, отче, ещё я ходил к одному отшельнику...

- Какому отшельнику? - не понял я.

- Мне тут в гостинице рассказали, что в лесу на озере, километров пять отсюда, живёт отшельник, говорит по-английски. Вот я и задумал пойти к нему поговорить о жизни...

- И каковы впечатления?

- Подниматься к нему было крутовато, весь даже вспотел, когда добрался до того озера. Там были ещё какие-то люди. Отшельник как раз сидел перед своей хижинкой на помосте: то ли молился, то ли медитировал, не знаю. Весь заросший волосами, борода по самые глаза. Но, думаю, попал: может, он, вообще, бесконтактный? Потом разговорились. Оказалось, он - врач, из местных. Учился в Лондоне. Потом отрёкся от всего и стал отшельником...

- О чем же ты его спрашивал? - заинтересовался я.

- Хотел порасспросить о своей будущей жизни, простите... - Олег снова задумчиво опустил голову.

- Ну и что же он тебе сказал ?

- Ничего они не знают , батюшка . Зря ходил . Так , одни пустые разговоры . О

своих божествах мне толковал...

Мы помолчали. Олег глубоко вздохнул и высказал свое наболевшее , с тоской глядя на белые тучи , громоздившиеся над дальними хребтами:

- Зря я с вами не пошёл , отче. Упустил, можно сказать , свою вершину. Такое ведь раз в жизни бывает. У меня даже в мыслях произошёл поворот...

В последнем гесхаусе нас ожидал джип. Водитель уважительно поздравил всех с окончанием похода. Рассаживаемся с шутками по сиденьям. Побежали, закружились по сторонам нам дороги знакомые волнующие дали. Совсем недавно такие близкие горы стали отдаляться, уходя в голубую прозрачную дымку.

Смутное и пустынное небо ещё хранит в себе холод высот. Мягкий вечер уже дышит теплом и синью заката. Нас догоняет прощальный крик сороки откуда-то с того места, где только что сияла вечерняя луна. Одинокая верба засмотрелась на мгlistый закат, прощаясь с нами тихим шорохом ветвей. Вдали на миг сверкнула речка красноватым отблеском уходящего дня...

Трехстишия

29

1. Как в сети ловят певчую птицу, поймай в сети дисциплины и обуздания свой ум, поющий одну и ту же песню наслаждения лживым миром.

Как злобного волка охотники окружают со всех сторон, так злобную мысль эгоизма окружи постом и молитвой, чтобы она не разорвала тебя.

Как желают победить внешних врагов, так ты победил в себе ненависть и стяжи сострадание и доброту ко всем людям с помощью Христа.

2. Сухая лепёшка и вода из ручья - пища уединения, подслащённая мёдом благодати.

Медведь, разбойник и пустынный - три друга, живущие в лесу, но только к пустыннику приходит благодать молитвы.

Нетварный свет, неистощимая радость и молодость души - три товарища, встречающиеся в пещере отшельника.

3. Страна Свободы - Царство Небесное в благодатном уме молитвенника.

Страна счастья Царство Христово в умиротворенном сердце подвижника.

Страна блаженства - Царство Божие в обложенном сознании Святого.

4. Для молитвенника каждое лето горные луга становятся зелёным иконостасом.

Для подвижника каждую осень келья в лесу становится златоглавым храмом.

Для отшельника во время зимнего затвора пещера становится престолом Божиим, а весной - объятиями Возлюбленного Христа.

5. Истинный признак постника - малое количество пищи.

Истинный признак молитвенника - малое количество желаний.

Истинный признак созерцателя - малое количество помышлений.

6. Особенность мирской жизни - постоянные жалобы.

Особенность монастырской жизни - постоянная клевета.

Особенность уединённой жизни - постоянное самомнение.

7. Куда своё тело ни уколи - больно, кому из людей ни причинишь боль - больно самому.

Скольких ревнителей Спасения родственники стащили с духовной лестницы, а это всё ещё не всякому понятно.

Если не поставишь перед собой духовную цель - стяжание благодати, не

помогут даже самые лучшие наставления.

8. Иди к Спасению шаг за шагом - с шестом не запрыгнешь в Царство Небесное.

В стяжании молитвы будьте решителен, не путайся под ногами отважных и смелых.

В духовной жизни цени постоянство и равномерность, не будет подвержен сначала взлётам, а потом падениям.

9. Когда притаскиваешь вещь за вещь в уединение (авось, пригодится!), скоро окажешься на свалке.

Хуже нет, чем связаться с деньгами! Сначала головная боль - где их добыть? Затем сердцебиение - как их сохранить? И, наконец, приступ жадности - как их ещё увеличить?

Мирянин завидует монаху, не имеющему попечений, а монах завидует мирянину, не имеющему обетов.

10. «Задушевные» беседы за вином - напиток позора, где пропивается благодать.

«Сердечная» дружба в монастыре - огонь под пеплом, уничтожающий Спасение.

Хуже нет, чем добиваться славы и известности! Сначала беспокойство - как её заполучить? Затем тревога - как её удержать? И, наконец, зависть - как бы её не перехватили другие?

30

1. Нет ничего тяжелее, чем привязаться к земной «родине», а не к Небесной. Сначала вопрос - как можно её оставить? Затем - как о ней не тосковать? И, наконец, что делать с «родиной», когда приходит разлучение даже с собственным телом?

Никогда не начальствуй, ибо смирение будет далеко от тебя, как Полярная звезда.

Никогда ни с кем не воюй, ибо без кротости ты вряд ли наследуешь землю.

2. Оставил желания - и мир, наконец-то, повернулся ко мне лицом.

Оставил страсти - и Любовь сама поселилась в сердце.

Оставил помыслы - и лик Христов воссиял в душе.

3. Радостно встретить великий свет в собственной душе.

Восхитительно обрести ясный ум, лишенный помыслов.

Блаженно стяжать, хотя бы в малой мере, мидость Святого Духа.

4. Отец небесный рад, когда душа возвращается к нему из дальних странствий.

Сын Божий рад поддержать упавшего и вновь поднимающегося в духовной жизни.

Святой Дух рад даровать Богопостижение сердцу, истомленному борьбой со страстями.

5. Кого обворовали? Кто имел избытки и не делился ими.

Кого окружили враги? Кто таил ненависть в душе.

Кого пожрало зло? Скопившегося деньги.

6. Обуздай ум и посмотри вокруг: нет ни одного врага.

Укроти сердце и взгляни на людей: нет ни в ком неприязни.

Смири душу и оглянись: нет людей, только ангелы.

7. Осел, даже когда его подгоняют, строптив, словно одержимый упрямством послушник.

Паук никогда не прекращает плести сеть, словно хитромудрый монах-интриган.

Гусеница никогда не останавливается ползти вверх, словно честолюбивый церковный карьерист.

8. Святой никогда не бросит уединения, какая орёл - горное гнездо.

Истинный монах никогда не оставит молитву, как пчела - носить нектар в улей. Настоящий подвижник никогда не озаботится мирскими вещами, как рыба, не выходящая на сушу.

9. Преодолевший соблазны мира исполнением заповедей свободен, как путник на горной тропе.

Преодолевший искушения страстей безстрастен, как вершина горы в поднебесье.

Преодолевшей бури помыслов безмятежен, как летний небосвод.

10. Пост избавляет от всего, что причиняет болезни телу.

Молитва избавляет от всего, что не дает уму быть спокойным.

Благодать избавляет от всего, что мешает увидеть в сердце Христа.

Шестнадцатая глава. Отлёт

Скоро предстоит расчёт с проводниками и погонщиками. Нежелательны споры с теми, кто хитроват: назначат цену, потом передумают, завысят её и смотрят, посмеиваясь: «Ну, и что ты теперь сделаешь?» Но с нашими помощниками все нормально. Остались в памяти хорошие честные парни, не легко заработавшие свои трудовые деньги. Получив подарки от нас, долго трясут нам руки и фотографируются вместе с нами на память. Прощайте, добрые горы и добрые люди в горах!

Вечером перед отлётом обсуждаем минувшей поход. Сильно потеплело и дождь полил так, словно рухнули небеса, вместе с молниями и громами.

Страшно представить, что теперь творится в горах! Вовремя же мы ушли оттуда. Не хочется, чтобы вылет нашего рейса отложили из-за непогоды.

Трудно не пожалеть тех, кто с унылым видом бредёт снова ночевать в гостинице из-за сбоя в расписании.

Рассматриваю фотографии и разочаровываюсь: они никогда не передадут того впечатления, которое охватывает, и душу, и сердце в горах. На них вершины гораздо ниже и менее грандиозны, чем на самом деле.

Тем не менее, эта величественная вершина пока все ещё остается далёким, недоступным местом, не тронутым человеком. Сверкающее великолепие горных хребтов как будто отпечатались в душе сильнее, чем на фотографиях. Возможно, так оно и есть.

Конечно, легковерие всегда обременяет нас последующим разочарованием, но и «здравый смысл», которому поклоняется большинство людей, не даст сделать и шаг к цели, которая кажется недостижимой. И дело вовсе не в том, чтобы со «здравым смыслом», взвесив все за и против, прожить как можно дольше. Даже если нам кто-то представит какого-либо долгожителя, измученного своими годами и с изувеченной страстями душой, он не вызовет особой симпатии. Сердце всегда располагает к тем людям, которые прожили свою жизнь интересно, разве не так? Перебирая все варианты, неизбежно приходишь к христианству и христианским подвижникам: только в их жизни нет ничего такого, что может смутить душу и в чем рискует усомниться сердце. Только во Христе оно успокаивается окончательно, ибо в Нем заканчиваются

всякие поиски.

Нелегко преодолеть ещё один странный феномен: многие чего-то достигают, встречают Старцев, видят чудеса и с ними происходят невероятные и чудесные события. А когда приходишь ты, то попадаешь словно на пустое поле: игра закончена и зрители давно разошлись. Разгадка очень проста: если смиренно принять это пустое поле за исходную точку своего духовного роста и верить себя всецело Богу, отринув всяческое малодушие, то ещё не сделаешь и шага, как войдёшь в удивительную жизнь, может быть, даже удивительнее прочих. Полагаю, что те из нас, кто сделал это, согласятся со мною.

Не следует лишь путать мечты с действительностью. Утопия ещё ни разу за всю историю человечества не стала плотью и кровью в реальной жизни, хотя крови пролилось немало ради бесчисленных фантазий утопистов-мечтателей. Если на одну чашу положить самое лучшее, что есть в мире - молодость и земную любовь, то они будут просто прахом, когда на другой чаше окажется Божественная благодать. Лишь незнание и непонимание того, что она существует и что она значит для человека, приводят всякий раз к непоправимой трагедии.

Самое страшное для «здорового смысла», если все то, что он втайне считает нелепицей - молитва, благодать, Спасение - вдруг окажется настоящей правдой. Поэтому рационализм зачастую существует в форме лицемерия, поскольку боится, что правда будет против него. Эти два мира всегда несовместимы. Одному миру нужны прямые доказательства существования Бога, духовного восхождение и стяжания благодати. Другому миру нужны просто откровения. И единственным ответом может быть только молчание, ибо молчание это есть голос Бога, говорящий с каждой душой, и откровения Истины Его - неоспоримы.

Раннее утро в городе. Оно забрезжило смутно, словно спросонок, и вдруг открыло чистые и ясные глаза. Небо приветствует нас солнечной улыбкой. В окне месяц, такой бледный, словно из папиросной бумаги. Чистая прохлада льётся в окно. Носильщики проворно бегают по коридорам вверх и вниз. Запах ароматного чая плывет по этажам.

- Времени до отлёта мало, поспешите! - торопит нас проводник. Мы останавливаем его и я торжественно вручаю ему наши подарки и вознаграждение. Он, смущаясь, передаёт мне свернутый в трубку небольшой холст. Разворачиваю: на нем угадываю черты моего лица, написанные с большой долей схожести гуашью. По видимому, гид - ещё и деревенский художник.

- Нарисовал сегодня ночью с вашего паспорта для вас на память!

После тёплых слов благодарности, не удержавшись, говорю гиду:

- Спасибо тебе за все, светлая голова!

Он отшучивается:

- Голова у меня светлая, но пустая, как тыква! Но будет всегда помнить вас всех...- в его голосе прозвучали нотки грусти. Улыбаясь, обнимаемся на прощание. По лестницам разносится гулкий звук наших торопливых шагов. В аэропорту пассажиры напирают сзади, некоторые даже лезут вперёд. Наш провожатый уговаривает спешащих:

- Пойдите, это же русские! Нельзя вести себя так невежливо! - словно мы особые персоны. Такое участие трогает невольно. Кое-кто смущается, другие пассажиры не слушают и протискиваются вперёд, норовя поскорее зарегистрировать билеты. Непогода всех напугала.

На полу сидит множество неприятных туристов-иностранцев с неподъемными

рюкзаками. Шагать посреди них не особенно приятное чувство. Когда поднимался по трапу, оглянулся на горы. Сильный ветер выжимает из глаз слёзы, сгоняя их по вискам. Прижавшись лбом к стеклу иллюминатора, прощаюсь с чудесным краем. Зеленоватый луч заката - словно прощальный привет горных высот.

Понимаю, что всё это слишком красиво и слишком далеко от любимой кельи, и, к сожалению, чуждо моему сердцу. Что ж, теперь буду искать горы попроще, в которых, верю, найдется место для молитвенного уединения. Афонские колючие дебри тоже ждут моего возвращения. Спасибо, Господи, за две недели счастья, за этот поход в годы молодости, за солнечные зори над горными вершинами!

Трехстишия

31

1. Безсмертно сознание, преображенное Святым Духом. Исполненно светом сердце, очищенное непрестанной молитвой. Безгранична и беспредельна душа, постигшая беспредельное пространство Пресвятой Троицы.
2. Отдавший тело ради жизни ближнего - блажен. Отдавший ум ради стяжения благодати - дважды блажен. Отдавший душу ради спасения всех людей - трижды блажен и трижды освящён.
3. Сообразительным в меру достаются честь и хвала, а мудрым в заповедях Божиих остаются поношения и клевета. Наполненных пустыми знаниями в миру - почитание и уважение, а исполненным благодати - зависть и поношение. Злохитрым и изворотливым в миру - лесть и поклонение, а простым и смиренным - насмешки и оскорбления.
4. Важно ли вместить в ум все знания мира? Важно смирить свой ум, ибо Бог, знающий все, смирен.
Важно ли сердцу испытать все наслаждения мира? Важно сделать его чистым, ибо Бог, исполненный блаженства, чист.
Важно ли позволить душе грешить безудержно? Важно сделать её Святой, ибо безгрешный Бог свят.
5. Сонливость рассеянность - словно два рога бешеного быка, которыми они удерживают твой ум. Отгони этого быка бичом бдительности.
Помыслы изворотливы и надоедливы, как навозные мухи. Очистив от грязи свой ум молитвой, и они отстанут от тебя.
Невежество гордыни глубоко таится в тебе, словно змея в болоте. Постигни святую Истину, чтобы в её свете иссохло болото невежество и убежал змей гордыни.
6. Когда Спасение близко, всё видишь как Божественный Промысл.
Когда Спасение близко, исчезает слепота ума и отчетливо зришь в сердце святой Лик Божий.
Когда Спасение близко, прекращаются козни ума и ясно сияет свет Любви Отца и Сына и Святого Духа.
7. Когда Спасение близко, а ум ясен и сердце умиротворено, безбрежность и бесконечность Святой Троицы предстает умному взору.
Когда Спасение близко, искушения преображаются в помощников и путеводителей ко Христу.
Когда Спасение близко, не существует больше ни помех, ни преград для преображенного благодатью сердца человеческого.

8. Когда Спасение близко, колеблющийся ума, порождающий помыслы, утверждается в сердце и нетварный свет, словно солнце, просвещает душу. Когда Спасение близко, твое сознание, которое трудно постичь и ухватить, становится все светоносным и ясно зарится обнаженным от страстей сердцем. Когда Спасение близко, смирившийся ум становится подобен прозрачному кристаллу, не скрывающему неистощимый свет Истины.
9. Обретя Божественную милость, ты преобразил свое сердце благодатью. Ты столь усерден в молитве, что тебя не отвлекает ни один помысл. Ты стал подобен Небесным ангелам с телом человека, но с сердцем, носящим в себе Христа.
10. Победив грех, ты пребываешь в уединении, безмолвный и умиротворенный. Победив страсти, ты исполнился Хриstopодобной Любви ко всем людям. Полный сострадания ко всем страждущим и обремененным, твои молитвы укрепляют души и направляют сердца ко Христу.

32

1. Смиряющийся пред каждым человеком, ты всех видишь высшими себя. Без гнева и раздражения, ты развеял гордость своего «я», как сор. Созерцающий сокровенную Истину, ты безкорыстно делишься ею со всеми.
2. Сколько бы ни было духовных практик, самая необходимая - пожизненное покаяние. Искреннее покаяние очищает ум и сердце от тупости и непонимания, делая их восприимчивыми к принятию истин Евангелия. Действительное покаяние пробуждает совесть и стыдливость, укрепляет намерение воздерживаться даже от мельчайшего греха.
3. Желаящий вразумления грешникам и Спасения добродетельным подражает милосердному Христу. Желаящие всем прийти в меру Христову, словно держит руку Самого Господа, являя людям пример Спасения. Желаящий всем освободиться от демонического пленения, становится защитником и хранителем всех людей от скопищ нечистых сил, забирающих их жизни.
4. Краеугольный камень Спасения - Христос, другой камень - отречение от мира, следующий камень - освобождение от страстей, последующий камень - избавление от эгоистических мыслей. Как строится храм Царства Божия в душе человека. Тот, кто осознал, что мир - это суета сует, познал Ветхий Завет. Тот, кто отверг этот преходящий и обманчивый мир ради стяжения Царства Небесного, постиг Новый Завет. Оставь мирские устремления, преобрази их в устремление к Спасению, войди в Царство Божие Отца, Сына и Святого Духа.
5. Истина никогда не может быть относительной, настоящая Истина всегда абсолютна. Нет иной истины, кроме истины, что Христос и есть Истина. В абсолютной Истине только Христос - Истина, безымянная, неназываемая, неопишная.
6. Не-истина есть множественность, действительная Истина всегда - Единое. В не-истине есть отдельное, сама Истина - только Целое. Истину постигли все Святые, для которых все люди - Христом.
7. Сердца Святых преисполнены Любви ко всем живущим и ко всем

отошедшим в мир иной.

Умы Святых всегда преисполнены глубокого мира и сострадания.

Души Святых приняли в себя все добродетели и обоготворились Истиной.

8. Лжеучители - всегда лишь ораторы, но не практики.

Лженаставники обольщают души своим умом, но не просвещают благодатью.

Лжемудрецы - хитрые лисы, торгующие цитатами из духовных книг.

9. Истинный духовный отец не имеет гордости, даже если его унижить.

Истинный духовный отец не имеет помыслов, даже если его соблазнять ими.

Истинный духовный отец не имеет сомнений, которые сожжены огнём благодати.

10. Истинный духовный отец приносит сердцам радость Спасени.

Истинный духовный отец приносит душам надежду освобождение от греха.

Истинный духовный отец приводит умы к умиротворению во Христе.

Заключение

Переступаю порог кельи и делаю поклон ее стенам. Сердце замирает в благоговении. Конечно, это самое удивительное место на земле, кусочек вечного неба! «Келья моя, как я столько дней жил без тебя? Вот, где душа действительно купается в благодати!» - Благодарность нахлынула и заполнила душу. - «Вера моя Православная, до чего же ты хороша! Ты - единственная благодать в целом мире! Слава тебе, Христе мой! Теперь я знаю: нет места на земле, где бы Тебя не было, повсюду Ты - самый родной на всём свете, Иисусе!»

Я зажигаю свечи на подсвечнике, в стеклах киотов отразились их трепещущие огоньки. Лики Святых озарены коротким сиянием святости. Неизреченная красота, живая и святая! Душа горячо молится всю ночь, не смыкая глаз, в благодарении славы Бога. От сего сердца приношу молитвы за всех близких и далёких людей. «Как сладко любить всех и всех прощать, Боже!» - шепчу я пред родными иконами.

В этот небольшой дневник я вложил всю душу. Путешествия, восхождения и походы, после которых я не болел ещё целых три года, остались в далёком прошлом, кроме молитвы. Ведь молитва всегда в настоящем - в каждом из нас. Именно это мне и хотелось сказать. И ещё я записал это повествование потому, что меня просили не умалчивать ни о чем, не оставив мне выбора. Однако самая трудное не умолчать о том, к чему невозможно подобрать никакие слова...

Трехстишия

33

1. Истинного отца духовного ни с кем не спутаешь, ибо он словно мать для своих чад.

Истинный отец духовный всегда в молитве, всегда в Богосозерцании, ибо соединен со Христом.

Истинный отец духовный постиг через Христа Несозданное - Отца Небесного в Духе Святом.

2. Когда ум свеж, ясен и просвещен благодатью - это милость духовного отца.

Когда тело легко и полно здоровья - это молитвы духовного отца.

Когда отступают болезни и смерть и продлевается жизнь - это отец духовный

берет на себя твои скорби и болезни.

3. Тот, кто ещё жив, пусть спасается, и Христос спасёт его.

Тот, кто болен, пусть молится, и Христос укрепит его.

Тот, кто уже близок к смерти, пусть кается, и Христос примет его покаяние.

4. Посты, прощения и поклоны, хотя они необходимы, лишь очищают тело. Молитвы по книгам или по чёткам, хотя они весьма полезны, лишь очищают сердце.

Только силой благодати и Богосозерцания возможно покончить со всеми греховными помыслами и обрести окончательное и всецелое Спасение во Христе.

5. Познавать Непередаваемое значит просветляться умом.

Постигать Невыразимое значит просветляться сердцем.

Проникать в Непостижимое значит просвещаться душой.

6. Молиться о Спасении, оставаясь привязанным к миру, все равно, что таскать каштаны из огня голыми руками.

Утверждать молитву в сердце, не покорив страсти, все равно, что забивать гвозди пальцем.

Устремляться в созерцание, не очистив сердце от помыслов, все равно, что совать голову в огонь.

7. Невозможно, чтобы нам все делали добро, но нам возможно всем делать добро.

Невозможно, чтобы нам все желали Спасения, но нам возможно всем желать Спасения.

Невозможно, чтобы нас все любили, но нам возможно любить всех.

8. Спеть что-нибудь умильное, а потом потрапезовать с большим возлиянием - это не Православие.

Хоронить близких с обильным плачем и рыданием, а потом снова предаваться удовольствиям - это не память смертная.

Любить домашних животных больше всего на свете и при этом отвергать просьбы ближних - это не самоотверженная любовь.

9. Укоренишься в дурной привычке, потеряешь совесть. Укоренишься в доброй привычке, обретешь благодать.

Сделаешь опорой суету ума - погибнешь, сделаешь опорой мир душевной - спасешься.

Переживание утешения - чудесно, но не спасительно. Умиротворение ума спасительно, но не чудесно.

10. Очищение сердца - это действие, исполненное Любви ко всем людям.

Очищение ума - это действие, исполненное покаяния о грехах всех грешников.

Очищение души - это действие, исполненное стремления к Спасению всех людей.

11. Очищение сердца без Любви - это действие, омраченное равнодушием ко всем людям.

Очищение ума без Любви - это действие, оскверненное презрением ко всем людям.

Очищение души без Любви - это действие, загрязнённое завистью к Спасению каждого человека.

12. Тот, кто много любит мир, имеет мало ума, но тот, кто любит Бога, имеет всего в избытке.

Все, что привяжется к душе, пойдёт за ней всюду, а то, от чего освободится душа, приведёт её к Спасению.

Тот, кто делает добро - счастлив, а тот, кто с радостью приемлет скорби -

блажен.

13. Строптивого преследует умножение страданий, а послушного - умножение Божиих обетований.

Просвещение разума - от чистоты ума, лишённого помыслов, а просвещение сердца - от чистоты души, лишённой страстей.

Смирение и кротость - путь к просвещению ума, а безмолвие и рассуждение - путь к Спасению души.